

РОУДЛЕНТА

Роман

1. АВАРИЯ

Loser

Ночью завывали автомобильные сигнализации. Взревели хором, пронзительно и жутко. Дом в одночасье проснулся. Щелкали замки, хлопали двери, гудели лифты, плавно подходившие к лестничным площадкам. Люди, встревоженно переговариваясь, втискивались в кабины; если те спускались сверху уже переполненными, жильцы не ждали, отправлялись пешком, грохотали вниз по лестницам до цокольного этажа, к лифтам гаражным, более вместительным, работавшим на подземный спуск.

Раскинувшись в мертвенном величии северной белой ночи, Полис безмолвствовал. Его небоскребы выглядывали из густого тумана мачтами затопленных кораблей. Близился рассвет, утро спешило в город, изнуренный многодневными ливнями.

Все еще спали, и только дом номер сто сорок восемь, стоящий в ряду других высоток на Гаражнокомплексной улице мегарайона А, напоминал огромный зудящий, копошащийся муравейник, в который воткнули соломинку.

Инга Косоротова проснулась, села на диване, нащупывая очки. Олег натягивал джинсы. В соседней комнате куksился разбуженный маленький сын, а умница дочка его увещевала: «Ну, что ты расхныкался? Все хорошо. Это просто машинки, их дождик разбудил...»

Как им повезло с дочуркой! Алиса — добрая и одаренная девочка. Она наверняка с легкостью сдаст экзамены в автошколе и поступит в Автоакадемию. Весной Олег сделает взнос за Алискины подготовительные курсы; к моменту поступления дочка будет уже первоклассным водителем.

— Дождались, — крикнул Олег уже из прихожей. — Все затопило!

— Думаешь, наши парковки затоплены? — переспросила Инга.

Кира Грозная — петербургский поэт и прозаик, журналист, редактор. Родилась в 1975 году в Майкопе. Окончила РГПУ им. А. И. Герцена, специальность — «практический психолог». Кандидат психологических наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автор шести изданных книг. Стихи и проза публиковались в журналах «Юность», «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Зинзивер» и других, в коллективных сборниках и альманахах. Лауреат литературной премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Шинель» (2018) и премии Правительства Санкт-Петербурга в области журналистики в номинации «Лучшие публикации в городских печатных СМИ» (2019). Финалист Всероссийской премии искусств «Созидающий мир» в номинации «Лучшая проза» (2020) и Всероссийской литературной премии им. А. И. Левитова в номинации «Проза. Мастера» (2022). Заняла первое место в номинации «Поэзия» на фестивале авторской песни «Покровский собор» (2024). Живет в Санкт-Петербурге.

— Слышишь сирены? — судя по звуку (мягкий стук каучуковой подошвы о плитку пола), муж надевал кроссовки.

Она сидела в растерянности, покачиваясь, обхватив плечи руками: маленькая, взъерошенная, похожая на птичку.

— Наверное, страховая уже приехала...

— Наша страховая за копейку удавится! Я тебе говорил: не оформляй через «Автопомощь»? Говорил или нет?

— Если помнишь, — голос сорвался, и она откашлялась, — компании «Автонадежда» и «Автоспасение» нам отказали...

— Ладно, извини, — буркнул с порога. — Все, я побежал!

Хлопнула дверь.

От резкого звука Инга вздрогнула. Что же она сидит? Нужно тоже бежать к парковкам. Муж в одиночку не выведет две машины.

Она вскочила, сбросила ночнушку, быстро напялила футболку и лосины и прошла в детскую.

Дочка в розовой пижаме с аппликацией панды сидела на ковре у Ванюшиной кровати.

— Алиса, почитай Ванечке и дай ему теплого сока, — велела Инга.

Алиса взглянула вопросительно-растерянно. Поняла, кивнула и тут же раскрыла большую надувную книжку с пузатым автомобилем на обложке:

— А кто тут хороший мальчик? Кому почитать про похождения Автоежки и Колесунчика?

Ваня в ответ залепетал и радостно забулькал.

Набросив на плечи легкое пальто, Инга вышла на площадку.

Урчали лифты, перемещая жильцов к подземным парковкам. Лифт, в который села Инга, был загружен под завязку. Она была последней, восьмой пассажиркой. Знакомых не встретила; впрочем, соседей по подъезду столько, что и за целую жизнь не запомнишь.

Зеленая надпись: «*Все на выборы!*» то всплывала, то гасла на интерактивном информационном стенде лифта.

Прижатая со всех сторон к чужим людям, Инга слушала разговоры жильцов. Все взволнованно обсуждали случившееся.

— Я был соавтором петиции о строительстве выносной парковки-многоэтажки! Если бы все жильцы подписали, сейчас бы...

— Ну, подписали бы — что толку? Нашу придомовую территорию никто перепланировать не станет.

— Нет де-енег, нет де-енег... — передразнил кто-то, отлично симитировав гнусавый тенор градоначальника.

Раздавшийся смех чуть снизил напряженность.

— Противоливневые системы никуда не годятся. Черт бы подрал этого Алтурмесова!

— Позвольте, он ведь первый трубит на каждом канале, что из бюджета выделяется недостаточно средств для переоборудования канализации и противоливневых систем! На него-то как раз вся надежда.

Дальнейшую дискуссию соседей Инга слушала вполуха. Когда приходит беда, уже не до политики.

Скоростной лифт быстро спускался вниз: переполненный на тридцать девятом, он больше не останавливался на других этажах. На цокольном этаже Инга пересела в просторный гаражный лифт; тот двигался куда медленнее, словно с неохотой уходил в промозглую сырость подземелья.

Запах сырости чувствовался уже в лифте. Люди переглядывались.

В подземном секторе все выходили один за другим. Парковочные секции Косоротовых находились на «минус четвертом». Не самое худшее (как и не самое дешевое) место — есть еще парковки на «минус пятом» и «минус шестом» этажах. Но и не люкс. Не с косороотовским счастьем — парковаться в верхних отсеках...

Тут выяснилось, что на «минус четвертый» этаж нет доступа: он затоплен. Лифт протяжно загудел и встал на «минус третьем». Красная кнопка «Опасность!» замигала на световом табло.

Инга и все, кто был в лифте, вышли. Жители, парковавшиеся на «минус третьем» этаже, поспешили осматривать свои машины. Она присоединилась к толпе на площадке. Там собрались владельцы парковок класса «Б» и «С»: «минус четвертый» и ниже. Там же торчал ее высокий, худой муж.

— ...Страховая компания рассмотрит ваши заявления в ближайшее время, — басовито гудел толстяк в желтой униформе сотрудника фирмы «Автопомощь». — Мы быстро примем необходимые меры...

— Черта с два вы их примете быстро! — рявкнула полная тетка лет пятидесяти. — В прошлый раз девять месяцев нас мурыжили, пока не выплатили — стыдно сказать сколько!

— Суммы страховых выплат рассчитываются по формуле, включающей в себя изношенность транспортного средства, доходы владельца, отсутствие у него действующих административных взысканий, — заученно забубнил толстяк, моргая глазками.

— Лучше рассчитай по формуле, во что тебе выйдет вставить новые зубы, — выступил вперед низкорослый субъект с лицом, обтянутым желтоватой кожей, по виду — работник сферы вредного производства.

Толпа зашумела, качнулась в направлении страхового комиссара. Тот попятился, достал из кармана экосалфетку и вытер мокрый лоб.

В этот момент подошел лифт, и из него вышли представители двух других страховых компаний (синий и лиловый жилеты). К прибывшим тут же потянулись их клиенты — обладатели парковок на «минус третьем» этаже. Они разом загалдели: машины многих на ходу, но чтобы эвакуировать их наверх, следует откачать воду — на выезде образовался целый водоем... У кого-то машины затоплены до порошков — пострадали подрамник и ходовая часть, зато не залило двигатель...

— Нам бы их проблемы, — шепнул жене Олег.

На площадке образовался затор.

Толстяк в желтом, воспользовавшись суматохой, вскочил в лифт и слинял.

— Везет же нам, — проговорил Олег, обернувшись к Инге. — Нижняя парковка, отстойная страховая фирма...

Им всегда так «везло». Они с мужем были, что называется, «люди маленькие». Олег работал рядовым клерком в сфере шпионажа. Он не имел даже нулевой формы допуска. Инга обучала коучей низшего звена находить первых заказчиков. Машины у обоих — малолитражки, парковка — «минусовая», квартира — окнами на Роудленту...

Станет ли серьезный страхователь возиться с такими клиентами? Конечно, нет. Только «Автопитер» соглашается оказывать услуги неудачникам, норовя при этом обсчитать их и обидеть.

— Ладно, — Инга вздохнула, — не переживай. Выплатят, куда не денутся. Понадобится, подадим на них в суд. Ну, а если ничего не получится, за свой счет купим новые машины.

— Конечно, купим. Только тогда на Алискины подготовительные курсы денег уже не останется.

— Что делать... Будет тянуть на бюджетные. Недотепы мы с тобой. Неудачники. Лузеры...

— Это ведь старик Кулагин... твой отец меня так обозвал, — вздохнув, отозвался Олег. — Помнишь? «Лузер ты, чучело»...

Олег помрачнел и сник. Он, казалось, сделался ниже ростом. Инга почувствовала себя виноватой: это ведь она расстроила мужа, напомнив ему и о статусе, и о «везении». Правда, тестя он упомянул сам.

Инга представила отца: красивого, вальяжного, уверенного в себе. Вспомнила, как он жирным голосом читал нотации дочери и недотепа зятю. Отец много лет проработал в Департаменте импортозамещения. Позднее, когда департамент ликвидировали в связи с многолетним отсутствием импорта и производственной «фишкой» стал международный промышленный шпионаж, отца перевели на Автозавод. Там он сделал карьеру: стал заместителем самого генерального директора, Федора Андреевича Кобрина.

Инга в детстве видела этого, страшно сказать, Кобрина в гостях у родителей, в их просторной квартире. «Легенда отечественного автопрома» уже тогда был мордаст и сед. Отец же, в противовес гендиру, выглядел моложавым и спортивным. На всех презентациях и банкетах его окружали красивые практикантки.

Инге исполнилось тринадцать, когда Кулагин ушел из семьи. Он развелся с Ингиной мамой и женился на двадцатилетней кукле, работавшей моделью в презентационном автосалоне. Новая папина жена демонстрировала автомобили класса «А». Каждому, кто видел рекламный ролик с нею, игриво распростертой на капоте спортивной красной «тринити», был понятен посыл: купи такую машину — получишь в придачу такую красотку.

Почти сразу «молодая семья» произвела на свет еще одну куклу — нахальную девчонку Аньку. Сначала — девочка-вундеркинд, круглая отличница, королева выпускного бала. Затем — талантливая изобретательница, виртуозная шпионка...

Отец самодовольно говорил про Аню: «Вся в меня!» — хотя сам не был ни шпионом, ни изобретателем. Из него получился хороший хозяйственник, финансист. Он нюхом чуял любую опасность для фирмы: угрозу банкротства, ненадежных партнеров, финансовый риск. За это Кобрин и ценил отца, и платил ему огромную зарплату.

Инга втайне думала, что Анька унаследовала гены «куклы»: увести из семьи добropорядочного мужа и отца способна далеко не каждая, пусть даже очень красивая девушка. Для этого нужно быть хваткой, смелой и беспринципной.

Инга тоже пошла в свою мать — простую и добрую женщину. Она видела с детства, как мама обихаживала отца, создавая ему уют и комфорт, забыв о собственной научной работе и потребностях молодой женщины. И что мама получила? Маленькую квартирку с парковкой на «минус третьем» этаже и скромное ежемесячное пособие «за любовь и верность» (отцу еще хватало наглости пошутить)!

Отец требовал, чтобы «сестрички» общались друг с другом. Мать не поощряла, но и не препятствовала. Как могла она противостоять «старика Кулагину»? Да и кто бы мог... Кроме всемогущего Кобрина, которому отец подчинялся.

Инга минимум раз в неделю гуляла с «сестрой», и та росла у нее на глазах, хорошея и наглея год от года, но не становясь ни роднее, ни ближе.

Инга еще не представляла, какой неприятный сюрприз ее ждет. Она выросла, вышла замуж, родила дочь Алису... И первой Алискиной подругой, хранительницей ее ранних тайн, дарительницей дорогих волшебных подарков стала — кто же? — «любимая тетя»!

По мере взросления Алиска все больше и больше привязывалась к Аньке, а та ответно тянулась к племяннице. Теперь «сестрица» являлась к Инге домой уже без приглашения и без повода. Приносила Алиске подарки, обсуждала с ней мальчиков из автошколы, учила женским хитростям и ухищрениям...

Инга понимала, что, запретив Алиске общение со сводной тетей, она добьется обратной реакции. Да и с чего бы запрещать? Анька добросовестно исполняла роли сестры и тети. Была весела и приветлива, поздравляла с праздниками. А когда Алиска заболела и всецело потребовала Ингиного внимания, Анька предложила забрать Ванечку к себе. Будучи востребованной карьеристкой, она без колебаний оформила отпуск по семейным обстоятельствам, потеряв в деньгах, и на месяц стала образцовой няней для малыша.

Инга была благодарна за помощь. Она понимала, что Анька все делает искренне. Но пересилить себя не могла.

Да, она не любила сводную сестру. Не просто недолюбливала — терпела с трудом. Не могла простить Ане маму и свой подростковый комплекс «дочки, которую заменили». Может, именно комплекс — причина того, что она неудачница? И ее нынешние раздолбаи ученики, и муж, мелкий клерк без перспективы роста, и парковка на «минус четвертом» — все оттуда?

Конечно, Аня перед нею ни в чем не виновата. И никто ни в чем не виноват. Просто так вышло.

Но раз никто не виноват, значит, нужно всем жить в мире. И дружба тетки с племянницей становилась все крепче и нежнее. Инга не препятствовала, Олег даже поощрял, а отец был просто рад.

Впрочем, тесть и зять сходились только в этом. Жестокий, бестактный Кулагин при каждом удобном случае норовил ткнуть Ингиного мужа в «больное»: посмеяться над промахом зятя, очень похоже и обидно изобразить, как Олег, ссутулившись, бредет к своей машине, с напускным сожалением пожуричь за недостаточное служебное рвение. Еще бы: его младшая (любимая!) дочка, сотрудница Автозавода, получает крупные заказы от Института шпионажа, а муж старшей дочери в этом институте с отчетами ковыряется.

Олегу бы вовсе прекратить общение с тестем или, еще лучше, хоть разок поставить его на место. Да не тот характер у Олега...

Инга вздохнула, обняла мужа:

— Ладно, справимся. И Алиска справится. Вспомни, как мы с тобой сдавали водительские экзамены: без всякого репетитора, без подготовительных курсов. И ведь не пропали.

— Ага. Вспомни еще дремучую древность, когда были автошколы с двухмесячным обучением.

— Но люди жили как-то.

— Да, но что это была за жизнь? Сплошные аварии. Горе-водителей обучали, как газовать и тормозить, и после этого выпускали на дороги.

Ингу передернуло.

— Хорошо, что сейчас все иначе. Алиска будет учиться, сколько положено. Она у нас талантливая. В автошколе отличница — и в Автоакадемии будет лучшей.

Лицо Олега посветлело:

— Действительно... Наша Алиска! Она уж точно не лузерша...

— И, слава богу, не потенциальный паникер! Помнишь сводку, сколько зарегистрированных паникеров в этом году? Уже двадцать пять процентов. Четверть всех водителей реестра!

Олег промолчал. У него самого в последнее время случались на Роудленте эпизоды паники... Разумеется, жене об этом лучше не знать.

— Этот желтопузый взял наши данные? — спросила Инга.

— Да, успел — до того, как его начали бить, — Олег усмехнулся, очевидно вспоминая, как толпа прижала толстяка к стене. — Я все заполнил в приложении, как он продиктовал. Пойдем домой.

Олег обнял жену за плечи, и они медленно двинулись к площадке.

Люди, стоявшие в очереди к лифтам, были хмуры. Теперь им оставалось ждать, когда откачают воду, продиагностируют затопленные машины и определят степень ущерба. А пока — по домам, досыпать.

В восемь утра Олег свяжется с Институтом шпионажа и предупредит, что не выйдет на службу. Его шеф не будет огорчен известием. Без Олега Косоротова производство дронов-шпионов не остановится. Вряд ли кто-то вообще хватится его на работе.

Что касается Инги, то ее коучи-раздолбаи будут рады побездельничать недельку-другую. Все равно из них толку не выйдет. И они это понимают. Перспективных коучей обучает тренер рангом повыше...

Главное — зарплату не удержат. Ни ему, ни ей.

Поломка транспортного средства — не только страховой случай, но и уважительная причина для неявки на службу. Каждого пострадавшего от наводнения ждал незапланированный оплачиваемый отпуск.

Crash

Лина Бельчонок курила, стоя на лоджии. Из ее угловой квартиры открывался обзор на Гаражнокомплексную улицу: синие и оранжевые высотки (три дома, две наземных парковки), втиснутая между ними маленькая белая мечеть (наследие нулевых).

Далеко внизу двигался по тротуару поток самокатчиков. Преимущественно это был «офисный планктон», спешащий на службу, но и черные плащи сектантов, поклоняющихся Роудленте, мелькали то тут, то там: поклонение — дело раннее, безотлагательное... Лина завидовала им всем, хотя — если уже объективно — сама она была в гораздо лучшем положении. Ее время — полдень, когда река из машин и людей обмелеет. Это большое везение — разрешение на поздний выезд из дома. Но как давно хотелось выбраться куда-нибудь утром!.. Нельзя! До девяти утра — время технического персонала, а с девяти до одиннадцати — «офисного планктона». А она, Лина, «свободный художник».

Зато у нее есть право допоздна находиться в Центре, а у этих бедняг ровно в девять вечера — дистанционная блокировка скоростного режима. Не ключа — вдруг водителю придется перемещать свою машину на придомовой территории в неурочное время. Но скорость офисным работникам вечером блокируют. Конец рабочего дня — девятнадцать часов, два часа на дорогу домой, и все.

Лина потянулась и зевнула. Она не выспалась: ночью в соседнем доме истошно верещали автомобильные сирены. Лина вышла на лоджию, постояла, ничего не увидела и, замерзнув в легком халатике, отправилась досыпать. Но долго ворочалась без сна, а под утро, когда ее все же срубило, приснилось, что это ее машина посылает сигнал бедствия, а потом вовсе затянуло в кошмар.

Она стояла одна посреди дороги, ногами прямо в большой луже крови — и лужа все росла и росла, растекаясь в стороны...

Лина зажмурилась, как делают маленькие дети, пытаясь вынырнуть из тяжелого сна, — и тоже вынырнула. Было темно, еще спать и спать. Но сон ушел. А спешить некуда, делать нечего. Разве только пить кофе и размышлять.

Зеркало ванной комнаты отразило высокую молодую женщину с длинными каштановыми волосами. Глаза — большие, серо-зеленые. Сейчас они смотрели вымученно, а уголки губ, обычно вздернутые в ироничной полуулыбке, слегка опустились, что определенно старило Лину.

«Какая я страшная, — подумала она. — Мне уже тридцать два...»

Не то плохо, что ей тридцать два, а то, что тридцать два — и она одна.

Как много на тротуаре людей! Просто муравьиная тропа. Самокатчики ползут к своим авто, ожидающим хозяев у въезда на всемогущую Роудленту. Там они садятся в машины и разделяются на потоки. Первый ярус, шумный и смрадный, забит лязгающими и грохочущими фурами, бензовозами, мусоровозами и бетономешалками. По второму выезжает на службу разномастный технический персонал: рабочие, мастера, ликвидаторы аварий, пожарные, полицейские и прочие силовики; этот ярус открыт круглосуточно, и все равно всегда переполнен. Третий ярус — для «офисного планктона». Лина пользуется четвертым: он условно предназначается для «элиты творческого планктона», тех, кого ее отец называл «трутнями». Популяция, к которой принадлежит Лина, не отнесена к какой-либо определенной нише.

Пятый ярус — бизнес, премиум-класс. Наиболее обеспеченные горожане, а также лица, «имеющие особые заслуги перед правительством» (строка из Закона), вправе пользоваться им. Шестой ярус — административно-правительственный, а кто пользуется седьмым, Лина представляла себе довольно смутно. Видимо, только Главы...

Ходят слухи о восьмом ярусе, якобы существующем. Очевидно, враки.

Она потушила окуроч, сунув его в экопепельницу. Раздалось тихое урчание: окуроч был измельчен. То, что от него осталось, теперь можно вытряхнуть в унитаз. Проблема с многими видами мусора решена. Пластик давно запрещен, а его заменители легко распадаются на составляющие элементы, превращаясь в безвредный порошок.

Родители Лины и Леньки стояли у истоков современных экосистем. Даже к самому главному изобретению последних десятилетий — топливному очистителю — был причастен их папа! Он запатентовал очиститель и защитил новаторскую докторскую, в свое время наделавшую много шума.

В то время когда крупнейшие компании страны тратили огромные средства на построение электрокаров, развивающаяся фирма, в которой работала мать и которую курировал научно-исследовательский институт отца, боролась за внедрение топливных очистителей. Как только очистителям «дали зеленый свет», с электрокарами было покончено.

Исключение составили электробусы. Впрочем, их мало.

Лине и Леньке было шесть лет, когда по Мегатубу показали ролик, после которого в одночасье заглохло производство электрокаров. Как будто их вычеркнули, выкинули с рынка. То была настоящая промышленная революция. А ведь эти «совершенные автотранспортные средства» уже к середине тридцатых годов занимали большую часть льготных и VIP парковочных мест. Поскольку в первую очередь ими начали массово пользоваться правительственные чины, на «электрификацию дорог» выделялись огромные государственные дотации.

Производители электрокаров покидали отечественный рынок с проклятиями, судебными исками и саботажем. Папин проект пытались застопорить во всех инстанциях. Впрочем, когда отец одержал победу, над проектом принялись работать сразу две лаборатории.

Энергичная бабуля Лора, папина мама, заправлявшая хозяйством и присматривавшая за детьми, говорила в сердцах:

— Тратились бюджетные деньги, как в двадцатые — на вакцины, так в тридцатые — на электрокары. Айрону Мунку не удалось — так мы сами с усами, устроим аккумуляторную революцию. Устроили! И получили! Рост налогов, подорожание электричества...

— Я не пойму, мама, — отец пожимал плечами, — ты рада или не рада, что с электрокарами покончено и не тратятся больше понапрасну огромные средства?

— Чему же тут радоваться? — бабуля с грохотом ставила на стол мультиварку.

Папа и мама переглядывались, пряча улыбки, а дети передразнивали бабулю. «Айрон Мунк! Где твой ак-ку-мулятор?» — кривляясь, выкрикивал маленький Ленька. Кроха Лина хохотала, падала на ковер и задирала ножки.

Бабуля сердилась. Она в доме была «командиршей». Очки на носу, складка между бровей, ежик пегих волос, худоба и строгий четкий голос. Она не только много читала, но и писала: блоги, заметки, комментарии. Все свободное время, когда не стояла у плиты и не муштровала внуков, гоняя их по развивающим программам, бабуля сидела в кресле за компьютерным столом и вела переписку или беседовала с друзьями. На экране ее монитора мелькали известные личности: видеоблогеры, писатели, артисты. В ее ленте возникали попеременно то поэт-лауреат главной международной литературной премии, то манерный модельер, то холерический писатель, то импозантный бородатый политолог в кипе и очках...

Когда антиблокировочные средства, позволявшие гражданам Полиса посещать «заполисные» ресурсы, были убиты взрывной волной мощных блокираторов и мелькнувший на экране последним зарубежный политик-блогер вдруг заткнулся на полуслове, задрожал, покрылся рябью и, словно сказочный джинн, навсегда исчез в «черной дыре», папа грохнул в настенный экран раритетной вазой. По счастью, экран был противоударным. Бабулина ваза разбилась, но бабуля не услышала грохота. Запершись в своем кабинете с бутылкой молодого вина, почти вцепившись в монитор, она навсегда прощалась с иудеем-политологом.

Расставание с «забугорными» друзьями надолго выбило бабулю Лору из колеи. Ее супы и котлеты теперь подгорали и выкипали либо вовсе были безвкусными. Да, конечно, у нее оставались друзья внутри Полиса, но почти у каждого из них прервались столь же значимые связи. Видеочаты в бабулином кабинете теперь напоминали похоронные застолья.

Лина и Леня выросли, и каждый выбрал себе профессию. Папа надеялся, что его дети станут химиками, но его сын теперь носит черную форму, выписывает штрафы и оформляет эвакуацию автотранспорта.

Ну а Лина пошла в деда, папиного отца. Дедушка женился на бабушке в пожилом возрасте. Он считался в свое время известным писателем и, по семейной легенде, никогда в жизни не сидел за рулем.

Весь период, пока Лина осваивала матчасть в Автоакадемии, семья всерьез беспокоилась, что она ее так и не окончит. Вылетит, останется «бесправной». А это — катастрофа, социальная смерть.

Катастрофа — таково было ее прозвище.

Поначалу Лина ужасно злилась, когда ее так называли близкие. Какая еще «катастрофа», если она совсем не подвержена панике — «техногенной чуме» двадцать первого века? Позже, впрочем, она привыкла, однако с бойфрендом Денисом, запустившим прозвище в жизнь, рассталась именно по этой причине.

Они тогда отправились в лес на выходные. По заверениям туроператоров, это был райский уголок: окультуренный гектар зеленых посадок; две гостинично-парковочных высотки; озеро с невидимой оградой — можно сниматься в купальнике на его фоне, как в старину на природе; в общем, «пять звезд». Денис вдобавок жаждал посмотреть жуков, которые якобы жили в специальных коробах-вольерах в этой экзотической местности; птицы там и вовсе обитали на свободе.

Съездили, посмотрели. Для Лины отдых и так стал бы памятным уже потому, что на лоне природы в волосы ей нагадила самая настоящая птица. Никаких «жуков», разумеется, в помине не было. Зато шикарные фото в купальнике на фоне озера впоследствии украсили ее страницу в мегабуке, — и это, увы, было последнее, что осталось в ее жизни от Дениса.

В воскресенье вечером Денис должен был вернуться в город, а наутро выехать на службу в шесть. Он относился к «техническому персоналу». По отношению к Лине — «низший класс». Если бы ее спросили, она не смогла бы объяснить, почему встречается с ним. Собирается за него замуж? Конечно, нет! Тогда зачем он ей нужен?.. Лине трудно было признаться даже самой себе: Денис, невысокий и неприметный парень с «пороссячьими глазками» (как он сам однажды шутливо назвал свои невыразительные глаза), — лучший любовник, с которым впервые за свои тридцать лет она сумела высвободить всю «ведьмаческую энергию». Это он так говорил.

Еще у них было общее хобби: просмотр фильмов-ужастиков Догуманистической эры. Классических, в которых, по сюжету, компания в пять-шесть студентов приезжает куда-то отдохнуть, и их там убивают. Обычно в живых остается либо нелепый парень (Шут), либо самая некрасивая девушка (Девственница), либо оба-два. Прочие — Красотка (она же Блудница), Супермен, Умник (или Алхимик) — умирают страшной смертью один за другим. «Тебя бы прикончили первым, — однажды заметила Лина, когда они валялись в постели после киносеанса. — Ты — Супермен!» — «Так ведь ты, ведьмачка, тоже умерла бы в самом начале», — расхохотался Денис.

«Ты — моя ведьмачка», — говорил он ей. И: «Ты женщина-катастрофа».

Непонятно почему, но Лину всегда заводила последняя фраза. На его глазах, за секунды, она менялась: становилась нежной и податливой, потом, без перехода, страстной и ненасытной, и просто бешеной... а затем — вновь ручной и послушной. И в такие моменты между ними исчезали все те границы — телесные, душевные, ментальные, — что отделяют цивилизованного человека от пещерного.

Ее Дэн был на высоте. Она же была — «катастрофой», стихией, которую только он и умел укрощать.

И вот они отправились в лес. Лина только что приобрела новое авто и предложила «обновить». Когда собрались в обратный путь, машина не завелась. Денис проверил все: электрику, аккумулятор, генератор... Что за чертовщина, где поломка? Перенервничав, они поспорились, и вот тогда Денис в запальчивости и ляпнул: «Ну ты, Линка, и женщина-катастрофа!»

Удивительно: то самое слово, которое в постели играло роль триггера, выпускавшего на волю ее внутреннюю «ведьмачку», на фоне бытовой поломки вызвало у Лины страшную ярость.

Лина была вспыльчива. Отходила она обычно быстро, но успевала наговорить такого, чего мужчины обычно не прощают. Денису Лина напомнила, что это он, а не она «технический персонал».

Денис вызвал и оплатил эвакуатор. Машину вместе с ними транспортировали в город. В автосервисе Лина оплатила комплексную диагностику. Сумма получилась не то

чтобы разорительная, но весомая, учитывая стоимость дальнейшего ремонта: за копейку ей поставили на аккумулятор слетевшую клемму.

Так что вопрос, кто был большей «катастрофой» — она или Денис, не сумевший нормально продиагностировать мотор и установить причину поломки.

Больше они не встречались.

И угораздило же ее пожаловаться Леньке, как Денис ее обозвал в критической ситуации! Она ошиблась в Ленькиной реакции: брат долго смеялся, и симпатии к Денису у него только прибавилось. «Жаль, что вы расстались, — искренне сокрушался Ленька. — Отличный мужик, с юмором!»

Леньке так понравилось прозвище, что он с тех пор иначе и не называл сестру. Crash!¹ Катастрофа. И если бы только брат!..

Волнофон отозвался на ее воспоминания смешной песенкой из древнего фильма, скачанной Ленькой с музыкального ретросайта. Песенку пели полицейские прошлого века. Слова и мотивчик казались легковесными, однако сами исполнители были суровыми силовиками Догуманистической эры. Может быть, они ликвидировали горожан, нарушивших требования самоизоляции в эпоху пандемии, или разгоняли митинги и марши протеста.

«Марши протеста» — это толпы людей, идущие по городу пешком, без машин, без самокатов и даже без велосипедов. «Митинги» — это когда толпы уже не идут, а стоят перед трибунами, с которых горластые главы выкрикивают агрессивные лозунги. Понятно, почему этих людей разгоняли, — непонятно лишь, что им было нужно?..

Лина ответила на вызов.

— Привет сатрапам!

— Привет, Крашечка, — суровый бас майора Бельчонка плохо вязался с ласковой формой обращения. — Ты не забыла про Валькин юбилей? В пятницу вечером ждем. В семь.

— Конечно, помню.

Разумеется, она забыла. На брата была возложена обязанность напоминать сестре о праздниках других членов семьи.

— Отлично! Будем ждать. Как бабуля Лора?

— Жива, бодра...

— Ну, и славно. А как ты, Крашунчик? — в Ленькином рыке проступили почти нежные нотки. — Заказов много?

— Немного, но есть один неплохой, — Лина оживилась, как и всякий раз, когда разговор заходил о ее работе. — Поручили целую веранду. Генерал один, отставник.

— Ого! Надеюсь, заплатит по высшему разряду.

— Я тоже надеюсь.

— Еще надеюсь, что приставать к тебе не будет, — Ленька засмеялся. — А то генералу я давно не чистил вывеску...

И он расхохотался, как будто вправду сказал что-то смешное.

— Ленька, перестань, — урезонила она брата. — Расскажи лучше, что у тебя.

— Расскажу при встрече, — загадочно отозвался Ленька.

— О, есть новость? Валька опять беременна? Тебя повысили? Я же мучиться буду!

— Ну, ты уж сразу... Нет, ничего *такого* пока не произошло... Ладно, — брат сдался, — только без подробностей! Мы сейчас на Роудленте внедряем одну штучку. «Щипач» называется. В минувшем году одна проектировщица, девчонка-вундеркинд, выиграла тендер. Теперь и она, и ее изобретение просто нарасхват. «Щипач» — изобретение этой девочки.

¹ Авария, катастрофа, крушение, крах, обвал (англ.).

- И что это за «щипач» такой?
- Пока — военная тайна. Не по волнофону...
- Какой ты противный! Я до пятницы от нетерпения лопну!
- Ну, хорошо, — сжалился брат. — Знаю, какая ты любопытная... «Щипач» — это шпион.
- Шпион? — переспросила Лина.
- Ага. Нарушителей на дорогах будет ловить. Технологию я тебе потом разъясню.
- А у нас что, нарушители по дорогам ездят? — удивилась Лина. — Где ты их вообще находишь?
- Бывают, — проворчал брат.
- И спохватившись, что заболтался с сестрой, да еще и разглашает по волнофону «военную тайну», брякнул:
  - Ладно, Крашуня, мне пора. До пятницы.
  - Ну, пока.

Близнецы — обычно это наследуется. У Леньки и его жены Вальки тоже двойняшки — правда, две девочки.

В их семье и раньше появлялись двойни. Например, у бабули тоже был брат-близнец, погибший подростком.

Как и Лина с Леней, бабуля с братом носили созвучные имена: Лора и Лоуренс. Бабулиного брата на улице задавила машина. Она рассказывала, что они с родителями жили в том же месте, где сейчас живет бабуля в мегарайоне А, только в «маленьком доме на две-три семьи». (Как выглядит такой маленький домик, в котором было всего две-три семьи, Лина попыталась представить, но ей не удалось.)

Лина сочувствовала бабуле: с детства она сама боялась потерять любимого брата. Однако ни Лина, ни Ленька не могли вообразить, как это человека может «задавить машина на улице». Для этого следовало бы лечь перед машиной, стоящей в дорожном потоке, у ее передних колес, — лежать и ждать, когда задавят. Причем парковщик должен либо быть пьян — а известно, что любая машина самоблокируется, если в нее садится водитель даже с одним промилле в крови, либо внезапно ослепнуть или сойти с ума. Но если бы такое и случилось — дурачащийся мальчик под колесами, пьяный или сбрендивший парковщик — как могли допустить подобное парковщики соседних машин?

Бабуля Лора до сих пор жива. Ей перевалило за девяносто. А папы нет.

Нелепая гибель отца из-за утечки газа в институте потрясла всех. Бабуля Лора мгновенно постарела, словно потухла. Ей уже не суждено было восстановиться: гибель сына переломила ее жизнь на «до» и «после». Лина и Ленька в растерянности наблюдали, как самая сильная в их роду догорает, будучи еще фактически живой.

Бабулин компьютер окаменел года на два. Позднее, правда, бабуля вернулась к компу, но не к прежней активности. Теперь она в основном раскладывала пасьянсы и просматривала давнишние ролики с зарубежными друзьями, большинство из которых к тому времени уже покинуло этот мир.

Мама, миниатюрная красивая женщина (Лина не в нее пошла — в бабулю Лору дылда), после папиной смерти повторно вышла замуж и переехала в дальний пригород, еще не ставший окраиной Полиса, — на машине добираться несколько дней. Она изредка приезжала и жила у Леньки. Тогда Лина и навещала маму. Поддержка и забота детей той пока что не требовались.

А бабуля Лора находилась теперь на попечении Лины. В последние годы она почти не покидала свою квартирку.

Навещающая бабулю, брат и сестра часто слышали, как она разговаривала вслух со своим покойным сыном, их отцом. Лина и Ленька молча переглядывались. Им было не по себе. Впрочем, оба понимали, что все как раз нормально: чем ближе бабуля Лора подходила к финишу, тем живее для нее становился сын.

Ленька однажды проговорился: он подозревает, что отца убили. Как убили? — ужаснулась Лина. Ты что? Зачем? Ну, если быть точными, то не убили, а устранили. Кто? Производители электрокаров, конечно. Доказательств только нет, и вряд ли их теперь добудешь.

Брат был уверен в убийстве отца, как пожилой параноик начала века — в существовании мирового правительства.

Лина не понимала, зачем оппонентам понадобилось «устранять» отца именно тогда, когда все уже и так случилось. Топливный очиститель совершил переворот в автопромышленности. Теперь-то никому бы в голову не пришло расходовать дорогущую электроэнергию в прежних объемах.

В наши дни, подумала Лина, уже не увидишь на дорогах машин «с выхлопом». Она хорошо помнила, как они с братом и папа застряли в той злополучной пробке. Им с Ленькой было по восемь лет. Перед ними стоял пассажирский автобус («братская могила», как называл папа общественный транспорт; сегодня автобусов уже нет, а электробусы выполняют в основном социальные заказы). Из выхлопной трубы автомонстра полз черный дым. Заволокло весь салон, хоть папа и включил усиленную внутреннюю вентиляцию. Лине и Леньке стало плохо. Отец бросил машину прямо посреди дороги, в средней полосе. Вынес из салона детей, оттащил на обочину, положил на травку, вызвал полицию и «скорую помощь».

Потом папа выступал свидетелем обвинения в суде, тряс медицинскими заключениями из стационара, где проходили реабилитацию дети, наглотавшиеся отравленного дыма. Водителя приговорили к крупному штрафу, выплате компенсации за моральный вред и оплате лечения Лины и Леньки. Но к сожалению, ответчика не дисквалифицировали.

Сегодня такому водителю заблокировали бы выезд из гаража. Ущербный транспорт сам себе вызвал бы эвакуатор для добровольной отправки в утилизацию. А водителя ожидало бы пожизненное лишение прав.

Взглянув на часы, Лина спохватилась, полезла в волнофон. Пора искать свободного парковщика. Полчаса — на поиск, потом примерно час до Роудленты. А пока можно сходить в Дворомаг.

Ей повезло: Дворомаг у них был отличный. Далеко не все дворوماги в городе тянут на пять звездочек. Многие пытаются открепиться от своего Дворомага и закрепить за соседским, но это обычно не встречает понимания у жильцов соседнего двора.

Дворомаг размещался во втором подъезде ее дома, занимая первый и цокольный этажи. Все его сотрудники жили в одном из зданий, образующих Линин просторный двор с собственным микроклиматом. Управлял Дворомагом Павел Николаевич Митин. Пятнадцать лет назад его лишили водительских прав. История Митина — драматичная и дикая (хоть роман пиши), никак не вязавшаяся в сознании с лысым весельчаком — была известна в деталях жителям обоих домов, объединенных придомовой территорией. Павел Николаевич охотно рассказывал о себе соседям-покупателям, справедливо полагая, что так будет меньше сплетен и выдуманных деталей.

Павел Николаевич тогда уже был зрелым, солидным. Жена донимала: покупай себе машину, не позорь семью! У нее автомобиль был. Но Митин брыкался. В тот период шла бурная волна протестов: бунтовали сторонники каршеринга. Их аккаунты горели

лозунгами: «Автовладельцы — рабы частной собственности!», «Пробки и автоочереди отдай боссу: у него есть личный шофер!»

Каршеринговые машины, новые, благоустроенные, тогда еще стоили недорого и были распространены на дорогах. Павла Николаевича вполне устраивала «грета» — скромный внедорожник класса «Б». Он пользовался машиной каждый день. Для удобства арендовал авто на неделю и менял, как меняют постельное белье или фильтры в водоочистителе. Ну, и чтобы не привыкать к одному и тому же авто.

Ранним субботним утром Митин забронировал машину и отправился в ближний пригород Полиса навестить мать. Теперь этот бывший пригород входит в структуру северных мегарайонов Полиса. Загородная трасса была свободна, так как выехал он практически на рассвете.

Митин мчался (тогда еще можно было мчаться) по средней полосе и слушал музыку. Попсовые песенки его не раздражали, хотя можно было и обойтись без них. На пятидесятом километре его тормознул полицейский. Митин остановился, открыл окно, приглушил музыку и показал свое водительское удостоверение, а также свидетельство о регистрации арендованной машины и страховку, скачанные с куар-кода на торпеде автомобиля. Полицейский проверил документы, козырнул и, прежде чем отойти от машины, бегло поинтересовался, с нажимом на первое слово:

— Ваш аккаунт открыт?

— Да, — так же механически ответил Митин.

И в ту же секунду спохватился: аккаунт был не его. Когда он заводил двигатель, аккаунт уже был активирован: предшественник-арендатор, раззява, оставил дверь в свой интимный мир настезь открытой. Разумеется, Митин знал, что ему следует сделать — все водители ежегодно сдают экзамен на знание новых автозаконов: немедленно заглушить мотор, выйти и завершить поездку, затем повторно арендовать машину и открыть собственный аккаунт. Однако он спешил к матери...

Теперь ему светил штраф — как минимум.

Тем не менее после встречи с полицейским он поехал дальше, слушая чужую музыку. Вдруг раздались звуки лирической ретропесни, которую приглашенные музыканты исполняли на его свадьбе. Митин и жена его Ольга — тогда еще податливо-нежная, застенчивая — танцевали под эту музыку отрепетированный танец... Он заслушался, поймал себя на том, что уже некоторое время стоит на обочине, под знаком «остановка запрещена». Нужно срочно сваливать отсюда: кто знает, нет ли поблизости камер (любые антирадары уже запретили на законодательном уровне: все проверки должны быть внезапны, а граждане — безупречны всегда, а не только по предупреждению).

И все-таки, прежде чем съехать с обочины, он, воровато оглядевшись по сторонам, открыл чужую страницу в соцсети и посмотрел личные данные и фото владельца.

Она — молодая, рыжая, худенькая — летела на доске с гребня волны. Мокрые волосы, сплошной спортивный купальник. И почти никакого фотошопа (он кое-что в этом понимал). Девушку звали Арина Елистратенко. Нескладное имя, подумал он. Зато фигурка...

Павел Николаевич так и не закрыл чужой аккаунт, хотя знал, к чему это может привести.

В тот же вечер, по возвращении от матери, уже после блокировки скоростного режима прокатной «греты», Митин долго сидел на платной парковке и читал ее переписку, смотрел ее фотографии, заочно знакомился с ее друзьями (сплошь милота, как и сама Арина, годившаяся ему в дочери).

Он начал следить за ней. Жадно отслеживал свежие сообщения, с волнением читал личную переписку (у нее был парень, настолько занятой, что их любовь, похоже, была

сугубо виртуальной). Слушал *ее* музыку и ловил тихое треньканье всякий раз, когда друзья лайкали *ее* фото...

Все закончилось быстро и ожидаемо: его арестовали. Вломились в дом. Статей навесили несколько, одна серьезнее другой: грубое нарушение правил эксплуатации транспортного средства, вторжение в частную жизнь, незаконное ознакомление с чужими персональными данными, введение в заблуждение правоохранителя...

На суде его спросили:

— Зачем вы это сделали?

— Не знаю, — честно отвечал Митин.

— Но вы хотя бы осознавали, что совершаете преступление?

— Да, конечно.

— Чертов ублюдок! — донесся выкрик из зала: это был *ее* отец.

Арина на заседании не присутствовала. Павел до последнего надеялся, что дверь зала суда откроется, и войдет *она*. Пусть бы подошла, плюнула в лицо — он был к этому готов...

Но *она* не пришла.

Адвокат постарался: Митин отделался условным сроком. Сразу после суда начал искать себе работу. Без руля и без колес: водительского удостоверения его лишили пожизненно.

Митин нашел хорошую должность: как раз освободилось место управляющего в его же Дворомаге. Он забрал к себе мать, чтобы не таскаться к ней на электричке. Развелся с Ольгой; естественно, та его бросила. Завел новую семью. Старшую дочку назвал Ариной.

Вспоминая Митина, Лина всякий раз жалела, что она — *свободный художник*, а не *сочинитель*. Написать бы *стори* о его жизни — и миллион сетевых подписок обеспечен!

Лина уважала Митина за жизнелюбие, за то, что он не пропал, оказавшись бесправным. Кто-то на его месте — возможно, и она — выпилил свой куар, и за ним бы прислали робота для транспортировки в Специальный отдел с целью *трансмиссии*. Мало кто согласится жить неполноценным. Митин же неплохо приспособился к новой реальности. Нашел свою нишу, что называется. Даже если тоскует иногда по рулю и колесам, то никак этого не показывает. Всегда бодрый, улыбчивый, словоохотливый. Жена бросила — Митин женился вторично, на глуповато-болтливой, миловидной Татьяне. Нашел ее через каталог «отбракованных невест», куда включают девушек Полиса, не умеющих водить машину. Бывают и такие: ни одна, даже самая совершенная популяция не обходится без неполноценных особей. Вот и эта Танька: едва дотянула автошколу, в Автоакадемию даже не поступала, не говоря уже об Экзамене. Так бы и торчала дома, шпыняемая родителями, если б не несчастье, случившееся с Павлом Николаевичем и побудившее его искать «бракованную» жену.

Теперь Танька Митина сидела в Дворомаге на второй кассе. Будучи болтливой, как и ее супруг, только еще и бестактной, она всегда расспрашивала Лину про «детешек», постоянно забывая, что у Лины их нет. Сама Танька нарожала от Николаича аж четверых! То, что у современной женщины могут быть другие интересы, помимо раздвигания ног, ей даже в голову не приходило.

Сегодня Татьяна не работала. Лине, впрочем, не суждено было порадоваться отсутствию назойливой кассирши: у касс для депривантов торчали очереди, и все покупатели, словно сговорившись, увлеченно обсуждали затопление подземных парковок.

«Кассы для депривантов» — специальные, открытые по итогам соцпросов, которые Аналитическое управление регулярно проводит в целях благоустройства и без того

благоустроенной жизни горожан. Оказалось, что существуют люди, нуждающиеся в живых продавцах, кассирах, консультантах, менеджерах. Если депривантов обслуживают роботы и терминалы, они чувствуют себя угнетенными, жалуются на расстройство сна и аппетита, чаще страдают гипертониями и сердечно-сосудистыми заболеваниями. И разумеется, больше подвержены панике — «техногенной чуме двадцать первого века».

Лина была депривантом. Хорошо хоть, не паникером — хватит с нее и «катастрофы». Деприванты доставляют своим близким куда меньше неприятностей, нежели паникеры.

Кассиры кивали, поддерживали разговор, сочувствовали жалобщикам. Словно нарочно, все покупатели в этот утренний час оказались из соседнего дома — того самого, с затопленной парковкой. Ну конечно, кто еще может ошиваться в магазине утром? Только люди, оставшиеся без транспорта и не уехавшие на работу.

— Вас затопило? И вас тоже? У нас три машины на семью — все затоплены! — с удовлетворением в голосе переговаривались жильцы.

— Я направлял свои предложения по оптимизации жилых кварталов в администрацию города, — разорвался худой старикан («Ну тебе-то, дед, куда ехать?»). — Рисовал проекты спиралевидных парковок, занимающих мало места. Я — бывший архитектор, получал награду от губернатора. Не-ет, всем плевать!..

— Страховая издевается, ничего толком не сказали: ни по срокам выплат, ни по временным машинам. Когда мне пригонят автомобиль? Сколько нам тут торчать?

Лина нетерпеливо дожидалась своей очереди. Расплатившись за покупки, она не вышла, а вылетела из Дворомага, перепрофилированного в клуб утопленников.

Посреди широкого двора в воздухе болтался интерактивный портрет губернатора Лозового. При малейшем дуновении ветра по невзрачному лицу политика пробегала рябь. Портрет-голограмма отличался такой особенностью, что глаза Лозового смотрели в глаза каждому жителю, проходившему двором. Лина отвела взгляд.

Остановившись на пару секунд, она прикурила электронную сигару.

Курение табачных изделий разрешается только в помещениях — специальных курилках и собственных квартирах — при условии, что они оборудованы лицензированными поглотителями дыма и экопепельницами. Каждому потребителю табака необходимо отправить заявку в противопожарный контроль. Инспектор проверит помещение, засвидетельствует наличие в нем средств безопасности и выдаст лицензию на приобретение и потребление табачной продукции. Затем табачный инспектор оформит заказ и доставку. Сигареты, сигары, прессованный табак в упаковке для эстетов и любителей архаики — товары на любой вкус, по баснословной цене, произведенные на табачном заводике специальными умельцами, передающими технологии от отца к сыну, изготавливаются по прихоти лицензионных курильщиков.

В основном это свободные художники...

Высоко-высоко над головой Лины раздался приглушенный хлопок. На одном из ярусов Роудленты что-то случилось. Запрокинув голову, Лина увидела небольшое черное облачко.

Неужели авария? Быть не может! Это какая-то техническая поломка...

Сквозь перекрещенные серые полосы Роудленты кое-где просвечивало небо. После недавнего ливня наступило прояснение. Солнечный луч, просочившийся через бетонные нагромождения, легонько пощекотал Лине нос.

Роудлента

Роудлента — кольцевая автодорога нового поколения, центр мироздания автомобильного Полиса.

Тяжелые бетонные восьмерки, нависающие одна над другой, косо, под наклоном заслоняют небо от горожан. Густой, плотный воздух пропитан запахами машинного масла, нагретой пыли и топлива с отдушкой.

И — вечное движение-копошение, не прекращающееся никогда, даже в позднее время суток.

Впрочем, ночью транспорта на ярусах Роудленты меньше — только редкие машины привилегированного офисного планктона, а также типовые автоперевозки технических и дежурных служб. И только в эти часы можно разглядеть красоту и величие Роудленты. А значит, большинство горожан ничего этого не видит. Время «большинства» — утро, задавленное многочасовыми пробками, и непоздний вечер.

Водители большегрузов, загромаждающих первый ярус, никогда не смотрят в небо. Представители офисного планктона иногда лишь могут ухватить самый его краешек — голубой треугольник, лукаво мелькающий и прячущийся вновь, как трусики кокетливой девчонки, носящей мини-юбку в ветреную погоду. Только бизнес-класс и администрация могут любоваться небом, проезжая по Роудленте.

Впрочем, водителям не до созерцания небес. Хотите увидеть небо — отправляйтесь в дальний пригород Полиса и любуйтесь себе на здоровье.

Пилоны и ванты удерживают семь восьмерок-ярусов. Если подняться в небо на вертолете и оттуда взглянуть на самое сложное творение человеческих рук, то покажется, что восьмерки держатся на одном честном слове. Однако Роудлента — сверхпрочная конструкция, она прошла сотню испытаний, прежде чем была допущена в эксплуатацию. Сама композиция красива. Она лаконична. Пожалуй, она совершенна. Современные художники пишут пейзажи с видом на Роудленту, используют ее образы в оформлении интерьеров жилых домов. Это очень современно и стильно: Роудлента на кухонной барной стойке, на лоджии и даже в спальне. Некоторые искушенные любовники, плетущие паутину соблазнения, обустривают свои постели — ловушки для доверчивых барышень-мушек — в переплетении подвешенных на столбах ярусов миниатюрной Роудленты.

Каждый ярус имеет форму кольца Мёбиуса. Восьмерки соединены между собой, но дорожные полотна ярусов нигде не пересекаются. Пилоны и ванты не позволяют им сблизиться и попадать друг на друга. В то же время создается впечатление, что восьмерки висят в воздухе. Роудлента — величайшее изобретение архитекторов воздушного пространства Кауля и Бенедиктова. Оба изобретателя получили Государственную премию и были включены в Почетный реестр выдающихся ученых Полиса.

Как уже говорилось, восьмерок — семь. За ересь о якобы существующем восьмом ярусе полагается уголовная ответственность. Раньше это было тюремное заключение. В Гуманистическую эру закон смягчился: антигосударственных пропагандистов следует перевоспитывать, а не наказывать! Разъяснительные беседы, крупные денежные штрафы... и трансмиссия в исключительных случаях. Гуманизм гуманизмом, но даже самая лояльная власть иногда вынуждена идти на крайние меры.

Впрочем, борьба с фейками — святой долг не только властей, но и сознательных граждан.

И все-таки «восьмой ярус» до сих пор кулуарно обсуждают в компаниях. Хотя его никто никогда не видел. Если, опять-таки, смотреть на Роудленту с вертолета, отчетливо видно именно семь «восьмерок»!

Напиши о восьмом ярусе дерзкий блогер или сочинитель, изобрази его свободный художник — цензура изымет их творения из сети, авторы же заплатят крупные денежные штрафы, и ими займется Специальный отдел.

О восьмом ярусе даже думать нежелательно. Ходят слухи, что куар-коды последнего поколения шпионят за своими обладателями, время от времени отправляя телепатические отчеты в ВНКНППВ — «Ведомство, Название Которого Никто Не Произносит Вслух». Если в этих отчетах содержатся фейки, виновного не спасает даже то, что он не успел никому выболтать свои соображения либо художественно воплотить свой замысел.

Фейки, которые необходимо искоренять, и послужили причиной возникновения секты так называемых «Динамистов седьмого дня». Основной постулат духовных лидеров секты: как Господь Бог создал землю за семь дней, так и главное Божье творение — Роудлента — имеет семь ярусов! А посему кошунственно верить в восьмой ярус, помышлять о нем и распространять свою ересь. Если сектанты встретят в темном переулке адепта еретических измышлений, то ему даже Ведомство, Название Которого Никто Не Произносит Вслух, покажется чем-то вроде санатория.

Роудлента лязгает и грохочет, медленно ползет, словно бесконечная механическая гусеница, а сверху, с вертолета, напоминает гигантского шевелящегося осьминога. Это перпетуум-мобиле, вписанное в культурный код каждого горожанина, никого не раздражает и не угнетает. Это форма жизни, устоявшаяся десятилетиями.

Это и есть — жизнь.

В то же время со стороны может показаться, что Роудлента стоит на месте. Машины неподвижно застыли на ярусах; похоже, их водители никогда никуда не доедут... Но вот происходит оживление, и разноцветная железная лента перемещается на несколько метров... чтобы застыть вновь...

Если бы кому-то вздумалось пройтись по дорожному полотну вдоль рядов с замершими железными тушами, заглядывая в окна, то наблюдатель заметил бы нечто странное. Люди в кабинах, на водительских местах, периодически начинают дрожать, вначале — едва заметно, будто их познабливает, затем — все сильнее, по нарастающей амплитуде, и вот уже их тела сотрясаются в конвульсиях. Лица людей сереют и искажаются, покрываются каплями пота. В каждой четвертой машине можно увидеть водителя, дрожащего и плачущего, сморкающегося в многоразовый экоплаток, бормочущего что-то в динамик и жадно внимающего ответу. Это — *паникеры*, сидящие в дорожных «панических чатах». В этих чатах специальные модераторы-добровольцы и другие паникеры, только находящиеся в ремиссии, помогают водителям преодолевать приступы паники. Все паникеры зарегистрированы, им полагается квалифицированная помощь за счет государства.

Впрочем, встречаются также паникеры анонимные. Власти уже анонсировали меры дисциплинарного воздействия на подобных нарушителей: их ожидают крупные штрафы, эвакуация транспортных средств, лишение прав на год и больше. Не случайно над Роудлентой — чадающим, плавающим в облаках выхлопного газа монстром — Титаном! — урбанистики поднимаются огромные красные буквы, объединенные в гигантскую интерактивную надпись: «ПАНИКЕРЫ! В ЧАТ!»

И еще — исчезающие и вновь взмывающие зеленые буквы: «Все на выборы!»

...Но вот раздается визг тормозов, затем — громкий хлопок. Крики, шум, резкий запах: что-то горит...

Из машин высовываются водители. Они кашляют, жестикулируют, прижимают к лицам ватно-марлевые маски, затем вновь прячутся в салонах, быстро поднимают стекла вверх, блокируют щели и включают внутреннюю циркуляцию воздуха. Некоторые смельчаки, надев респираторы, покидают салоны и спешат к месту происшествия.

Неужели авария?

Над Роудлентой медленно развеивается черное облачко.

Victim

Слушая утренние новости, изредка поглядывая на экран, Сергей Рябинин — полноватый лысый мужчина — отправлял запрос в парковочную фирму. Наконец экран волнофона осветился: запрос подтвержден, парковщик назначен. Рябинин отложил волнофон и уставился на экран. Его красное лицо с пухлыми щеками и круглым выступающим подбородком, казалось, должно выражать благодушие и сытость, было недоверчиво-скептическим. Это выражение давно стало его личиной. Сергей словно сигнализировал всем встреченным, что ничего хорошего он от них не ждет.

— Губернатор Игорь Лозовой, выставивший свою кандидатуру на очередные губернаторские выборы, обещает, что повышение автомобильного налога не превысит двух процентов...

— Хорошо поет, — промурлыкала дочь, выходя на кухню. — Привет, папа!

— Привет, совушка, — грубовато-ласково откликнулся Сергей.

И уже совсем другим тоном отреагировал на первую реплику дочери:

— Врет, как всегда.

Дочь обняла его сзади, прижалась щекой к щеке. Рябинин засмеялся, потерялся отрастающей щетиной. Настя ахнула, отстранилась:

— Колючка!.. Я сварю тебе кофе и еще посплю, ладно?

— Хорошо быть автостудентом, — вздохнул он.

— А ты не завидуй, — укоризненно отозвалась дочь. — Скоро лафа закончится.

— Знаю, детка, знаю...

Настя доучивалась в Автоакадемии, и вскоре ее ожидали экзамены и торжественный выпуск.

На экране мелькали то ведущий программы, то седоватый дородный мужчина с сонными, изредка помаргивающими глазками на невзрачном лице. Ведущий тараторил, задавая вопросы. Градоначальник отвечал вальяжным тенорком, будто мурлыкал. Хищный кот после трапезы.

— ...В то же время Игорь Лозовой, как и почти все его политические оппоненты, не видит возможности обойтись без роста автомобильного налога. Бюджету требуются дополнительные средства, которые будут перенаправлены на экологические проекты: постройку очистных сооружений близ дорог и магистралей, создание экологических систем последнего поколения...

— Ну конечно, — хмыкнул Сергей.

Карман у губернатора так оттопыривается, а он еще и еще повышает автомобильный налог. В прошлый раз тоже обещали обновить очистные сооружения... И где они? Сейчас же в городском хозяйстве есть более серьезные проблемы.

— ...Кандидат в губернаторы Исмаил Алтурмесов заявил, что при распределении дополнительных доходов бюджета за счет роста налогов необходимо сделать акцент на расширении строительства новых надземных парковочных зданий, а также переоборудовании систем городского водоканала и сливных сооружений...

Сергей жадно слушал.

— Обращаясь к своим избирателям, Алтурмесов обязуется бросить все силы на борьбу с затоплением подземного парковочного сектора во время ливней. Одно из таких затоплений, беспрецедентное по разрушительному масштабу, произошло не далее как минувшей ночью. Мы знаем, что подземные парковки преобладают в густозаселенных кварталах, поскольку в таких районах пятую часть всех наземных сооружений составляют дворомаги...

На экране появился невысокий шустрый мужичок. Выступая, он двигал бровями и носом и, видимо не отдавая себе в том отчета, то и дело потирал руки.

Рябинин слушал и думал, что район, в котором живут они с дочерью, находится в низине. Канализационные системы города не справляются с сильными ливнями. И полвека назад здесь тоже происходили серьезные потопы. Хорошо, что ливни не так часты, но даже пару раз в году выплачивать ущерб тысячам автовладельцев — слишком жирно для страховых компаний.

— Каким бы ты ни был жуликом, Алтурмесов, — тихо, почти неслышно проговорил Рябинин, — придется голосовать за тебя.

Красная строка ползла в нижней части экрана:

«Безаварийные водители, включенные в „Почетный реестр российских водителей категории А“, имеют право на налоговые вычеты...»

А следом бежала зеленая строка:

«Все на выборы!»

— Все-е на выборы, — машинально протянул Сергей. — Все-все-все...

В эту субботу в полдень начнется дистанционное голосование. Закончится оно в семнадцать ноль-ноль, а уже через час станет известно, кто стал губернатором. Подсчет голосов ведется быстро и без проволочек.

Настя включила кофеварку. Шум поглотил характерное треньканье, но Сергей увидел, что волнофон заерзал по клеенке, схватил его и открыл сообщение.

«Ваш автомобиль поставлен в пробку... Сроки ожидаемого выезда с прилегающей ко двору территории — десять минут... сроки выезда с аллеи Налоговиков в карман проспекта Отечественного Автопрома — двадцать две минуты... из кармана на проспект — пятнадцать минут...» — прочитал он.

— Да-а. Хорошо иметь договор с парковочной фирмой, — удовлетворенно буркнул Сергей.

Однако тут же пришло оповещение о списании денег с его счета, и он вздохнул:

— ...Но жирновато.

— Папа, зато ты можешь не дергаться каждое утро. А кто-то просыпается и ищет на сайте свободного парковщика.

Это верно. Он пьет кофе, смотрит свой утренний сериал и даже принимает ванну, пока кто-то, давясь скорым завтраком, ищет парковщика.

Сергей кивнул, соглашаясь с дочерью, но все же счел необходимым заметить:

— Парковщики никогда не переведутся, Настюша. Молодым всегда требуется приработок.

Он поднялся с дивана и подошел к окну. Вдоль аллеи на проезжей части неподвижно стояли машины в два ряда. Но вот они вздрогнули и поползли. Потом опять встали. И тут же из впереди стоящих авто повыскакивали резвые парковщики в одинаковых зеленых жилетах со светоотражателями, пересели в машины, стоявшие позади, и передвинули их вперед. Потом вернулись к оставленным машинам. Один парнишка, бегая взад-вперед, обслуживал сразу пять автомобилей.

— Молодец. И я такой был, — тихо проговорил Сергей, скорее себе, чем Насте, занятой отправкой видеосообщения неизвестному ему абоненту.

Теперь Рябинину пятьдесят два года. Работа нелюбимая, но стабильная, хорошо оплачиваемая; суетиться не нужно — нагрузка пропорциональна возрасту и занимаемой должности; машина — «фаворит», верхняя планка категории «Б»; большой отпуск... Все неплохо, если оценивать в среднем.

На экране замельтешил политик и блогер, отличавшийся, помимо своей дикой общественной позиции, буйной кудрявой шевелюрой. Он убежденно говорил что-то, жестикулируя. Голос диктора, заглушая речь героя ролика, прокомментировал:

— Кандидат в губернаторы, ведущий программы «Город для людей» и бывший член партии «экологов-пессимистов» Назар Копыльцов выступил с очередным скандальным заявлением. По мнению Копыльцова, нарастание частоты и амплитуды панических атак у водителей вызвано не геомагнитными и космическими аномалиями, а ростом урбанизации и засильем автотранспорта на Роудленте и на дорогах Полиса.

Сергей аж затрясся. Он схватил со стола пульт и переключил канал.

— Папа, стой! — взвилась Настя.

Однако увидев его упрямое, насупленное лицо, вздохнула:

— Ладно, найду на Мегатубе. Я знаю, как ты к нему относишься.

— А как я должен относиться к этому клоуну? — Сергей пожал плечами. — А ты тоже... нашла кому внимать.

— Интересно ведь. Хоть что-то оригинальное в нашем прекрасном, справедливом, упорядоченном мире.

— Смотри не слишком увлекайся, — посоветовал Сергей. — А то станешь много думать о том, о чем не надо. Не дай бог, панические атаки начнутся.

— Не беспокойся, пап. Вот твой кофе.

Дочка поставила перед ним чашку и вышла. Отправилась в Мегатуб...

Сергей глотнул кофе и задумался. В Настинном возрасте он был озабочен тем, как купить себе новую машину. Ему нравились прогрессивные политики и автомобильные магнаты. А его дочери, отличнице Автоакадемии, нравится слушать, как шут Копыльцов призывает горожан отказаться от автомобилей и вернуться в каменный век. Страшно представить, на что этот чудак может пустить средства, которые поступят в бюджет после роста налогов и утверждения новой сетки денежных штрафов... Если его изберут, разумеется.

И вообще, Мегатуб — рассадник вольнодумства. Зря, что ли, он приучал дочку к телевидению?

Да, когда он был молод, интерес к телевидению падал, все поголовно, кроме стариков, торчали в сети. Казалось, телевидение органично отомрет в ближайшие годы. Но этого не произошло. TV по сей день — полноправный вещатель, наряду с сетевыми каналами. Власти поощряют телезрителей бонусами и подарками. «Государственная линия», не хухры-мухры. Когда-нибудь Настя поймет, как важно держаться *линии*.

Сергей гордился тем, что они с Настей никогда не ссорились. Отец и дочь жили в полном ладу, в любви и дружбе с тех самых пор, как их бросила мамаша, покинувшая Полис в короткий период Временной Разблокировки. Бегство жены его скорее обрадовало, нежели расстроило: прекратились семейные скандалы и кухонные дразги, ребенку стало комфортнее и спокойнее. Да, конечно, Настя скучала по маме, плакала втихомолку, когда думала, что он не видит... Но Рябинин был сумасшедшим отцом, он окружил дочку такой заботой и нежностью, что, пожалуй, сумел компенсировать эту внутрисемейную однобокость... Или почти сумел. Подрастающая Настя вовсе не выглядела обездоленной девочкой — напротив, была веселой и здоровой, успешной во всем, за что ни бралась.

Что касается Сергея, то за свою жизнь он натерпелся от баб. Первая жена, потом вторая... Другие стервы, которые унижали, динамили и обирали Сергея, решали за его счет свои финансовые и жилищно-бытовые проблемы.

Его первая начальница (тоже баба!) вкрадливо говорила: «Сереженька, у вас такой высокий уровень виктимности!» Она потом пожертвовала им, когда пришел приказ о сокращении штатов.

Victim... Баба жертва! Агнец на алтаре феминизма.

Он и в семье был принесен в жертву. Сергей чувствовал, что Настя — не его биологическая дочь. Нет, конечно, у него не было никаких подтверждений предательства. Тест ДНК делать не стал, отмел саму мысль об этом сразу, как увидел крошечное тельце в розовом конверте. Тельце, буквально в первые дни жизни подброшенное ему. Жена якобы занималась на каких-то курсах переквалификации, чтобы вернуться к работе без потери в деньгах, а на деле, конечно, таскалась к другому мужику, настоящему Настиному отцу, выясняла отношения с ним... Сергей уволился и сидел дома с ребенком. Купал, кормил, вывозил на прогулки. Жена не кормила дочку грудью — у нее и молока не было, у этой бестолочи. Так что правильно она сделала, что в итоге свалила от них с Настей. Какая теперь разница, кто потрудился осеменителем? Главное — что он не прогадал: подросток, единственная из всех женщин на свете, любила и уважала его.

Сергей бросил взгляд на экран, где в левом нижнем углу мигали цифры. Еще осталось сорок пять минут на просмотр серии детектива об интернет-угонщиках машин. А потом, когда тротуар наводнится самокатчиками, он тоже возьмет самокат и отправится догонять своего «фаворита». Плюс-минус десять минут до Роудленты. Лучше выходить заблаговременно: вдруг все-таки получится — минул.

Если на подъезде к Роудленте в авто не окажется владельца, парковщик имеет право оставить ее на близлежащей парковке. Это безопасно, но, во-первых, парковка платная, а во-вторых, оттуда в такой час не выедешь без приключений — опоздание на службу гарантировано.

Он взял со спинки стула желтый жилет представителя страховой фирмы. Поморщился, вспомнив прошедшую ночь. Был экстренный вызов: затопило подземную парковку. Пришлось выезжать на место, разбираться со взвинченными клиентами. Они его там чуть не отметелили. Как будто это он проектировал чертов квартал с подземными парковками!..

Тут поступил сигнал от Аллы Юрьевны.

Да-да! Главным бедствием его жизни была *очередная* начальница-баба.

— Сергей Саныч, — проговорила Алла Юрьевна, как всегда, вкрадчиво-воркующе, — меняй маршрут! У нас авария на Роудленте.

— Как авария... Какая авария? — опешил Рябинин.

— Да, представь себе! Только что получили сигнал. Так что ты давай — ноги в руки и...

Рябинин мгновенно вспотел:

— Так у меня же затопление... Неделю, не меньше, разгрести. Сегодня уже пойдут заявки на возмещение...

— Сама ими займусь, — отрубил Алла Юрьевна. — На полдня тебя прикрою. Или до вечера... В общем, приедешь в офис, как освободишься, и все раскидаешь.

«До ночи сидеть с моим давлением, зараза! А блокировка!» — чуть было не вскричал он вслух.

— Ладно, понял, — проговорила благоразумная сущность Рябинина голосом Сергея.

Как бы он ни был подавлен, а почувствовал физически, что начальница потеплела. Наверняка ожидала, что будет брыкаться. И то — в отделе помоложе есть.

— Скинь координаты, Юрьевна, — добавил он.

— Геолокация ДТП уже у тебя в приложении. Действуй. Доложишь.

Хамоватая бабья начальственная манера прекращать разговор без «до свидания» (а начинать без «здравствуйте»). Сергей надел кроссовки, крикнул в закрытую дверь комнаты: «Настюша, я ушел!» — и покинул квартиру.

По счастью, в самокатной не оказалось столпотворения. Свою машину он догнал вовремя.

Авария случилась рано утром на одном из типовых участков третьего яруса Роудленты. Громоздкая робототехника не прибыла к месту ДТП: из-за фантастического сбоя в программе не запустился технический траволатор, занимавший правую полосу.

Траволатор, в ординарных условиях играющий роль свободной полосы для «скорой» и МЧС, в критических ситуациях запускается автоматически, превращаясь в скоростную подвижную ленту, с помощью которой аварийщики могут увезти и доставить к ремонтным ангарам неисправный автотранспорт.

Сегодня движущаяся лента не включалась, компьютер лагал. Бригаде аварийщиков пришлось отправляться на вызов в полном составе — хорошо, что дали «зеленый свет» на проезд по неподвижному траволатору, — и вручную, без роботов, растаскивать железо, освобождая дорожное полотно.

Сергей прибыл вместе с бригадой, подхватившей его по дороге на технической станции.

Техническая станция представляла собой изолированную площадку при Роудленте. В последнее время именно эту площадку облюбовали «Динамисты седьмого дня». Вот и сегодня вереница их пикапов и мини-грузовичков выстроилась вдоль заезда на площадку, загромоздив ее чуть не наполовину. Другую половину почти целиком заняли тела молельщиков, распростертые на бетонке. Сектанты бились в конвульсиях, а их проповедник, толстяк с красивым высоким голосом, пел понедельничный псалом.

Водитель бригады Антоха долго сквернословил, объезжая сектантов и их массивный автотранспорт.

— Выйти бы, навешать пенделей этим юродивым, — наконец не выдержал он.

Никто не поддержал Антоху, а старшой велел ему «заглохнуть»: совсем недавно секту «Динамистов седьмого дня» признали социально значимой общественной организацией, и власть взяла их под защиту.

До места аварии ехали молча.

Обломки бампера, водительская дверь и передняя ось развалившейся на куски легковушки перекрыли движение на двух полосах, а сама железная туша повисла на ограждении. Вторая машина, расплюснутая, но оставшаяся нераздельной, валялась на боку, тоже перекрыв две полосы.

Команда труповозки успела до техпомощи, упаковала обоих несчастных водителей в черные мешки, но далеко не увезла и теперь стояла в глухом заторе, метрах в двадцати от места происшествия.

— Что творится! Вы видели? Труповозке не дают «зеленый свет»! — Антоха опять занервничал. — В общей толкучке стоят!

— А этим-то куда торопиться? — возразил бригадир Андрей Вожев. — Ты читал перечень служб экстренного реагирования? Ознакомься — полезно.

Антоха буркнул себе под нос что-то матерное и заглох.

Аварийщики погрузили на траволатор весь собранный на полосах металлолом. Когда траволатор оживет, он утащит с Роудленты разбитые автомобили.

Была и третья машина. Ее задело отлетевшей задней частью первой. Водитель не пострадал. Он топтался рядом со своим авто, ждал сотрудника страховой.

При виде Рябинина водитель оживился. Сергей подошел сначала к нему (машины погибших водителей ему тоже предстояло диагностировать, чтобы принять решение о выплатах родственникам или о наложении на них административной ответствен-

ности за вину погибших членов семьи). Машина третьего была помята, но на ходу, ей не требовалась транспортировка, а водителю — медицинская помощь. Это уже хорошо.

Совместно с водителем, кудрявым молодым мужиком в больших темных очках, Сергей заполнил форму в своем мобильном устройстве. Этот пострадавший оказался Рябинину знакомым, но где он его видел раньше, в суете вспомнить не смог.

Приехавшая полиция удивила Сергея. Во-первых, наряд по численности существенно превосходил стандартную группу по разбору обстоятельств дорожно-транспортных происшествий. Их было человек двадцать. Во-вторых, прибывшие тут же принялись ползать по траволатору с какими-то странными приборами. Полицейские утюжили приборами и своими коленками обездвиженное полотно.

Что они делают? Хотят что-то примагнитить? Измеряют уровень радиации? Аварийщики переглядывались. Сергей обследовал разбитые машины. Он покрутился рядом с полицейскими, которые не обращали на него никакого внимания, но ничего особенного не увидел. В итоге Рябинин выполнил свою работу, а аварийщики — свою, и они все вместе сели в служебную машину и уехали.

Полицейские остались ползать на карачках.

Общий настрой в бригаде был неважный. Рябинин этих ребят знал давно, но такими их не помнил. Даже старик Петр Анисимов, незатыкаемый болтун, и тот сник, не травил свои обычные байки. Обычно Анисимов рассказывал о диких и нелепых авариях, свидетелем или участником которых он становился в молодости, или о других автомобильных казусах. Сегодня он подавленно молчал. Рябинин ни за что не стал бы допытываться, почему все техники такие мрачные, однако бригадир Андрей Вожев, худошавый, крепкий парень с молодой физиономией и седыми висками, сам объяснил: накануне им объявили, что бригада сокращается. Их обязанности в полном объеме будет выполнять робототехника. Служба техников-ликвидаторов в «Автопитере» уже менее востребована, чем раньше: аварии стали редкостью, основные страховые риски теперь совсем иного рода.

Так сказал начальник техотдела, по словам Андрея — даже не сказал, а буркнул, тут же отвернувшись к окну. Видимо, с ним тоже распрощаются — в администрации не нашлось для него вакансии.

— Придется нам всем искать другую работу, — резюмировал Андрей.
— Парковщиками устроимся, — фыркнул молодой Саня.
— Не переживайте, ребята. На завод пойдете, — проговорил Рябинин и сразу почувствовал себя бестактным гадом.

Никто не прокомментировал его слова, только Анисимов тяжело вздохнул. А Андрей вдруг произнес:

— А вот я — не на завод. Я на Сафари уеду.
— Сафари? — машинально переспросил Сергей.
— Ага. То, что я люблю и хочу делать. Призвание мое это, — спокойно пояснил Андрей.

Техники уважительно промолчали.

— В Африке? — уточнил Сергей.
— А где же еще.

Африка расположена на периферии — за чертой Полиса, южнее самой южной его границы. После военных действий там почти не осталось жилых построек (сафаристы до сих пор живут в палатках и в полуразвалившихся ангарах). Что касается природы, то она сама залечила свои раны. Необходимым для этого условием оказалось двадцатилетнее отсутствие людей.

Сегодняшняя Африка — это место, где есть простор и воздух и куда хотя бы раз в году стремятся на отдых граждане, озверевшие за год от пробок, парковок и штрафов за все на свете. Там живут дикие животные: львы, тигры, гепарды, антилопы, лошади. Долгие годы эти виды восстанавливали, откармливали, лечили, прививали и выпускали в условия, близкие к прежней дикой природе. Чтобы, вложив огромные средства в возрождение, вслед за этим разрешить их убивать.

Африка была экзотикой, роскошью. Поездки туда стоили дорого. Сергей знал семьи, которые весь год зарабатывали себе «на Африку».

Андрей, словно прочитав его мысли, проговорил:

— Ну, я-то не отдыхать поеду. Африка станет моим бизнесом. В лицензию придется вложиться, но дело того стоит.

— Хорошо тебе, шеф. У тебя хоть призвание есть, — подал голос молодой Саня.

— А подготовку имеешь? — Рябинин ко всему подходил с практической стороны.

— А то. Знаешь, кто я по первой специальности? Зоотехник! Животных с детства люблю. Я, между прочим, в деревне у деда рос. Да, в самом натуральном заповеднике по типу деревни — их всего-то десяток наберется, на задворках Полиса. Сейчас уж там не живут. Помер мой дед, ушла вся его популяция — и все. Реквизировали наш деревянный дом под музей. А потом и вовсе разрушили. Ну, а тридцать лет назад там жили... Доживали, вернее. И охотиться власти разрешали, только не на всех, разумеется, животных. Жители заповедников никогда не нарушали указы: для них зверь — это святое. Раз в году волка завалить, чтобы *жизнь* почувствовать. Дрожь в коленках охотничью. Я, мелкий, с дедом на охоту ходил. Вот подстрелили мы однажды волка...

— А я никогда не убивал, — высунулся Саня.

— Получишь по башке, — сурово предупредил мальчика старик Анисимов, впервые за дежурство подавший голос.

— А через несколько лет, — продолжал Андрей, — за отстрел животных, рыбалку, вырубку лесов и разведение костров ввели уголовную ответственность. А потом умер дед. Не дожил до Сафари...

Сергей молча, уважительно слушал Вожева. Этого парня он знал уже лет пятнадцать, а вот сейчас не узнавал: рядом с ним сидел по-настоящему увлеченный человек.

А что он сам? Увлекало ли его что-то когда-либо настолько же сильно? Кроме дочки...

— Сафари — это те же бои без правил. Это драйв! И там нужны профессиональные аварийщики.

— Ага, главное — верить в свои силы, — поддакнул Антоха.

Помолчали с полминуты. Потом разговор почти без паузы потек в другое русло: Петр Анисимов отошел, ожил и принялся рассказывать свои истории.

— Пацаны! Я вам не рассказывал, как моя баба на права сдала?

— Рассказывал, — отозвался Андрей. — Как она полплощадки снесла — помним. Как такое забыть.

— А как я ей машину купил, слышали? Нет? В общем, купил... Тридцать лет назад. Да-а... Она сама за руль села — хочется же покрасоваться, права свежеполученные обновить — и поехали мы от места сделки к ее маме. С нами сын-подросток был. Едем, я ей и говорю: «Ты куда так гонишь? Видишь, машины вокруг будто на месте висят. Вот как ты летишь». Она: «Да посмотри, на дисплее — скорость девяносто километров в час!» Это при разрешенной в то время скорости — шестьдесят. Я ей: «Дурында! То девяносто миль, а не километров!» Вот как: машину-то мы забугорную взяли — там было в милях все...

Сергей слушал с нескрываемым интересом. Вожев, увлеченный размышлениями о будущем, и тот хмыкнул. Водитель Антоха расхохотался, а молодой Саня воскликнул:

— Вот так прямо забугорную?

— Ну да. Это, вишь ли, последний год шел, когда можно было еще покупать бэушные иномарки. Через четыре года мы ту машинку на утилизацию сдали.

— Нормально... И она, значит, на ста двадцати по городу летела?

— Таки да! В общем, она послушалась, — продолжал Петр Анисимов, — заземлилась чуток. На самом подъезде к кварталу, значит, тупик: проспект заканчивается, недостроен. Надо развернуться и проехать обратно по противоположной стороне. Там и дом тещин. А перед тупиком — канава в ширину проспекта да полметра вглубь, не меньше. И вот моя на полной скорости — влетела-вылетела! Развернулась и опять — влетела-вылетела! Бам-бам, бам-бам! Четыре удара было.

Сергей подумал: познакомиться бы с Петровой старухой, посмотреть на такое чудо.

— От удара, — продолжал тем временем Анисимов, — отлетела номерная табличка. Я говорю: «Что ж ты, гадина, машину новую убиваешь? Сама же не работаешь, один я добытчик». А она — глазами хлоп-хлоп и орет: «Почему нет знака, что ведутся дорожные работы?» — «Да потому, дура, что они не ведутся!»

Петру удалось невозможное: он всех развеселил.

— Ну а дальше-то что?

— Дальше сынок высунулся: «Я сбегая, подберу номер, принесу!» Убежал. Возвращается и рассказывает: «Там народ собрался, табличку рассматривали и маму обсуждали: „Вот так черти бешеные на иномарках летают! Эти все иномарки согнать бы на свалку за городом да взорвать“». Не любили уже иномарки-то. Нам, помню, на придомовой стоянке то зеркальце коцнут, то шину пропорют...

— А тогда — восстановили машинку? — поинтересовался Антоха.

— Восстановили. Подрамник она пополам расколола. В ремонт влетели на треть от стоимости тачки, вот так.

— А на мой взгляд, баба не виновата, — вклинился молодой Саня. — Она — жертва системы. Виноват тот, кто издавал законы, допускающие водительский беспредел! Вот сами подумайте — что было и что есть...

— Это точно. Теперь подготовка в автошколах не такая, как прежде.

— Еще бы! Есть разница — обучаться два месяца или три года?

— Да-а. В дикое время мы с вами родились, — подытожил Антоха.

Бригадир Вожев выразительно покосился на него, и Антоха, не выдержав, засмеялся. А следом и вся бригада, и Рябинин.

После этого какое-то время вновь ехали молча, но чувствовалось: парней отпустило.

На технической станции Сергей попрощался с аварийщиками и пересел в свою машину. Проверил заполненные формы в приложении и отправил их на модерацию. Родные погибших получают страховые выплаты за порчу наследуемого ими автотранспорта. И пострадавший водитель номер три — как там его зовут (Сергей заглянул в приложение) — тоже получит... Что-что?

Перечитав фамилию и инициалы пострадавшего, Рябинин просто взмок.

Lucky

Валери (в концерне он числился как Валерий Олегович Рошин, для друзей — Lucky или ВОР, в соответствии с инициалами) был двадцатилетний, высокий, темно-волосый и накачанный. По натуре — делец: нахальный, нахрапистый. Благодаря самоуверенности и броской привлекательности у Валери никогда не возникало проблем с девушками.

Фортуна — избалованная красавица: любит, чтобы ее завоевывали. Валери был завоевателем. Все, за что он ни брался, у него получалось.

Lucky. Везунок.

Он был игроком: лотереи, рулетка, розыгрыши TV-шоу. Случалось, что проигрывал, но всегда умел вовремя остановиться. И однажды сыграл по-крупному, — и ему опять повезло: Lucky выиграл свою «тринити» — новейшую модель спортивной тачки, похожую на летящую пантеру, тревожного красного цвета. По условиям выигрыша к машине прилагались сниженная налоговая ставка и льготное место в парковочной высотке напротив дома!

Теперь, заезжая на Роудленту в новом красном автомобиле премиум-класса, он чувствовал завистливые взгляды водителей, ползущих в соседнем ряду в морально устаревших «грантах» или «гретах» и паркующих свои машины на минусовых этажах. И это было справедливо: он был лучшим — и ему завидовали.

Несмотря на свой солидный возраст — тридцатник, — Валери никогда не был женат. Разумеется, при случае он бы не упустил свою Самую Лучшую Девушку, не хуже машины способную стать предметом зависти окружающих. Не то чтобы он ее до сих пор не встретил — в автоказино и в элитном спортивном клубе, куда он имел абонемент, тусовались ослепительные красотки. Но даже такие яркие девушки доставались ему сравнительно легко, поэтому торопиться с женитьбой не имело смысла. Зачем жениться, когда и так дадут? «Всему свое время, — любил повторять Везунок, — вот сейчас, например, время для наслаждений».

Он повторял эту фразу приятелям последние десять лет.

Lucky обходился без парковщика: еще машину поцарапают! Как можно доверить такое сокровище какому-то пацану? Невзирая на откровенное непонимание окружающих — сотрудников охранной службы парковок, соседей, — он изо дня в день выводил машину сам.

В тот долгий промежуток времени — от парковки до Роудленты — он успевал в машине побриться, посетить несколько чатов, лайкнуть примерно двести фоток френдесс, пробежаться по рабочему плану и даже подремать. Валери, на службе производивший впечатление человека дельного и деятельного, по сути своей был лентяем, так что вынужденное сидение на месте его не тяготило.

Утром понедельника въезд на Роудленту был не особенно захламлен, если не считать сектантов, расположившихся близ отбойника со своими молевыми ковриками. В последние месяцы они отжали там целую площадку, шесть на шесть метров (в связи с чем одну из въездных полос городским властям пришлось ликвидировать), отгородили ее тросом и преспокойно молились, невзирая на копоть, смог и металлическое лязганье, доносившееся со всех сторон.

Валери с интересом наблюдал за сумасшедшими. Он был постоянным, хоть и не очень дисциплинированным прихожанином христианского храма по месту жительства и к сектантам относился без пиетета. Однако с тех пор, как сам губернатор вручил главе секты «Динамистов седьмого дня» орден «За заслуги перед городом» первой степени, Lucky перестал их задирать. Он относился к базовому слою горожан — законопослушному «офисному планктону», и все, что исходит от властей — даже рост налогов и вторжение в частную жизнь водителей, — уважал и принимал как данность.

Да, что касается контроля скорости — тут бы он поспорил... Впрочем, гонять-то все равно негде.

...Легкоходная маневренная «тринити» чуть дрогнула и почти бесшумно сорвалась с места, набирая скорость, — и вот он уже летит по трассе, легко обгоняя по левому ряду тихоходов на типовых седанах или массивных кроссоверах...

Но это — только грезы. Третий ярус в восьмом часу утра — там особенно не разгонишься. Рожденная летать «тринити» не «летает». «Тринити» — ползет.

Как и все граждане Полиса, Валери изо дня в день торчал в многокилометровых пробках. Даром что Lucky. Однако в этот день именно его везение сыграло ключевую роль в последующих событиях, в немалой степени повлияв и на его собственную судьбу. После часа нудного прозябания на дороге он вдруг услышал резкий звук сирены, и характерная подцветка вспыхнула, замерцала в зеркале заднего вида.

Валери моментально подобрался, как гепард перед прыжком. По траволатору, приближаясь, мчалась машина «скорой помощи» с проблесковым маячком.

Современная дорожная Система Отслеживания Нарушителей — СОН — вполне функциональна и эффективна, однако имеет свои минусы и недоработки. Как и, впрочем, любая компьютерная техника, разработанная людьми. Взять хотя бы роботов; изначально «железные дровосеки» замышлялись в качестве универсальных помощников человека, — а что имеем на выходе? Нахальные андроиды теперь не только манкируют своими обязанностями, но даже сумели добиться того, что власти защищают их от людей, возмущенных некачественным сервисом, обвесом и обсчетом, а зачастую и откровенным хамством...

Так думал Валери, анализируя недостатки сложных механизмов, окружающих горожан в быту.

СОН распознает летящее по траволатору транспортное средство — если только в радиусе действия СОНа нет проблескового маячка, создающего ауру. Мигающая подцветка на несколько секунд вырубает чувствительные датчики, так что, пока специальный транспорт не проедет и аура не рассеется, показания фиксироваться не будут.

Валери знал этот фокус. Да кто из водителей о нем не знал? Просто не все позволяли себя то, что позволял Везунок.

А точнее — он был одним из граждан Полиса, кто на такое способен.

И всегда старался держаться в крайнем правом ряду — поближе к траволатору. На всякий случай.

И вот теперь он как бы невзначай потянулся, «случайно» отключил камеру слежения за водителем (через десять минут он ее включит, отправит в полицию отчет о техническом сбое и «поползет» себе дальше) и, молниеносно перестроившись на траволатор, понесся следом за «скорой».

Кто-то возмущенно засигналил слева. Неужели настучит, с досадой подумал Валери. Впрочем, оно ему надо?.. Словно извиняясь, он помигал соседу аварийкой.

Да! Все происходило так, как он и мечтал! «Тринити» летела на скорости и ревела от удовольствия. Зачем тебе гоночная машина, если она целыми днями простаивает в пробках? И почему ты должен ползать, если ты не червяк?

Валери так увлекся гонкой (та еще задачка — не отстать от «скорой»), что едва не пропустил свой съезд.

Чтобы покинуть траволатор, ему следовало перестроиться в соседний ряд, а затем уйти резко вниз, под траволатор, и, наконец, пройдя небольшой тоннель, выйти на спусковую дорогу, ведущую в офисный район Полиса.

Тот момент, когда перестраиваешься после гонки за «скорой», — самый опасный во всей авантюре. Необходимо замедлить движение, но тогда, отставший от проблескового маячка, выпавший из «ауры», ты становишься виден. Тебя засекают радары, машину фотографируют, отправляют фотоотчет и...

Тут уже одним штрафом не отделаешься.

Валери (Везунок, ВОР!) не мог допустить постыдного падения с заоблачных высей, в которых только что рассекал на гоночной машине. Тем более что, пока он размышлял, движение зашевелилось, и автомобили, до того стоявшие неподвижно, дернулись вперед, как кони, почуявшие возбуждение от предстоящей скачки. Поток пошел в те самые секунды, когда Валери лихо перескочил в соседнюю полосу.

Разумеется, он и поворотник включил, и даже посигналил, дабы предупредить замешкавшихся. Однако в тот момент, когда Валери резко вильнул влево, вклиниваясь в общий ряд перед носом у какой-то малолитражки, не все водители успели среагировать на опасность, как должны были реагировать, как их учили этому в Автоакадемии.

Испуганный рев, послышавшийся сзади, не обескуражил Lucky — он лишь мигнул аварийкой, извиняясь, и исчез в тоннеле, уходящем резко вниз, под траволатор.

Он, конечно, слышал лязгающий шум, но везункам свойственно отбрасывать тревожащее и мгновенно забывать о неприятном. Ничего не случилось — и баста!

...Уже через двадцать минут Валери въезжал в деловую часть города с небоскребами крупных корпораций и престижными офисными зданиями. Здесь машины перемещались свободнее, чем в перенаселенном районе, в котором он жил. Впрочем, неудивительно: Lucky работал в фешенебельном месте.

Мегарайон V (символ «V» ему нравился и приятно будоражил, символизируя в сознании как первую букву его имени, так и аббревиатуру VIP), где находился его офис, прежде был настолько перегружен припаркованными машинами, что, по рассказам старикана шефа, приезжающим на службу некуда было воткнуться ни ранним утром, ни в полуденные часы. Но власти уже лет двадцать как навели здесь порядок: снесли исторические постройки и расселили по окраинным мегарайонам весь жилой фонд. Теперь здесь только крупные предприятия и офисы. Департаменты, концерны, фонды. И высотки надземных парковок — ряды, ряды, ряды...

Валери был мальчиком, когда по всей длине огромного проспекта, тогда еще носившего какое-то древнее смешное название, а теперь — проспекта Делового, стояла длинная шеренга пикетчиков с плакатами. Жители старого города — предшественника современного Полиса — пытались предотвратить уничтожение старых зданий. Модерн, видите ли. Памятники...

Ему не было жаль старых домов — ни тогда, ни теперь.

Валери отчетливо помнил, как остро пахло кошками и мочой в просторном, вечно промозглом подъезде с кафельными плитами пола, как в открытом лестничном пролете гулко отзывалась каждая хлопнувшая дверь, как он играл на широченном подоконнике лестничной клетки второго этажа, сталкивая друг с другом самоуправляемые машинки, которые покупал ему отец. Помнил, как влетал в этот подъезд и несся вверх по лестнице, и жал на звонок, а потом отчаянно колотил в дверь и звал бабушку, потому что за ним гнались дворовые хулиганы. И как соседская девочка Света — красивая, тоненькая, с длинной косой — здесь же, на подоконнике, шепотом призналась ему, что на ее плоской, детской груди выросла шишечка, размером с вишенку, и даже разрешила ему потрогать... У него стучало в висках, когда он вспоминал и свой старый дом, и маленькую Свету, и себя — чувствительного, нервного, изнеженного мальчика, мечтавшего вырасти и стать самым сильным, и накостылять всем обидчикам, и увезти девочку Свету с длинной косой на далекие острова из своей любимой, еще бумажной книжки с картинками...

С тех пор от старого дома, как и от прилегающих к нему соседских построек позапрошлого века, ничего не осталось, а девочку Свету увез «на острова», то есть на Сафари, старший брат Мишка, ставший инструктором по охоте. Теперешняя Света — или

Светлана Игоревна — врач-ветеринар, а также Мишкина жена и мама двух малолетних Валериных племянниц, а ее груди, до сих пор сохраняющие упругость, скорее напоминают кокосовые орехи, нежели вишенки...

Зато у Валери — высокий стабильный заработок, и просторная квартира класса В, и много красивых грудастых девчонок, а еще у него есть чудесная «тринити», на которую Мишке вовек не заработать на своем Сафари, куда бы он ни отправился инструктировать охотников — в Африку или на Луну...

Каждому — свое. У Мишки — семья и охота, а у него — «время для наслаждений». И сейчас, и последние десять лет, с той поры, как женился брат.

...Валери ехал по Деловому проспекту. Кажется, здесь — да, точно, здесь стоял тот дом, а в нем была высоченная арка, перекрытая для чужаков витыми чугунными воротами. Давно уже и ворота переплавлены, и нет двора, а ему до сих пор изредка снится небо над домами — синее-синее и маленькое, как будто он стоит на дне высокого стакана и смотрит наверх, туда, где заканчиваются стенки, где открывается простор... «Двор-стакан» — вроде так и назывался их двор! Кажется, так...

Призрак старого дома. Призрак папы... Прошлое, о котором он почти не вспоминал, сейчас вдруг зашевелилось, ожило, придвинулось к нему почти вплотную. Валери стало так жарко, что пришлось понизить температуру в салоне. Он мысленно обругал себя: он — уже не тот отчаянный и отчаявшийся мальчик, а состоявшийся творец собственной жизни, победитель, герой!

Все изменилось с того дня, когда маленький Валерка очнулся в больнице, и мама и женщина-врач сообщили ему, что он — герой: на него напал на темной улице «недобитый велосипедист», а он, совсем мальчик, сумел не только уцелеть, но, более того, победить врага!.. Он слушал молча, только сопел: сказать ему было нечего. И тогда заговорила мама. «Он у меня еще и скромный!» — сообщила она женщине-врачу, и та закивала, восторженно улыбаясь красивому мальчику с забинтованной головой и обескровленным лицом, но живыми и внимательными глазами, в которых уже совсем не оставалось ничего детского...

После выздоровления они переезжали в новый мегарайон А, и Валерка, естественно, радовался, а бабушка плакала. Она долго стояла, повернувшись лицом к железным воротам, рядом с контейнером, набитым последними вещами семьи, изгнанной из родного дома. Здесь бабушкина семья прожила более ста лет! Даже в страшную войну, когда на город падали бомбы, бабушкин папа и его родители не покинули дом. Сюда, именно сюда привозили крошечных, завернутых в конверты бабушкиных сына и внука.

Но все заканчивается — в том числе и жизнь; бабушка садилась в машину обмякшая, уже без слез.

Под высоким козырьком типового серого небоскреба болтался интерактивный мотивационный плакат: «Все на выборы!» У плаката выцвел нижний левый угол. Это было заметно как издали, так и вблизи. А на содержание надписи никто из работников дано не обращал внимания. Выборы и выборы. Валери, как и все успешные работники «офисного планктона», вновь проголосует за Лозового. Его все устраивало в нынешней власти. И в первую очередь устраивали перспективы собственного роста.

Валери вошел в офис, где он трудился пока что рядовым коучем. Ключевое слово — «пока». Профессия у него не новейшая — скорее, неизменно востребованная. Еще полвека назад считалось, что коуч — это «профессия будущего», «профессия-тренд». И вот будущее наступило, однако коучинг в тренде по сей день.

Концерн продвинутых коучей, или КПК, в котором работал Валери, занимался тем, что обучал развивающиеся коучинговые фирмы, специализирующиеся на продаже своего коучинга начинающим коучам в сфере страхования. В этом бизнесе Lucky был востребован: смазливый, напористый умеющий подстраиваться под клиента. Он убеждал клиентов попробовать те или иные методы, которые «непременно выстрелят, вот увидите!» Методы краткосрочного безошибочного действия, дающие мгновенный (пусть крайне недолговечный) результат.

Ему верили — и росли продажи, и он вместе со своим «счастливым» креслом переезжал с этажа на этаж. Все выше и выше, все ближе к фартовому руководству и феноменальному успеху.

Правда, от этажа к этажу, как Валери давно уже подметил, ничего особенно не менялось. Проблемы оставались те же, как и установки, и задачи коучей. Пожалуй, побольше зарплата и пожирнее клиенты — вот и все.

Однако он верил, что именно на следующем этаже его будет ждать Успех. Именно так, с большой буквы. Возможно, на предпредпоследнем. Или на предпоследнем. А уж самый последний этаж... Впрочем, об этом лучше не думать, чтоб преждевременно не закужилась голова.

В этот день секретарь шефа Олечка — *зарегистрированный паникер* — прибыла на работу с большим опозданием, трясушаяся и заплаканная: она оказалась очевидцем аварии. Движение, и так еле живое, встало на целый час. Еще час был потрачен на то, чтобы выбраться из затора. Даже этого времени не хватило Олечке, чтобы отойти от пережитого. Захлебываясь, она повторяла: «Там были трупы...»

Блистательный Lucky, который по милости Олечки утром выполнял все обязанности секретаря, от заваривания кофе до технического руководства зум-конференцией Глав КПК, встретил Олечку неласково, а когда та принялась «ездить по ушам» по третьему кругу, он попросту заткнул ее, отправив мыть кофейные чашки шефа, заместителя шефа и свою собственную.

От Олечки в этот день на работе толку было мало. Руки ее тряслись, она разбила чашку и порезала пальчик. Олечка плакала навзрыд в санитарной комнате, словно в той аварии погибли близкие ей люди.

— Да что это такое! — заорал Lucky. — Принесло на мою голову эту идиотку! Займитесь ею кто-нибудь! У меня важный заказ! Не весь же день чужие обязанности выполнять!

Две коллеги женского пола, Неля и Валя, посмотрели на него с укором. Обе девушки занимали должности на порядок выше Валериной. Они были уже коучами-супервизорами в отделе преподавателей теории коучинга. Однако Lucky то и дело «забывал» об этом и вел себя так, будто старший в их маленькой группе — он. Девушки подыгрывали — не то по доброте душевной, не то из симпатии к такому красавцу. И сейчас они увели Олечку подальше от Валери.

Вот пожалуйста: стоит кому-то засветиться в качестве паникера — тут же найдутся доброхоты, берущие его под опеку. Хорошо быть паникером, подумал Lucky. И сам рассердился: что за мысли? Он рожден, чтобы стать гонщиком, лихачом, его стихия — бесконечная дорога... и высший ярус Роудленты, над которым восходит солнце и веет Борей...

Впрочем, если задуматься — а он все-таки коуч, и довольно толковый, — то выходит, что у него причин для паники больше, чем у кого-либо.

— Олечка, возьми влажную салфетку, — кудахтали девицы в комнате отдыха, — у тебя пластыря нет? Вот, нашла... сейчас заклеим тебе пальчик... вот новопассит, водичка...

Олечка постепенно успокаивалась.

Перестав плакать, она тут же защебетала. Даже не вслушиваясь, Валери поневоле обогатился совершенно ненужной ему информацией. Как оказалось, у Олечки с самого утра не задался день. Парковщика было с фонарем не найти, а потом, когда служба «Полиспаркинг», не справляясь с наплывом заявок, начала выбрасывать их в сеть, появились предложения от так называемых «партнеров», иначе говоря, фрилансеров. А эти нахалы и дерут за свои услуги больше, и ответственности не несут, и вообще они непонятно кто... Скорее бы вышел закон, запрещающий нелегализованным «парковщикам» предлагать свои услуги!

— Интересно, где бы ты взяла сегодня парковщика, если бы «партнеров» запретили? — задала Олечке резонный вопрос Неля.

— Ой, не знаю, девочки. Но после того, как этот «партнер» мне нахамил — а служба «Полиспаркинг», представляете, не принимает жалобы на хамство своих партнеров, — у меня прямо все пошло наперекосяк! На Роудленте началась паника...

— Бедная Оля, — посочувствовала Олечке Валя. — Паника, да тут еще и авария...

— От этого ведь паника может заякориться, — воскликнула Неля.

— Да, я сама этого боюсь! Сейчас же отправлю заявку на снятие якоря в Государственную психологическую службу!

«К психологу она обратится, сволочь эдакая, — разъярился Валери. — А потом наберет себе выходных по количеству кейсов!»

Зарегистрированному паникеру полагается квалифицированная психологическая помощь за счет государства — в разумных пределах, конечно.

— Хотя, знаете, не все мрачно, — продолжала Олечка. — До аварии мне уже помогли. Модератор хороший попался... Нет, просто классный! Он сначала еще парню помог, а потом мне...

— Здорово... Как давно я не была в панических чатах, — вздохнула Неля.

— Ну, и радуйся, что тебе сейчас не надо! — воскликнула Валя.

Валери скрылся в кабинете для совещаний, повесив на дверную ручку красную табличку с надписью: «Коуч занят».

Отголоски болтовни долетали и сюда.

— И главное, — Олечкин голос возбужденно вибрировал. — Вы не поверите! Я видела на Роудленте этого кудрявого, из передачи «Город для людей»! Ну, который сейчас баллотируется в губернаторы. Он был одним из участников аварии.

Lucky надел наушники, включил компьютер и начал диалог с перспективным клиентом, заявка от которого была первой в очереди.

Из-за двери доносилось:

— Да ладно!.. Ничего себе... А это точно был он?

— Он-он! С такой шевелюрой... Его ни с кем не спутаешь!

— Ты фото сделала? Покажи!

— Вот, смотрите!

— И вправду похож! Такой смешной... Клоун просто.

— Клоун он и есть.

— Злая ты, Валька! Он довольно милый. Симпатяга!..

Валери вежливо извинился перед клиентом. Отключил звук. Тихонько снял наушники и аккуратно положил на столешницу. Встал из-за стола. Бесшумно вышел из кабинета. Подкрался к комнате отдыха, приоткрыл дверь и грохнул:

— А ну заткнитесь! Шумно очень!

Девушки-трещотки вздрогнули от неожиданности. Осознав, что из-за них может сорваться важный заказ на проведение тренинга по обучению перепродавцов коучинга по пятиступенчатой программе, они принялись извиняться:

— Валерик, прости! Не каждый день встречаешь кучерявого чувака из «Города для людей»!

— Слышите, балаболки! Хоть кучерявого встречайте, хоть лысого, только молча! — гаркнул Lucky и от души хлопнул дверью.

Clown

Назар Копыльцов вышел из дома в восьмом часу. Он двигался пешком, без самоката. На нем были джинсы, клетчатая рубашка и клетчатая же кепка, кроссовки и рюкзак. Если бы отец увидел его сейчас, то обязательно обозвал бы «пугалом». Или клоуном...

При мысли об отце Назар вздохнул. Конечно, не стоило вчера вечером ссориться с ним, омрачать старику отход к блаженному сну. Все равно отец ничего не поймет.

До Роудленты путь неблизкий. Назар вышел за сорок минут, чтобы проветрить голову и размять ноги. Самокатчики старательно объезжали его, никто не сигнализировал неадекватному утреннему пешеходу.

Парковщик, белобрысый пацан, в ожидании курил электросигару рядом с плакатом «Все на выборы!». Когда оба подтвердили выполнение заказа в своих мобильных приложениях, пацан вытащил свой самокат из багажника Назара и укатил, пару раз оглянувшись.

Узнал или нет? Его часто узнавали на улице, даже темные очки не спасали. Хоть наголо брейся.

Он сел за руль, закрыл аккаунт парковщика и авторизовался.

«Последнее предупреждение, — пришел сигнал от робота. — После третьей блокировки скоростного режима Вы будете на два месяца отстранены от управления транспортным средством». Действительно, поздние возвращения, уже два подряд... Хмыкнул: напугали...

Ровно год назад его ролик впервые набрал миллион просмотров. Назар тогда сделал нарезку из двухминутных видео, записанных на улицах Полиса, третьем ярусе Роудленты и загородных трассах, чередуя их с ретрозаписями старого города: полупустые улицы, свободно несущиеся машины, тормозящие перед пешеходными переходами, наземный общественный транспорт — автобусы, троллейбусы, трамваи, чистое, ослепительное небо над головами людей. А заканчивался ролик видами велогородка: парковые зоны, частные дома, велосипедисты, пешеходы... и полное отсутствие машин.

В тот же день хейтеры снесли его аккаунт.

Что только не делали его враги! Однажды сектанты-«динамисты» закидали его автомобиль птичьим дерьмом. Вспомнив об этом, Назар расхохотался: жаль, не видел со стороны, какая была у него физиономия, когда он обнаружил свою испоганенную машину на стоянке телеканала! Однако бывают в жизни чудеса: камера слежения зафиксировала хулиганство, и назавтра с ним связался вежливый представитель районной администрации. Он извинился «за подведомственных граждан Полиса, Божьих братьев и сестер», и сообщил, что муниципалитет, в целях защиты Закона о частной собственности, подал в суд, и теперь сектанты заплатят крупный штраф и по решению судьи на средства паствы оформят Назару годичный абонемент в автомойку. Назар поблагодарил чиновника и вежливо, но твердо отказался от сектантского абонемента.

Через пару дней — вряд ли это было обычным совпадением — его пригласили для записи интервью на один из центральных каналов Полиса, а вскоре ему выделили собственные часы в эфире этого канала. Оказалось, что и в правительстве есть здраво-

мыслящие люди. Назар Копыльцов и его партнер Наум Лунц чувствовали поддержку, хоть и понятия не имели, кто же их покровитель. Очевидно, властям хотелось видеть оппозицию без мученического венка. Разумно, ничего не скажешь.

Интерактивные надписи «Все на выборы!», а также портреты всех пятерых кандидатов на пост губернатора (включая самого Назара) плавали над въездом на Роудленту.

Социальный электробус в соседнем ряду замигал, перестраиваясь в его ряд. Копыльцов включил диктофон и четко, отдельно проговорил:

— Необходимо улучшить условия транспортировки инвалидов и пенсионеров. Увеличить количество социальных электробусов и разрешить им проезд по траволатору.

Он щелкнул пальцами; запись была автоматически сохранена.

И тут же на приборной панели замигала сенсорная кнопка вызова.

Назар был волонтером-модератором в паническом чате. Так он вносил свой посильный вклад в борьбу с паникой.

В чате было многолюдно. Взвинченный мужской голос с истерическими интонациями запрашивал «дежурного модера».

— Здравствуйте. Я — дежурный модератор, — подключился к чату Назар. — Работаю под ником «Юнг». Как я могу обращаться к вам?

— Я — Алексей, — голос паникера звучал напряженно и сдавленно, как из подземелья. — У меня паника.

— Дышите глубже, Алексей. Все хорошо. Я с вами. Кто еще хочет поддержать Алексея?

— Я хочу поддержать, — откликнулся низкий грудной женский голос. — Привет, Алексей! Привет, Юнг. Меня зовут Любовь.

— Здравствуйте, Любовь...

— А я — Ольга, — влился в эфир молодой девичий голосок. — У меня тоже начинается паника. Но я чувствую, что Алексею помощь нужнее.

— Отлично. Втроем — нет, вчетвером, Алексей ведь тоже очень старается — мы справимся. Но если кто-то еще захочет стать активным участником, то я не стану возражать... Алексей, как вы там?

— Трясет, — судя по звукам, мужчина высморкался. — Дрожу весь. Мокрый. Как-как... Сказать по правде, когда впервые накрыла эта штука, я подумал: инфаркт!

— Вы извините, — вмешалась Любовь, — но панические атаки, как еще сто лет назад установлено медиками, практически безвредны для здоровья.

— Да знаю я! Думаете, я не читаю ничего, что ли?

— Ну, это самое главное — вы осознаете, что не умираете, и, по большому счету, вам ничего не угрожает.

— Понимаю, не понимаю... Я вообще сейчас не могу рассуждать! У меня руки вспотели, в глазах темно...

— Сколько вам лет, Алексей? — Назар опять выступил на первый план.

— Пятьдесят два. А паника прицепилась ко мне четыре года назад!

Это было большой удачей для модератора, что паникер сам назвал цифру: четыре года. Модератор не вправе расспрашивать клиентов, как давно они страдают паническими атаками. А это очень важная информация. Паникер с застарелым неврозом капризнее, но устойчивее новичка. Он больше склонен упиваться вниманием окружающих: паника стала существенной частью его жизни, и он по-своему привязан к ней. Приступ несложно купировать, просто уделив подопечному время, поговорив с ним. Другое дело, что чем «старше» паника, тем труднее избавиться от нее.

— Ладно, — произнес Назар. — Любовь, Ольга — и все, кто с нами в чате. Давайте вместе поддержим Алексея. Справимся, как думаете?

Нестройная многоголосица подтвердила: да!

— Тогда повторяйте: «Алексей, мы с тобой! Дыши ровно и глубоко! Представь зеленую лужайку со свежей травой. Ты — на лужайке. Пройдись, поприседай, разомни затекшие в пробке ноги. Твои ноги — теплые и легкие. Твои руки — теплые и легкие... Ты абсолютно спокоен. Ты аб-со-лют-но спокоен!»

— Алексей, мы с тобой! Дыши... Представь... Ты абсолютно спокоен. Ты аб-со-лют-но спокоен!

— Ох... Спасибо, братья и сестры, — Алексей наконец-то подал свой *настоящий* голос — у него был грудной глубокий бас. — Спасибо, Юнг! Отпустило... Хорошо-то как!

— Я рад, — проговорил Назар. — Берегите себя, Алексей!.. А теперь мне хотелось бы услышать Ольгу... Ольга, вы еще здесь? Вы в чате?

— Да-а, — Ольга всхлипывала. — Я здесь...

Назар подумал: судя по геолокации, Ольга едет в том же потоке, что и он. Она находилась на расстоянии каких-то ста метров от него. Бывают же совпадения.

— Ольга, вам ведь тоже нужна помощь? Не молчите. Я с вами. И вы будьте со мной. И я, и другие пользователи чата встревожены вашим молчанием. Не бросайте нас.

— Я... Тут я, — голос Ольги был бестелесным и тихим. — Извините... У меня зубы стучат...

— Друзья, давайте поддержим Ольгу!

— Я готова поддержать, — вновь выплыл низкий хриловатый голос Любви (Назару она представлялась крупной, уверенной дамой лет пятидесяти). — Ольга, дорогая, дышите глубже.

— Спасибо, Любовь! Ну, кто еще с нами? Откликнитесь, друзья.

— Я тоже хочу помочь Ольге, — жизнерадостно загремел бодрый мужской голос. — Меня зовут Кирилл. Работаю менеджером по продаже прикладного автомобильного оборудования. Зарегистрированный паникер, холост, опыт трехступенчатой групповой терапии — и паническая ремиссия восемь месяцев и пять дней!

— Это замечательно, Кирилл, что вы с нами. Нам необходимы такие помощники. Если вы захотите зарегистрироваться в качестве волонтера, Антипаническая ассоциация, я уверен, единодушно проголосует за вас.

— Я и сам об этом думал, Юнг! Готов подать заявку!

— Спасибо, Кирилл. Считайте вопрос решенным. А сейчас поговорите, пожалуйста, с Ольгой.

— Ольга, здравствуйте еще раз. Я — Кирилл. Как вы себя чувствуете? Если сильно потеют руки, возьмитесь за ушки-сушилки на рулевом колесе и легонько сожмите их, как два эспандера!

«Молодец Кирилл! — с симпатией подумал Назар. — Грамотная работа».

— Да, конечно, я знаю об этой функции, — Ольга не говорила, а повизгивала, словно напуганная собачонка. — Я сразу так и сделала! Руки высохли, но теперь неприятно немеют пальцы...

— Если немеют пальцы, надо постучать по рулевому колесу — сначала пальцами правой руки, потом левой. Посжимать и поразжимать ладони. Начните делать эти упражнения прямо сейчас... Правильно я говорю, Юнг?

— Кирилл, вы все делаете правильно. Спасибо вам! Ольга, главное — не забывайте глубоко и ровно дышать. Так вы быстро нормализуете пульс. Друзья, давайте вместе поддержим Ольгу!

Подготовкой к онлайн-дискуссии, работа в паническом чате... Время в любых, самых беспросветных пробках пролетало для Назара незаметно.

У него никогда не было панических атак.

Ближе к съезду Назар вышел из чата. Его сменил другой модератор.

Неврозы — следствие стремительно ухудшающейся экологии, думал он. А плохая экология — прямое следствие перезагруженности дорог. Слишком много машин! В городе скоро дышать будет нечем. Люди, проводящие часы, дни, недели своей жизни в бетонных тисках Роудленты, в принципе не могут быть психически здоровыми.

В дискуссии, которую он проведет с подписчиками своего канала, Назар собирался поговорить о панических атаках. Наум поддержал выбор темы, хотя оба понимали: такое выступление не прибавит популярности кандидату на пост губернатора. Процент паникеров сознательно занижается, чтобы у населения не возникло еще большей паники.

Железная логика!

Назар давно хотел перебраться в Велогородок. Но потом он включился в предвыборную кампанию, стал кандидатом на пост губернатора. А градоначальник должен жить в административном здании...

Даже если понимаешь, что проиграешь выборы, — пока ты в игре, необходимо соблюдать ее правила. Назар ждал Дня Выборов. Уже год он снимал в Велогородке домик, который собирался впоследствии выкупить. Скоро ему не потребуется дорогущая аренда в офисной высотке в мегарайоне V...

Раздался режущий душу вой: по траволатору, мигая синим проблесковым маячком, промчалась машина «скорой помощи». Назар забыл бы о «скорой» через пару секунд, если бы не нахальная спортивная «тринити» красного цвета, пронесшаяся следом. Он даже присвистнул: что за обнаглевший *мажор*, как называли зарвавшихся богатеев во времена молодости его отца? Мелькнула также мысль: почему на такой машине он гоняет по третьему ярусу, а не по пятому? Что-то явно не то... Вернее, все не то.

Назар потянулся к тумблеру камеры-навигатора, чтобы отрегулировать четкость и приблизить картинку... Да так и застыл с протянутой рукой.

Красная машина, истошно взревев, метнулась влево, и это было последнее, что он увидел. Скрежет, хлопок, резкий запах гари — все, что успел услышать и ошутить Назар, прежде чем сознание обволокло ватой.

Последнее, о чем он успел подумать: с ним случилось самое невероятное, что только может произойти с современным человеком.

Авария.

Очнулся он довольно быстро. Средства защиты сработали, так что Назар отделался лишь парой синяков. Подумал: нужно выбираться... Машину снесло к разделительному барьеру, в который она и уткнулась передним бампером, развернувшись от удара на девяносто градусов. Какой-то человек снаружи, пытаясь ему помочь, раскачивал заклинившую водительскую дверь. Сквозь ту же вату, которой все еще была набита голова, до Назара приглушенно доносились повизгивание металла и бормотания: «Давай, давай, пошла...» Как только дверь подалась, человек протянул ему руку, помогая выбраться.

Роудлента стояла. Водители выходили из машин. Вокруг двух разбитых автомобилей сгрудилась приличная уже толпа. Назар находился в эпицентре аварии; он не только увидел бурю лужу рядом с водительской дверью перевернутой машины — его просто замутило от острого запаха крови.

Над замершим траволатором мигали красные буквы: «Тревога! Посторонний на траволаторе!» Однако никакого «постороннего» не наблюдалось.

К Копыльцову протиснулся полицейский:

— Вы в порядке? Видели, что произошло?

— Красная машина, — пробормотал Назар. — Какой-то сумасшедший летел следом за «скорой»...

— Марка автомобиля?

— «Тринити», машина класса «А».

— Госномер?

— Не разглядел... Извините...

Назара подташнивало. Больше всего на свете он нуждался сейчас в глотке воды; кажется, в бардачке есть бутылка минералки.

— Мне жаль. Он мчался, как сумасшедший...

— Камера слежения не зафиксировала на траволаторе постороннего транспорта, — кроме «скорой помощи», разумеется.

Последнюю фразу, как показалось Назару, служитель закона и порядка произнес ни к селу ни к городу. Все знают, как работают камеры слежения. «Скорая помощь» мчалась с проблесковым маячком...

Странно, что система безопасности траволатора вообще сработала. Датчики сообразили: что-то не так. Хотя камера показывала: все чисто.

Лучше бы показания приборов снимали люди, а не роботы. Эти роботы такие тупые и наглые. После того как один ученый додумался внедрить андроидам эмоциональную сферу, первое, чему они научились — манкировать своими обязанностями, «протыпать» сигналы тревоги и срочные вызовы, обманывать людей. Мало того, «железные дровосеки» высшей категории тусуются в клубах и в соцсетях, обсуждая там, какие люди кретины.

Разумеется, Назар никогда не говорил об этом вслух. За клевету на андроидов в наши дни одним штрафом не отделаешься.

— Предъявите документы.

Как в тумане, он подал полицейскому свои права.

— Господин Копыльцов, у вас два нарушения скоростного режима. Оба штрафа не оплачены.

Он еле заметно кивнул.

Полицейский то ли не узнал его, то ли ему было все до светодиода.

— Почему у вас отключен автоплатеж? Приказываю вам настроить его немедленно.

Второй кивок.

— Оплатить штрафы сегодня же!

Он кивнул в третий раз, как болванчик.

— Служба техподдержки осмотрела вашу машину. Она на ходу. Вам нужна медицинская помощь?

На этот раз Назар отрицательно качнул головой.

Ему выдали направление в страховую компанию и повестку в полицию. Повестка была с датой. Мельком взглянул: пятница. Удобные дата и время. Если только на пятницу не назначат День водителя. Когда это знаковое мероприятие проводилось в прошлом году? Примерно в тех же числах.

— Постарайтесь к пятнице вспомнить все, что сможете, о нарушителе. Марку и госномер машины. Вы же понимаете, как это важно?

— Понимаю. Постараюсь.

— А вот и страховой комиссар, — заметил полицейский, кивнув на аварийную машину, из которой вылезал толстяк в желтом форменном жилете. — Ваш?

Назар кивнул:

— Да. У меня «Автопомощь».

— Что ж, вам повезло — он быстро добрался. Видите — дорога встала. Боюсь, на полдня...

Полицейский взял под козырек, намереваясь отойти, но Назар остановил его.

— Офицер, а что если подать нарушителя во всеобщий розыск? Объявить вознаграждение в виде снижения налоговой ставки, скажем, на год. Тогда, возможно, найдутся свидетели — более внимательные, нежели я.

— Господин Копыльцов! Это же паника! Мы не вправе заставлять граждан паниковать.

Вот их официальная позиция. «Этожепаника» — значит, ничего предприниматься не будет.

Назар — «сеятель паники». Так его называли журналисты. Что ж, пусть лучше воспринимают как паникера, нежели как серьезную угрозу «официальной линии». Впрочем, предпочтительнее — чтобы власти считали его клоуном, шутком балаганным. Clown² — так и зовут его конкуренты. Безобидный Clown. Ха-ха!

Назар выступил в прямом эфире на авторском канале «Город для людей». Но перед этим он провел около часа в санитарном блоке. Там его хорошенько прополоскало. Все-таки похоже на сотрясение. Наум уговаривал его вызвать «скорую» и сделать диагностику, а запись отменить, вернее, перенести. «Друг мне дороже ста тысяч голосов избирателей» — так сказал Наум. Назар возразил: если и сотрясение, то легкое. Завтра он уже будет в норме, а ролики на канале должны выходить бесперебойно.

Что касается самой аварии, то Наум, узнав от Назара о чрезвычайном происшествии, отреагировал неожиданным образом. Не нужно раздрачивать власть и обнародовать происшествие в эфире, сказал он. Правоохранители хотят «замылить» происшествие, чтобы уберечь граждан от паники? Ради бога. Пусть «замыливают». Назару перед выборами следует быть покладистым, а не бодаться.

Назар возразил: на третьем ярусе Роудленты было полно свидетелей. На что Наум ответил, что слухи, кулуарные обсуждения — это одно, а публичные заявления — совсем другое.

«Скандалы нам не нужны, старик. Ты и сам по себе — скандальное явление».

После прямого эфира Назар принял душ. Выпил две таблетки шипучего обезболивающего. Отпустил пораньше двоих молодых помощников. Сообщил Науму, что он в полном порядке, и, когда тот отбыл домой, еще немного повалялся на диване в арендованном офисе. И даже вздремнул.

На потемневшие окна офисного здания автоматически опустились жалюзи с подсветкой. Пора было собираться с силами, вставать и ехать домой. Иначе — позднее возвращение, как следствие — третье нарушение скоростного режима.

Старик уборщик, плешивый и низкорослый, по-отечески относившийся к Назару, самолично заварил и принес кофе. Две чашки. Так повелось: уборщик, заступая на вечернее дежурство, всегда заходил, чтобы посидеть с ним полчаса и выпить кофе. Наум всегда рано уезжал домой: его ждали жена и маленькая дочка. Холостяк Назар, напротив, вечно задерживался в офисе сверх положенного. Ему нравилась тишина, которая наступала в огромном офисном здании после шести.

И всякий раз к нему заходил приятель — вечерний уборщик.

Головная боль почти прошла. Помешивая свой кофе, Назар все думал, думал... Наконец он обратился к уборщику:

— Анатолич, поехали со мной в Велогородок! Насовсем. Мне нужен будет помощник и там.

² Клоун, шут (англ.).

Старик хмыкнул.

— Я не шучу. Все эти молодые креаклы, коучи... Толку от них никакого. Мне нужен человек. Понимаешь?

Анатолич глянул внимательно, опустил глаза в свою чашку с кофе, куснул сухарь. Он был немногословен — настоящий подарок, а не работник.

— У тебя велосипед есть? — уточнил Назар.

Анатолич кивнул.

— Ну, так переселяйся! Сдашь свою тесную хату какому-нибудь студенту. Снимем тебе в Велогородке домик, а потом и выкупим. Автомобиль тебе ведь побоку...

— Да уж... Где мне, — отозвался Анатолич. — Я бесправный...

— Я помню, — мягко произнес Назар.

У Анатолича — пожизненное лишение прав, а в прошлом — тюремный срок. Он жил в двух шагах от офиса, где трудился вечерним уборщиком, и ходил на работу пешком, без самоката. Назар давно знал его историю.

В молодости Анатолич (тогда его звали Владом) круто водил машину. Личное авто Влада постоянно мелькало в блогах возмущенных граждан, а фото машины выставлялось на публичной сетевой странице с тегом *#вожу_как_олень*. Жена верещала всякий раз, когда оказывалась рядом с ним на переднем пассажирском сиденье.

«Что ты творишь! — пронзительно кричала она. — Тормози, тормози! Видишь, он едва увернулся из-под колес! Он же двигался на зеленый!»

Смуглый велосипедист с коробом за плечами — курьер, разносчик еды, действительно чудом увернувшийся от встречи с массивным кроссовером, поворачивавшим на зеленый свет, беззвучно ругался вслед.

«Он на велосипеде ехал по пешеходному переходу, — невозмутимо отзывался Влад. — Он обязан был спешиться. Таких уроков надо учить!»

«Да блин, Влад! Пусть даже ты прав, а он нет, — ты же его сбить мог! Зачем это тебе нужно — полиция с разбирательствами, кто был прав, а кто неправ... и смерть человека!»

«Завали жало, истеричка. Владислав Анатолич знает, что делает».

Он так лихо перелетал через «лежачих полицейских», что однажды от резкого толчка из бачка-омывателя вывалилась трубка, и вся жидкость вытекла. Вечером того же дня, увязнув в грязи за городом, он не смог омыть заляпанные стекла и ехал фактически вслепую, всю дорогу матерясь, но так и не признав, что накосячил.

После очередного дорожного скандала с участием других водителей жена подала на развод. Влад, напуганный ее решимостью, целых две недели ездил так осторожно, как только умел... Когда жена забрала заявление, все вернулось к прежнему.

Однажды утром он подвозил жену на работу. Всю дорогу супруги ругались и препирались. Влад подрезал, вклинивался, гнал по встречке; другие водители возмущенно гудели ему вслед. Жена стенала, он привычно огрызался.

Чтобы попасть на набережную, нужно было пересечь главную дорогу, выехав со второстепенной. Влад и здесь никого не пропускал, несся как угорелый; тормозить приходилось водителям, едущим по главной, хотя у них был приоритет.

Вот и середина дороги. Прямо на него, сигналив, мчался седан. Водитель седана, принципиальная сволочь, притормаживать не собирался. Влад выжал газ и еще ускорился. Впереди был нерегулируемый пешеходный переход...

В такие моменты, когда перелетаешь перекресток, как бешеный, вся надежда на то, что на переходе никого не окажется.

А по направлению к переходу шли, двигаясь навстречу друг другу, два обыкновенных, схожих чем-то паренька. Они даже не шли — скорее, брели, со скучным ви-

дом глядя себе под ноги: на работу не очень-то торопились. Одновременно вступили на переход.

Влад с каким-то отстраненным удивлением заметил, что пареньки, почти не поднимая глаз и не сговариваясь, пожали друг другу руки. Так здороваются малознакомые воспитанные мужчины и молча расходятся, поскольку и говорить-то особо им не о чем — просто соблюдают ритуал. Эти двое были знакомы: жили поблизости, ходили в один универсам, возможно, выгуливали псов на общей собачьей площадке...

Они потом и лежали с теми же безучастными лицами, под прямым углом друг к другу (так упали), и один закинул ногу на второго, а рукопожатие бедняг оказалось настолько крепким, что работники труповозки с трудом разжали их окаменевшие пальцы.

Жену отвезли напрямик в клинику неврозов. Выписавшись, она подала на развод и уехала навсегда. Владислав Анатольич получил семь лет колонии — по максимуму. И водительское удостоверение отобрали. Как раз вступила в действие такая мера, как пожизненное лишение прав. Для особо рьяных и самоуверенных, постоянных героев сетевых групп *#вожу_как_олень*. Там ведь, в группах, такой кипеш поднялся — удивительно, что его не линчевали. Водитель иномарки постарался: и показания в суде давал, и специальный паблик завел, сам в итоге крутым блогером заделался.

...А Владислав Анатольич до сих пор видел во сне тех двоих. Они приходили к нему вместе с его армейскими товарищами. Эти два паренька во снах тоже были одеты в военную форму, и в горячечные ранние часы, когда кошмары наиболее тяжелы и беспросветны, их обмякшие тела сбрасывали в траншею вместе с останками товарищей Влада, а затем утюжили захоронение бронетранспортерами.

— Тебе человек нужен, Назар, — проговорил Анатольич, поставив свою чашку на стеклянный столик. — А какой я человек?..

Назар хотел было возразить, но Анатольич качнул головой и продолжил:

— Одно радует: сейчас не осталось больше таких уродов, каким был я.

— Боюсь, ты ошибаешься, — произнес Назар.

И он рассказал об аварии на Роудленте и о лихаче в красном авто.

Анатольич внимательно слушал, и все эмоции, от удивления до негодования, пробежали по его худому жесткому лицу.

Когда Назар, покинув офис, выезжал на Роудленту, ему показалось, что впереди маячит знакомое красное крыло. Тот или не тот?..

Как поступить? Вызвать полицию?.. Но на каком основании? Да, «тринити» — не самая распространенная машина в Полисе, но все же их выпускается два-три десятка в год. Начальник Автозавода, легендарный Кобрин, ездит на такой машине. Правда, по другому ярусу.

Назар вдохнул, выдохнул... И отправился в панический чат.

Красная машина смиренно ползла в общем потоке, ничем не выделяясь среди прочих транспортных средств.

2. ТРЕВОГА

Автозавод

На заводе жизнь начинается рано. В пять тридцать утра, по традиции, раздается протяжный заводской гудок. Он обязателен. Потом играет гимн, и на центральном дворе-плацу ползет по шесту, взвивается и реет государственный флаг. В этот момент на плацу должны выстроиться все, от уборщиц до генерального директора.

Генеральный директор, Федор Андреевич Кобрин, потомственный работник автопрома, радеет за соблюдение традиций.

Через полчаса в цехах и отделах проводятся скорые планерки, потом мастера и работники отправляются по своим местам, а в кабинете генерального собираются начальники отделов и лабораторий.

Совещание растягивается на час.

К семи утра на заводе вовсю кипит производственная деятельность. Короткие, строго регламентированные перерывы допустимы не раньше одиннадцати.

Гендир — седой мордастый мужик с архаичной курительной трубкой, со старомодными усами и большим мясистым носом в капиллярах, в кожаном пиджаке, который он надевает на свитер, кажется пришельцем из прошлого века. В то же время это крепкий современный производственник, «не голова, а дом советов», как отзываются о Кобрине заводские старики. Он — прирожденный шпион. При нем сфера промышленного шпионажа настолько выросла из рамок предприятия, что теперь в Полисе есть специализированная Академия внешнего шпионажа.

А начиналось все с молодого мастера Кобрина, запустившего свой первый микроскопический дрон, а потом с усмешкой и, кажется, в том самом кожаном пиджаке раздававшего интервью прессе.

С той поры прошло уже почти полвека. Технологии резко скакнули вперед. Теперь на разработку дрона не нужно тратить годы: микродрончики, подобные первому детищу Кобрина, уже изготавливают автошкольники на уроках труда.

Ну, а Кобрин — живая легенда.

Восседая в старом кресле, обтянутом натуральной кожей, с вытертыми подлокотниками, лоснящимися, как и рукава его пиджака, он жирным голосом раздает указания. Руководители служб сидят перед ним вживую и записывают ориентировки в бизнес-планшеты. Или делают вид, что записывают: у каждого есть наушник-диктофон. Потом расходятся руководить процессом. А гендир остается в своем кресле, в кабинете со старомодными панелями и мебелью из красного дерева, где на стене, среди дипломов и почетных грамот (еще одна традиция), висит на специально сконструированном кронштейне прозрачный куб из пуленепробиваемого стекла. А внутри куба — Тот Самый Дрон.

Так сентиментальные фабриканты в старину хранили свое первое изделие или символ бизнеса, переданный от деда: моток ниток, пуговицу, башмак, подстаканник, еще какую-нибудь ерунду.

На противоположной стене можно увидеть «схему эволюции»: как архаичные иномарки, каких теперь не встретишь на Роудленте, трансформировались в модели, ныне представленные на рынке Полиса: «гранты», «дельты», «греты», «фавориты» и — вершина эволюции отечественного автопрома — легкоходные скоростные «тринити».

«Мечта мажора» — так называет Кобрин свою красную любимицу «тринити». Он и сам разъезжает на такой.

В цехах бряцает, громыкает, пахнет маслом и техническими жидкостями. Вторник — день открытых дверей, когда завод наводняют толпы: студенты-технари, ученики автоакадемий. Мастера проводят инструктажи, особ отличившиеся рабочие выполняют показательные монтажки. Все к этому привычны, никому не мешают скопища народа.

Разгоряченный мастер командует процессом разборки-сборки; здесь все так же, как было десятилетия назад.

Инновации сосредоточены в отделе внешнего шпионажа, при котором есть и лабораторный цех. В цехах происходят сборка и комплектация, основанные на «новой»

ших разработках» (иначе говоря — уворованных технологиях). Это самая важная и ответственная работа.

Две девушки в комбинезонах ведут беседу. У одной в руке — крошечная паяльная лампа, у другой — микроскоп.

— Ты слышала? Анька выиграла все-таки тендер.

— Кто бы сомневался. Опять эта выскочка!

— У меня был проект не хуже.

— У нее ведь папа — зам...

— И что, уже катается по пятому ярусу?

— Ну да.

В лабораторный цех входит плачущая девушка, тоже в комбинезоне. На рукаве у нее нашивка с буквой «П»: «практикантка».

— Ленка, что случилось?!

— Девчонки, — рыдает вошедшая, — мой дрон не выходит на связь уже около часа... Все кончено!

— Да ладно?.. Может, сбой... помехи...

— Их обычно устраняют за двадцать минут, — авторитетно говорит вторая работница.

— Сочувствую, Ленка... Ты сколько возилась с этим дроном?

— Это моя дипломная работа!

Ленка почти взывает, потом вытирает глаза и садится на стул. Сидит так некоторое время, уронив лицо в ладони.

— А где он выполнял задачи? В Западном секторе или в Восточном?

— В Восточном...

— У них хорошая разведывательная база. Ладно, не реви. У тебя ведь запасной остался? Только не говори, что не позаботилась о запасном.

— Да, есть резервный... Но его нужно обучить. Неделя уйдет...

— Тогда срочно берись за дело, а не ной!

Постепенно практикантка успокаивается.

— Да, конечно... Сейчас пойду... Ой, девочки, у кого есть зеркальце?

— Анька-то наша, — ты слышала, нет? Опять выскочила!

Разговор перемещается в здоровое русло девчоночьих сплетен.

Генеральный директор Кобрин восседает в своем старом кресле. Его преданный зам Виталий Игнатьевич Кулагин, красиво поседевший, пожилой, но все еще подтянутый бывший ловелас, с виду усталый, задавленный бытом и кукольной женой-стервой, стоя перед ним, выслушивает указания. Зам кивает, не меняясь в лице, потом задает уточняющие вопросы и, еще раз кивнув, направляется к выходу.

Кобрин задерживает его на пороге фразой: «Спасибо за дочь!» Заместитель расплывается в улыбке. Это их производственно-приятельская шутка — без доли шутки — и ритуал последних месяцев. «Напротив, это вам спасибо, дорогой Федор Андрейч, что поверили в мою Аню и взяли ее на службу».

Лицо гендиратора непроницаемо, но хорошо знающий его зам что-то улавливает в кобринском взгляде. Кобрин, сдержанный и холодный с виду, очень ценит верных ему людей; с ними он порою ласков. Заместитель думает: «И я, и моя семья — мы многим обязаны этому человеку». Он растроган и счастлив.

Коротким кивком шеф отпускает заместителя, и тот покидает кабинет, опьяненный отцовской гордостью, споткнувшись о порожек при выходе.

Дочь Виталия Игнатьевича — теперь уже гордость всего Автозавода, а не только отца и проектной лаборатории, в которой она трудится с недавнего времени.

Оставшись один, гендир закуривает; у *главного шпиона Полиса* кабинет оборудован с соблюдением требований противопожарной безопасности. На лице его, как это ни странно, появляется подобие сентиментальной улыбки...

Почти четверть века назад Федор Андреевич впутался в неприятнейшую историю. Его очередная любовница — зарвавшаяся девчонка Оксана, от глупости и отсутствия жизненного опыта не боявшаяся ничего и никого, даже Кобрин, самого сурового промышленника развивающегося Полиса, — грозила разрушить его карьеру и семью. Не брала ни деньги, ни апартаменты в элитном районе С (новейшую модель «тринити», прямо с конвейера, он ей и так уже подарил). «Мой ребенок не должен расти без отца!» — заявила эта нахалка. И картинно приложила ладонь к животу, еще совершенно плоскому, даже втянутому.

Оксана таскалась за ним на все мероприятия. Они и познакомились, когда она пролезла на закрытую вечеринку «для своих» и, будучи соплей на тридцать лет моложе, начала с ним беседу в тональности капризной школьной красавицы, флиртующей с робким молокососом. Его это позабавило... На том и погорел!..

Пришлось аннулировать ее «зеленый пропуск» на презентации и банкеты.

Однажды, когда Оксана в очередной раз прорывалась на закрытие конференции по развитию технологий шпионажа, а ее не пускали, прелестную рыдающую девушку увидел на проходной его верный зам — и привел с собой, отбив у стражей. Кобрин по горячей просьбе Кулагина дал команду пропустить.

Уже в банкетном зале, когда Оксана оказалась за одним столиком с ним и его супругой, по правую руку от Виталия Игнатьевича, Кобрин по глазам заместителя понял: мужик попал.

«Бери Витальку в оборот, — спустя три дня говорил Кобрин Оксане, развалившись в кресле у своего собственного бассейна (они отправились на выходные в дальний пригород, чтобы «попрощаться по-людски»). — Сумеешь окрутить — будет тебе счастье». — «Но он ведь тоже семейный», — возражала Оксана, округляя глаза и ротик. «Посмотри ему в глаза. Он уже попался, главное — не упусти». — «Но... — Оксане все еще не хватало мозгов, чтобы оценить масштабы лотерейного выигрыша. — Ребенку ведь нужен отец...» — «Дура, чем тебе плох такой отец?» — рявкнул он, не удержавшись.

Но тут же потеплел, взглянув на нее — розовую, нежную, соблазнительно раскинувшуюся в шезлонге, едва прикрытую сбившимся полотенчиком.

«Я тебе все дам. И тебе, и ребенку... И Витальке, если он впряжется. Тебе ведь нужен статус? То-то. А меня — не взыщи — ты не получишь».

Оксана молчала, насупленная: перед ней забрезжили *перспективы*. Да, не совсем те, о которых она мечтала. Но Виталий Игнатьевич и выглядел моложе, и был привлекательнее и, что немаловажно, податливее Федора Андреевича... Лицо ее посветлело.

Так родилась Аня. Что важно, в полной семье.

Кулагин — это, конечно, не Кобрин. Но и не абы кто.

Кобрин был доволен. Он искренне желал Аньке добра. Девчонка-шпионка — его кровинка! Все его дети стали шпионами. Все они талантливы, предприимчивы и честолюбивы. И — это уже неожиданный бонус, подумал он самодовольно, — все они красивы. Законные наследники внешне удались в жену. Анька — вылитая Оксанка. Правда, Оксанка в сравнении с гениальной дочерью — дура душой. Так ведь должны работать и отцовские гены...

Волнофон, крикнув, отогнал приятные размышления: пришел сигнал от осведомителя, работавшего в Администрации.

«Объявлена тревога! Оранжевый уровень!»
Главный промышленник Полиса, нахмурившись, смотрел на дисплей.

Пятая спецбригада

В восемь тридцать в Управление полиции нагрянула проверка.

Невзирая на то, что управление ко всему готово и сотрудники с восьми утра на рабочих местах и бодры, на этот раз проверка оказалась чем-то вроде вчерашнего потопла. Неожиданно и некстати.

Люди из Администрации наводнили коридоры; чтобы рассадить и своих, и приехавших, потребовался большой конференц-зал.

«Свои» казались непривычно тихими. Пришлые, напротив, были шумны и вальяжны. Переговаривались, потягивались, похохатывали — в общем, всем своим поведением демонстрировали, что они здесь хозяева.

На сцене за большим столом расположились Начальник управления, Заместитель начальника, Глава Особого отдела («полиция полиции», «змей среди змей», как называли сотрудников этой конторы полицейские), с ними — руководитель комплексной проверки и три его помощника.

В зал, рассчитанный на двести кресел, набилось до полутысячи человек. Все явившиеся после двухсотого, согласно интерактивной таблице учета присутствующих, принесли с собой складные скамьи и стулья.

Наконец устроились. Повисла тишина, и только некоторые приезжие изредка пощелкивали костяшками пальцев, а один сидевший в первом ряду вытащил старинные четки и нервировал зал, звучно отсчитывая или подсчитывая что-то известное ему одному — возможно, безвозвратно ускользавшие секунды.

Слова взял Начальник управления. Перед тем как заговорить, он встал, затем просительно обернулся к персоне, возглавлявшей проверку. Выражение лица его в этот момент показалось подчиненным заискивающим, однако ни один из сидевших в зале сотрудников управления ничего не сказал своему соседу, даже не переглянулся с ним. Все сидели с каменными лицами. Проверку возглавляла рослая сорокалетняя привлекательная женщина с курчавыми, коротко остриженными волосами и большими темными глазами. Она еле заметно кивнула, и Начальник заговорил:

— Значит так. Как показала вчерашняя скрытая проверка, затопление парковок — это диверсия. Всем руководителям отделов и инспекторам полиции довести информацию: до окончания расследования мы работаем в усиленном режиме! Все всё поняли? Через три дня, до обеда, вы, Большенков, — костлявый человек в полковничьих погонах резво вскочил с места, — доложите непосредственно мне, кто диверсант. — Костлявый полковник сделал «кисть лодочкой» и по инерции приложил «к пустой башке», но тут же, спохватившись, напялил фуражку и повторно отдал честь. — Привлеченные силы и средства — на ваше усмотрение.

Начальник кивнул головой, утверждая сказанное, и сел было на место, а персона, возглавлявшая проверку, уже открыла рот, но тут Начальник спохватился и, встав, добавил:

— Спецбригада номер пять, расследующая аварию на Роудленте, освобождается от несения службы в усиленном режиме и от участия в расследовании обстоятельств дела о затоплении парковок.

И Начальник устало опустил в кресло.

Глава проверки, не вставая с места, заговорила сочным густым контральто:

— Уважаемые коллеги! В это трудно поверить, но в нашем Полисе произошла диверсия. Все указывает на это. Затопление парковок, огромный ущерб, нанесенный

имуществу граждан, автомобильным, строительным и страховым компаниям, городу в целом — беспрецедентен. Вопрос: мог ли такой ущерб быть причинен стихией? В наше время, когда безукоризненно работают очистные сооружения, а системы оттока сточных вод регулярно обновляются? Нет и еще раз нет! В преддверии губернаторских выборов такое происшествие тем паче попадает в поле зрения проверяющих и контролирующих служб!

Глава сделала паузу. По залу пробежал шум.

В седьмом ряду, ближе к середине, рослый полицейский наклонился к напарнику и пробормотал — тихо-тихо, чтобы его услышал только сосед:

— Ясно. Наезд на Алтурмесова — это он ведь с затоплениями парковок борется. И сточными водами в Полисе он заправляет. И больше всех голосов набирает...

— Во дают... Лучше бы закопали шута-эколога, — прошептал в ответ сосед, офицер неопределенного возраста, с физиономией подростка, но уже обозначившимися залысынами надо лбом.

— Шут Лозе не угроза, — лаконично отозвался рослый.

Начальник управления постукал по столу скрюченным пальцем; усиленный динамиком звук гулко разнесся по залу. Шум затих. Напарники отодвинулись друг от друга и застыли в своих креслах. Рослый сделал суровое лицо, а моложавый соорудил скучающе-отрешенную мину.

— Отныне наша с вами общая задача...

Моложавому явно не сиделось на месте. Он поерзал. Напарник незаметно подтолкнул его локтем.

— ...С целью выявления подозрительных лиц... Опрос проживающих непосредственно в вышеуказанном жилом комплексе, а также прилегающих домах... Да, такая работа занимает недели. Но у нас с вами есть всего два дня...

— Не повезло ребятам, — не удержавшись, прошипел моложавый. — Наша бригада освобождена, а им теперь до ночи и без выходных пахать...

— У нас поинтереснее работа, — буркнул рослый и сам испугался, настолько отчетливо прозвучала его реплика.

Впереди сидящие офицеры начали оборачиваться. Один из них, полный одышливый подполковник, предостерегающе приложил палец к губам.

— ...Тщательнейший осмотр нижних ярусов... Проверка всех систем водоканала...

Рослый офицер из седьмого ряда, багровый оттого, что его, как школьника, засекли за болтовней, покосился на соседа и недовольно покачал головой. Тот бросил извиняющийся взгляд и попытался сделать «деревянную морду», как учил его сидевший рядом — старший по возрасту и опыту, но не смог: его душил смех.

— ...Прослушка волнофонных разговоров, просмотр видеочатов, беседы с лицами, близкими к кругу кандидатов на пост губернатора... Параллельно вести поиск как исполнителей-диверсантов, так и заинтересованных лиц первой степени...

Рослый и моложавый обменялись быстрыми внимательными взглядами. «Вот оно!» — просигнализировал глазами старший. «Как ты всегда проницателен», — беззвучно восхитился его товарищ.

— Есть вопросы? — спросил Начальник. — Можете их задать прямо на месте. А то опять начнется: руководители не довели вам то, это...

— Да, щас, — опять вырвалось у моложавого. — Тут вякнешь — от своего шефа потом выгребешь...

Сидевший впереди начальник бригады, в которой служили говорливые полицейские — а это именно он прикладывал палец к губам, — вновь полуобернулся, с деланной свирепостью покосился на моложавого, а затем поднял руку.

— Вы, — ткнул в его сторону Начальник управления, сложив пальцы правой руки в форме пистолета.

Бригадир поднялся с места:

— Генерал, вы, кажется, говорили, что пятая спецбригада — моя то есть, — к расследованию не привлекается? Так?

— Кажется, говорил. А у вас, Феденко, что — кондуктивная тугоухость?

Генеральская шутка разрядила обстановку: в зале послышался нарастающий гогот.

— Никак нет! — вытянулся в струнку бригадир.

— Тогда почему это вам что-то «кажется»? А-а, у вас есть и скрытые собеседники? Запутались, кто из нас чего говорил? Сегодня же обратитесь к штатному психиатру.

Полный восторг! Полицейские хохотали, как дети, пальцами вытирая выступившие слезы. Даже Глава проверки снисходительно улыбнулась.

— Слушаюсь, генерал! — бригадир, зардевшись, отщелкнул каблуками. — А сейчас разрешите мне и моей бригаде идти? Расследование аварии на Роудленте требует времени и человеко-ресурсов.

— Ступай с богом, клоун. Хохмить будешь тогда, когда придет твое представление на полковника. А сейчас иди работай. И мордovorотов своих забирай.

После этой фразы не менее двадцати сотрудников в черном организованно поднялись с мест и, топоча, покинули зал. Моложавого все так же душил смех.

В коридоре рослого и моложавого догнал бригадир Феденко.

— Потопите вы меня, ребята, — посетовал он. — Так подполковником и сдохну.

— Ладно, извини, — отозвался рослый.

— Вот то-то же...

Тут бригадир понизил голос:

— Ну, что думаете обо всем этом? А, Леонард, Василий?

Леонард и Василий переглянулись. Затем Леонард нарочито грубо проговорил:

— Не наше это дело — думать! Вот в Аналитическом управлении — там пусть думают.

— Правильный ответ, — одобрительно кивнул бригадир. — Другого и не ожидал.

И все-таки хорошо, что мы с вами во всем этом не завязаны. Наше дело правое: мы нарушителя ловим!

Последнюю фразу Феденко выплюнул с каким-то ожесточением.

— Ну, так что... мы с Васей едем? — после паузы спросил рослый Леонард.

— Давайте, ребята. Сегодня прокатитесь в лабораторию. Отслеживайте расшифровку показаний этого жучка, — Феденко передернулся. — Надо же гадость такую изобрести...

— Обычная блоха, ничего особенного.

— Вот-вот. Это уже точно без меня... А завтра на техстанцию съездите. И дальше — по плану. Вопросы есть?

— Никак нет.

Феденко кивнул, поднялся и направился к выходу.

— Его в детстве клещ укусил, — проговорил Василий, провожая бригадира взглядом. — Я от отца слышал.

— Меня никто не кусал, однако я этих тварей тоже на дух не переносу, — буркнул Леонард. — А Измаила Алтурмесова жаль. Хоть и прощелыга, но деятельный мужик. Уж он бы водостоки отремонтировал...

— Нам все равно, сам знаешь, за кого голосовать придется, — пожал плечами Василий. — Так какая разница...

Социальный транспорт

Электробус второго поколения — устаревшая, но все еще ходовая модель, осуществляющая доставку инвалидов в центры социальной адаптации — застрял на третьем ярусе. На голубой, разрисованной облачками боковине электробуса пляшут веселые розовые, красные, лиловые буквы — надпись сообщает: «Всё для инвалидов!» В салоне — удобные откидные кресла; задняя часть свободна, там размещены качели, гамаки и батут — на случай, если инвалидам с ментальными отклонениями, заскучавшим в пробке, потребуется разрядка.

Водитель в униформе общественной организации «Милосердие», вышедший на работу после суток отдыха, накануне посмотрел неприятный видеоролик о затоплении подземных парковок. С самого утра он не может отделаться от тревожных мыслей. Ведущие передачи намекали на какую-то диверсию...

Какая такая «диверсия», водитель не понимает. А что если Гуманистическому миру грозят войной внешние враждебные силы? Что если за потопами последуют взрывы, как случилось в Догуманистическую эпоху? От этой мысли у тридцатилетнего мужчины начинает ныть в животе. Ему кажется, что грудная клетка расширяется изнутри — она наполнена воздухом, выдохнуть который он не может из-за спазма.

Водитель уже полчаса сидит в паническом чате. Его колотит. Лоб покрыт мелкими бисерными капельками пота. Он слушает разговор модератора с паникером, но не может присоединиться, попросить помощи. В салоне электробуса за его спиной сидят инвалиды с ментальными отклонениями, их хрупкие границы так легко нарушить, они больше здоровых подвержены заражению паникой. Уж водитель-то знает: у него есть специальный диплом-допуск к работе с инвалидами.

Руки намокли от пота и скользят по рулю, ноги стали ватными. Грудную клетку так расперло, что ему кажется: он сейчас задохнется. Сердце колотится так сильно, что он явственно слышит его стук...

Сидящая за спиной водителя соцработница шестым чувством улавливает: что-то не так. Поднявшись с места, она подходит к водительской кабине, тихонько стучит.

Водитель не оборачивается: инвалиды не должны видеть его лицо. А от лица осталась лишь сырая серая маска, вылепленная из теста... Его голова опущена, плечи подрагивают.

— Алексей, — окликает его соцработница. — Все в порядке?

— В порядке, Марина, — бормочет он.

— Чего? Леш... А, Леш!

Алексей успевает включить блокировку. Покачнувшись вбок, он не удерживает равновесия и падает на пол кабины. Видя, что Алексей корчится на полу, Марина тоненько вскрикивает. И тут же начинают повизгивать, похныкивать, а потом и плакать в голос юноши и девушки с ментальными отклонениями, сидящие в салоне. Они плачут, и подвывают, и ритмично раскачиваются взад-вперед. Марина выдавливает пластиковую дверь и пытается вытащить водителя в салон. Но в кабине слишком мало пространства — водителя зажало; он раскинул руки и елозит ими по воздуху, словно пытается за что-то уцепиться.

Марина беспомощно оглядывается на своих подопечных, собравшись, окликает:

— Гарик, Володя! Подойдите-ка сюда.

Двое юношей лет восемнадцати, всхлипывая, встают и идут по салону. У крепыша Володи — болезнь Дауна. Он тихонько хнычет, но бодро топает к Марине.

— Бери его за руку, — командует Марина. — Тащи!

Володя берется помогать... Вдруг кудрявый Гарик падает на пол и, подвывая, начинает кататься по салону. Он стучит зубами и трясется, очень похоже изображая панический припадок.

— Мать твою, — бормочет Марина, вся красная, сама чуть не плачущая.

Вместе со скулящим Володей они вытаскивают из салона бесчувственного, обмякшего водителя. Он совершенно мокрый, как будто спасатели выловили его из водоема. По полу катаются уже трое; почти все «социальщики», как называют пассажиров автобуса горожане, мелко дрожат, скрючившись в своих креслах. Аутист Толик, завывая, раскачивается на качелях, пытаюсь успокоить себя однообразным движением.

«Панический электробус» к тому моменту оказывается помехой на Роудленте: ярус уже потихоньку зашевелился и пополз, но движение по полосе, на которой застряли «социальщики», перекрыто полностью. Со всех сторон гудят недоумевающие водители. Наконец кто-то догадывается подать тревожный сигнал. Люди выходят из машин, обступают электробус, кое-кто пытается проникнуть внутрь... Марина нажимает кнопку «Орп», двери открываются. Пожилая женщина, похожая на отставного соцработника, бодро ныряет в салон, прохаживается между рядами, умело утихомиривая инвалидов. Двое мужчин выносят на свет божий Алексея, третий выводит плачущую Марину.

На траволаторе мелькает, дрожит проблесковый маячок: к месту происшествия мчит «экстренная психологическая помощь».

Водитель «экстренной» — спокойный, уверенный в себе молодой азиат. Собственно, а почему ему не быть уверенным? С работой повезло: никаких пробок, впереди — всегда свободная полоса. *Настоящая жизнь*, с чувством собственной значимости. Не хуже, чем у водителя «скорой»...

Водитель «экстренной» слышит, как психологи вполголоса переговариваются в кабине:

- Вызовы участились...
- Непонятно, как справляться...
- Самоклонироваться, что ли...
- Будто муравейник разворошили...
- Вы же понимаете, коллеги, это из-за той байки про диверсию... кому-то выгодно, чтобы дождевой потоп считали диверсией... механизм паники запущен... непонятно, кто ответит...
- Как раз понятно: как всегда, не тот, кто виноват!
- Тихо, вы что? Где угодно, только не в машине! Давайте потом...
- Ой... Прости-прости...
- Да не волнуйся! Внешний динамик выключен. Мы же имеем право вести обсуждения без прослушки...

Лицо водителя невозмутимо, он все понимает, но услышанное никак его не касается. Его дело — отслеживать геолокацию, чтобы не проехать место происшествия — сектор, откуда поступила тревожная заявка.

Впрочем, электробус с разрисованной боковиной небесного цвета и жизнерадостной надписью «Всё для инвалидов!», перегородивший среднюю полосу, трудно не заметить издали.

3. КОЛЕСНЫЕ МЫТАРСТВА

Victim

Рябинин знал, что за потопом последует шквал заявлений. И не ошибся. Его буквально рвали на части. В основном заявителями выступали бабы — то была его карма. В понедельник после выезда к месту аварии он отправился в офис, откуда приплелся

домой еле живой, к вечеру вторника почти оглох, а в среду утром проснулся от дергающей боли в левом виске. Фантастическим усилием заставил себя подняться, собраться и выехать в офис.

В офисе продолжилось ровно то же, что и во вторник. Кроме того, и во вторник, и в среду его отвлекала полиция. Правоохранители мешали работать, выходили на видеосвязь и даже приперлись в офис. Спрашивали, не было ли «подозрительных лиц» близ парковки или на нижних ее ярусах. Когда его спросили об этом в четвертый раз, Сергей чуть было не сорвался. Он, конечно, совладал с собой и вежливо ответил инспектору, что, вообще-то, прибыл к месту затопления, на подземную парковку, самым последним, — его опередили несколько сотен автовладельцев, проживавших в том же доме. Если и были какие-то «подозрительные следы», то их затоптали, а может, раньше смыло дождем. Что же касается нижних ярусов, то они были затоплены, и никто, даже спасатели, в первые часы не могли проникнуть туда. Насколько он знает, водолазов к месту аварии не вызывали, поскольку не поступало сведений о пострадавших людях...

Полицейские, пришедшие во вторник, вели себя корректно, все записали и ушли. Однако в среду явились они же, и повторилось в точности то же, что и накануне! Два часа драгоценного рабочего времени пришлось потратить на «сказку про белого бычка». Рябинин чувствовал себя обворованным.

Если кому-то кажется, что у страхового комиссара мало забот, пусть он устроится на работу в «Автопомощь». На его мониторе мигали красные огоньки — непрочитанные заявления. Сергей последовательно открывал и читал анкеты, ставил пометки, правил, регистрировал, пересылал одни — в бухгалтерию, другие — назад, пострадавшим, для устранения замечаний. А количество заявок все росло и росло. До конца недели рассмотреть столько анкет и отработать такое количество запросов не в силах человеческих. Однако терпилы этого понимать не хотят: все как один требуют, чтобы временный транспорт им дали немедленно.

У Рябинына была своя собственная классификация «терпил».

Первые — «водители-аккуратисты». Эти знают толк в оформлении документов, а в критических ситуациях, влекущих за собой страховые случаи, они всегда выступают как жертвы, поскольку сами ошибок не совершают. Их гнусность в том, что в работе со страховым инспектором они сотню раз перепроверяют каждую запятую, привлекают юристов, протянут время, обязательно к чему-нибудь прицепятся, будут препираться и вымогать, в худшем случае — затеют тяжбу.

Вторые — «водители-муравьи». Таких большинство. Они сидят в общем потоке, покорно ползут по Роудленте, тихие и неприметные, ни на что не влияющие. Но в чрезвычайной ситуации они моментально объединяются в толпы и организованно принимают качать свои права. У них всегда находится какая-нибудь муравьиная матка, которая вдруг обретает зычный голос; прочие прячутся за ее спиной и дружно поддакивают. Смысл требований прост: «Денег, дайте денег!» Могут манипулировать: мы — бедные, несчастные пострадавшие, как же вам не стыдно... Будучи по отдельности слабыми и ничтожными, сообща могут до смерти закусать представителя страховой.

Третьи, самые страшные, — «водители-паникеры». Мало того, что на дороге они создают потенциальную угрозу другим водителям (Сергей никогда не верил в безаварийное водительское сообщество и в минувший понедельник убедился, что был прав), — в моменты, когда действительно происходит ЧП, они способны многократно усилить его разрушительную мощь. Работать с ними — то еще удовольствие. Эти невротики по двадцать раз потревожат инспектора, чтобы напомнить о себе и о причитающихся им деньгах, и всю душу вытрясут, пока их не получат.

Есть еще «разгильдяи водители», «водители—темные лошадки», наконец, смешанные типы... Однако Рябинин до сих пор не вывел ни одного класса, работать с которым было бы легко и приятно.

— Сергей Саныч! Приехал клиент, займись им, — заглянув к нему в бокс, велела Алла Юрьевна.

Он устало кивнул, воспроизведя рукой жест готовности: конечно, безотлагательно. Алла поплыла дальше, кивнув клиенту, который уже торчал у него на пороге. Это был тот кудрявый парень, с виду нелепый, слегка не от мира сего, фамилия которого поразила Рябинина в прошлую встречу. По классификации Сергея — «водитель-аккуратист».

— Прошу вас, — буркнул он, сделав приглашающий жест.

Кудрявый приветливо поздоровался, прошел и сел, вытянув ноги. Свой затрепанный, но стильный кожаный рюкзак (видно: любимая вещь) он поставил не на пол, а на колени.

— Ваши документы на рассмотрении, — заученно заговорил Рябинин. — Все переслано в Департамент автотранспорта. Направление из полиции зарегистрировано...

Сергей кашлянул. Неловкость ситуации усиливалась. Посетитель сидел спокойно, поглядывая то на него, то на свой рюкзак.

— А вы, простите... э-э... не?... — наконец не выдержал Сергей. — Ну, в смысле, Копыльцов — тот самый?

Посетитель улыбнулся:

— Своей родовой фамилии не стыжусь.

— Понятное дело. Я хотел сказать... Такая... известная личность — и такая заваруха.

— Да, сегодня аварии — большая редкость, — согласился Копыльцов. — Но поверьте, я не ради пиара вляпался в эту историю. Просто так получилось.

— Охотно верю! — воскликнул Сергей. — Кто же будет вляпываться... ради пиара...

Кудрявый внимательно на него посмотрел. «Еще вопрос — кто из нас более нелепый», — подумал Сергей, чувствуя, что уши у него просто полыхают.

В нем боролись раздражение, которое вызывал человек, сидящий напротив, и огромное любопытство. Скорей даже — горячий интерес. Ко всему прочему добавлялось чувство неловкости, оттого что на стене за спиной Сергея висел большой цветной портрет губернатора Лозового.

Сергей запыхтел, поерзал, вздохнул. Так и не справившись с эмоциями, выпалил:

— Моя дочь — ваша поклонница. Она не говорит напрямую, конечно, но... Думаю, она отдаст вам свой голос.

Копыльцов нежно зарделся. Сейчас он ничуть не походил на клоуна. Перед Рябининым сидел... он сам, только двадцатью годами моложе. Ведь даже кудри у него были! Там, где сейчас лоснится розоватая лысина. «Что-то трогательное в тебе, Рябинин, есть...» — так говорила Сергею невеста, впоследствии обманувшая его с «безаварийным тренером».

Сергей почувствовал досаду на себя и добавил почти сердито:

— Ну, о себе я такого бы не сказал. Я, знаете ли, консерватор...

Человек, сидящий напротив, спокойно кивнул: понимаю.

— Так вот, по срокам... У нас форс-мажор: затопило парковки. Огромный дом, парковок — тысячи. Поступило очень много заявок... Я бы рад ускорить лично ваш вопрос. Вы — человек известный... М-да. Обещать не могу, но попробовать...

— Нет, не надо! — возразил Копыльцов. — Я все понимаю. Подожду. В порядке очереди. Машина на ходу, как-никак.

Сергей с интересом рассматривал гостя. Тот отличался от прочих медийных клиентов: не раздражался, не грубил, не наезжал. Готов был ждать, пока ему выплатят страховую сумму...

Нет, этот — точно не «водитель-аккуратист». Но кто же? «Водитель-разгильдяй»? Смешанный тип?

Сергей, неожиданно для себя, тепло улыбнулся Копыльцову:

— Что ж... Благодарю за понимание.

И спохватившись, произнес уже официальным тоном:

— Тогда ждите. Я сам вам позвоню. В течение трех дней.

— Спасибо.

Копыльцов поднялся и протянул руку. Сергей ее пожал.

— А-а... мне бы ваш автограф... для дочери, — неожиданно для себя выпалил он, чувствуя, что кровь приливает ко лбу и ушам.

Рябинин знал, что сейчас лицо его густо-красно, и ему было стыдно из-за этого.

Копыльцов, уже сделавший шаг к двери, остановился и вернулся к столу.

— Конечно, буду рад, — кивнув, отвечал он.

— В таком случае подождите... Поищу пластиковый стикер...

— Нет нужды.

Улыбнувшись, Копыльцов извлек из рюкзака брошюру. Подавая гостю ручку, Сергей выхватил взглядом название на обложке: «Счастливый город».

— Ого! Вы выпустили книгу? — удивился он.

— Да, и не только эту. У меня их целая полка. Тиражи маленькие, материал — эко-бумага. Не беспокойтесь: я противник вырубки лесов.

— Даже не сомневался, — заверил Сергей.

Копыльцов раскрыл брошюру на титульном листе. Спросил:

— Как зовут вашу дочь?

— Настя. Сейчас она как раз готовится к выпуску.

— «Дорогая Настя! Успехов на Экзамене! Н. К.», — размашисто черкнул Копыльцов. И, протягивая брошюру вместе с ручкой, произнес:

— Пожалуйста. Будьте здоровы!

— Спасибо! И вы не хворайте, — тускло проговорил Сергей.

Когда за посетителем закрылась дверь, он почувствовал, что злится. Вероятно, на себя, поскольку больше было не на кого.

Впрочем, что он сделал не так? Самый одиозный из кандидатов в губернаторы произвел на него приятное впечатление: был корректен и приветлив, согласился подождать. А для политических споров существуют дискуссии в прямом эфире. Никто не мешает ему зарегистрироваться...

Только представив, как он, Рябинин, регистрируется для участия в дискуссии с политиком, Сергей фыркнул.

Заглянула Алла:

— Сергей Саныч! Свари-ка мне кофейку.

— Да, конечно... А где волшебное слово? — почти жалобно промычал он в уже закрывшуюся дверь.

Дверь снова приоткрылась. Однако вместо спасибо Алла деловито произнесла:

— И давай-ка скатайся на техстанцию, к нашей седьмой аварийной бригаде. Там торчат полицейские эксперты, а у нас новый приказ: никаких экспертиз без представителя страховой службы.

Дверь на этот раз сильно хлопнула — возможно, сквозняк.

«Хамло», — буркнул себе под нос Сергей и отправился варить кофе.

У аварийщиков на базе действительно сидели двое полицейских.

Вожев поздоровался с Рябининым за руку, пожаловался: день псу под хвост, в среду ему вообще полагался выходной, но полиция выдернула и его, и ребят в шесть утра.

Опрашивают по поводу позавчерашней аварии. Правоохранителей интересует, не было ли на проезжей части «посторонних фрагментов», то есть обломков, не относившихся к пострадавшему автотранспорту.

Андрей отвечал формально: ничего «такого» не видел. Парни — тоже. Впрочем, они и не напрягали память, силясь вспомнить. Сергей просто сидел без дела, тарабня пальцами по крышке стола. Все понимали, что у полицейских ведется разработка, а их, сотрудников «Автопомощи», ни во что не посвящают. Ну и пожалуйста. Они тоже не будут расшибаться в лепешку ради следствия.

«Вы и так уже все, что искали, нашли», — чуть было не брякнул Рябинин рослому хмуromу полицейскому, вспомнив стражей порядка, ползавших на карачках, но вовремя осекся.

Пока полицейские вносили в мобильные приложения показания аварийщиков, привезли новую уборочную технику. Уже освободившиеся от допроса Вожев и молодой Саня отправились смотреть. Сергей, заинтересовавшись, двинулся за ними в диагностический ангар.

Да, посмотреть было на что: двурукий манипулятор с кранами-«каруселями», расчититель, магнитный сборщик, тяжеловоз — все космическое, инопланетное, пахнущее маслом и нагретым на солнце железом. Все только что с Автозавода. Залюбуешься! Саня даже рот приоткрыл.

— Падлы, — зло выплюнул Андрей.

Рябинин его понимал. При таком великолепии бригаду можно запросто укомплектовать одним контролером-водителем вместо четверых технологов-аварийщиков.

Потом полицейские зачем-то вызвали Сергея и принялись расспрашивать, не заметил ли он чего-либо «подозрительного». Рябинин чуть не расхохотался, но вовремя сумел сделать «морду кирпичом».

— Подозрительно много полицейских находилось на Роудленте, — с неожиданной для себя дерзостью ответил он.

Рослый хмурый полицейский — судя по всему, главный в паре — посмотрел на него даже испуганно. Рябинин ответил наивным, почти дурковатым взглядом. Полицейский, вздохнув, отвел глаза и махнул рукой: можете идти.

— Леонард Денисович, — обратился к рослому второй полицейский, неприметный шатен, — я закончил опрашивать остальных. Протоколы загружены. Может, поедем?

Допрос закончился. Полицейские убыли.

Вожев предложил Рябинину пообедать вместе с бригадой, и все отправились в забегаловку автоматического обслуживания.

Старик Анисимов сегодня опять был на подъеме («Что он курит?» — задался вопросом Сергей) и травил байки, рассказывая о водительских подвигах своей «старухи». Вожев, обычно молчаливый, тут не выдержал, взвился:

— Ты, Петр, со своей женой достал уже!

Петр нисколько не обиделся:

— Да о моей бабе хоть роман пиши. Вот как-то, лет тридцать назад, звонит мне со двора, от парковок. С работы приехала, значит. Верещит: «Петечка, еле доехала! В бачок-омыватель жидкости налила, а стекло грязнится и грязнится!» Что такое? Выхожу. А моя слабоумная — как ее еще назвать? — залила, оказывается, в бачок — что бы вы думали? Масло!

Саня прыснул, обрызгав свою желтую робу бульоном.

— Во дает! — фыркнул Антоха.

Сергей, не удержавшись, улыбнулся во весь рот.

— Я ей, конечно, выдал, — продолжал Петр. — Идиотка, говорю, ты угробила машину! Моя — в крик, в слезы. Перепутала, орет, ошибиться любой человек может. Ладно, простил. Поехал с ней в мойку. Там нам бачок из шланга промыли, копейки лишней не взяли, помимо того, что я за мытье машины заплатил. Как-то, знаете, целиком машину вымыть захотелось. Отмыть от бабьей дурости!

Парни смеялись, на какое-то время забыв о своих неприятностях. У Сани даже слезы выступили на глазах.

— Жестокий ты человек, Петр, — заметил Андрей. — Надо поласковой с *меньшими*.

Так лет десять назад «сексисты» называли женщин. Сегодня, если кто-то позволит себе отпустить подобную шуточку, он заплатит крупный штраф. Однако в компаниях *своих* мужики «позволяли», и Сергей в том числе (не без удовольствия, заметим).

— Что дальше? — поторапливал рассказчика Саня.

— Проходит три дня. Я еще на работе. Моя звонит. «Петя, — орет, — я в машине ноги промочила! Чувствую — мокро. Посмотрела вниз, а коврика-то и нет!..» Забыли, значит, коврик вернуть в машину после мойки, — пояснил Петр.

— И твоя только через три дня заметила? — Саня загоготал.

— Удивительно, что вообще обратила на это внимание. Поехал я с ней в сервис...

— А ты туда зачем потащился? — спросил Андрей.

— Ну, она стеснялась. Упросила меня сходить, забрать злополучный коврик. Захожу. Говорю диспетчеру: «Мы тут три дня назад мылись и забыли водительский коврик». Диспетчер звонит в моечный цех. Через полторы минуты выбегают два парня и девушка, выносят коврик. «Ой, это вы! — говорят разочарованно. — А мы хотели посмотреть на женщину, которая залила масло в бачок-омыватель».

— Ну, вывел бы ее к зрителям — пусть бы раскланялась, — заметил Сергей.

Старик Анисимов был ему зверски симпатичен: так точно и метко обрисовать сущность бабью!

Отсмеявшись, техники, кроме Петра, как-то незаметно помрачнели вновь. Сергей понимал: радоваться-то нечему. Он доел свой ланч. Саня отошел в уборную почистить забрызганную робу. Петр с подносом стоял к автомату за кофе. Андрей ковырялся в волнофоне; сбоку Сергей видел, что у него открыта стартовая страница официального сайта Сафари с незаполненной тестовой формой.

— Третий день мурыжу, — пожаловался Андрей. — Пока дошел только до раздела диагностики пространственно-временной ориентации...

Тут долетел сигнал от начальника техотдела. Вожев закрыл форму, выматерился и ответил шефу.

— Да, Евгеньич! Технику приняли, все отлично. Мы на обеде... Что? Послезавтра дежуришь? А что сразу я?.. У меня перенос выходного с сегодня на послезавтра...

Послезавтра — это пятница, подумал Рябинин. День водителя обычно проводится по пятницам. Значит, через два дня он состоится. Зачем еще вызывать на дежурство бригаду аварийщиков, отнимая у ребят выходные?

Настя... Сергей почувствовал легкое головокружение и шум в ушах; такое бывало с ним давно, в дополисной жизни, когда он мальчиком находил на морском берегу большую раковину, перламутровую изнутри и шероховатую снаружи, прикладывая к уху и жадно слушал голос океана. Теперь в ушах шумит, стоит ему понервничать. Пора заняться здоровьем, подумал Рябинин.

Но как тут не переживать, когда у Насти через два дня — Экзамен? Водительский день — это ее день...

— Да понял я, — обреченно отбрыкивался Андрей. — И про губернатора, и про постановление... Аварийщики на «Дне дурака» — куда без них! Понял, Евгеньич. Молчу, болван...

Сергей подумал: страховые случаи послезавтра будут рассматриваться без него. Родители выпускников освобождаются от работы в День водителя. Это — традиция, которая поддерживается законом. Так что пусть Алла утонет, потонет под грузом заявок...

В приступе торжествующего злорадства он пообещал себе, что завтра сделает по минимуму, основной вал работы оставит разгрести Алле Юрьевне.

Что касается Андрюхи, то никуда он не денется. Усиленный режим, ахтунг всем службам. На Экзамен вызывают только опытные орденоносные бригады. Такие, как вожевская. И руководить аварийщиками должен надежный, проверенный старшой. Вроде Андрея.

— Ладно, Евгеньич, что с тобой делать... День дурака так день дурака...

Андрюха досадно быстро сдал свои позиции. Рябинину стало даже обидно за него...

А может, за себя?

Андреем хотя бы не баба командует.

Сергею захотелось выпить. Скорей бы закончился рабочий день...

Вожев завершил разговор, сообщил и так уже известную Сергею новость: День водителя состоится через два дня. Ему, Вожеву, в пятницу придется пахать. Шеф пообещал два выходных вместо одного плюс премию.

— Премия вместо увольнения — это хорошо. Средний срок регистрации в службе Сафари — до полугода. За это время поднакоплю... Евгеньич сказал: «Обрадуй ребят». Да, ребята спляшут от радости! Саня вообще в пятницу пораньше свалить хотел...

На обратном пути, когда «фаворит» Рябинина полз по Роудленте, Сергею вдруг стало жарко. Он почти моментально взмок. Такое иногда случалось в последнее время в дороге. Он не придавал этому значения, только думал: придется отладить систему кондиционирования.

Но на этот раз все было иначе. У него заколотилось сердце, потемнело в глазах. Грудину сдавило так, что Сергей выдохнул и не сумел вдохнуть. Он почувствовал удивление — сильный страх пока не пришел, вдохнул воздух с усилием, с хрипом, сглотнул... И тут же мелкая дрожь, начинаясь от кончиков пальцев, захватила все его тело.

И накатил страх.

Посреди дороги, в пробке, далеко от дочери, для которой послезавтра наступит главный день в жизни, — неужели он умрет от инфаркта?

И тут же понял — словно кто-то шепнул ему в ухо: это не инфаркт.

Паника.

На дисплее висела иконка панического чата — ненужный, дурацкий значок; он пытался даже удалить его на последней автопрофилактике, но мастера отказались, сославшись на закон. Сергей машинально ткнул в иконку...

Паническая атака — у него? Он не только жертва, victim, но еще и *паникер*?

В чате кто-то судорожно плакал и невнятно бормотал, а кто-то другой бодрым фальшивым голосом убеждал плачущего, что тот «не одинок», называя всех присоединившихся «братьями и сестрами». Послушав какое-то время, стараясь дышать часто и мелко (он усвоил это на курсе по ОБЖ автомобилистов), Сергей отключился от чата.

Все прошло само по себе. Только лоб и ладони были мокры да тревожно, гулко билось сердце. Нет уж, он не паникер! Доберется до дома, выпьет, расслабится. И никому не расскажет о случившемся.

Дома ему больше всего на свете хотелось завернуться в теплое одеяло и уснуть до утра, но он решил дожидаться дочери. Сергей устроился в высоком кресле перед

стойкой домашнего бара, включил массажер-грелку для ног, налил себе порцию портвейна, и кресло принялось его укачивать, как заботливая няня — младенца.

Как странно находиться в большой квартире одному. Сергей долго привыкал к вечерним отсутствиям дочери. А ведь когда-нибудь придется привыкнуть и к тому, что она уйдет навсегда и он останется один...

Сергей смутно помнил, как выглядела жизнь до Гуманистической эпохи. Он начал водить автомобиль, когда вышел закон о надзоре за водителями. Там было все: отчеты о поездках, прослушка, чипирование, контроль скоростного режима с дистанционной блокировкой. Появились временные разграничения, предписания: кто, когда и куда может поехать. Только что построили Роудленту — в том виде, в котором она существует сегодня. Роудлента незатейливо напоминала людям о том, что в *их мире* неистребимо классовое неравенство.

Водителей, нарушивших новые правила дорожного движения, строго наказывали: штрафовали на суммы, вдвое превышающие месячный доход, лишали водительских прав на длительные сроки, а порой и пожизненно.

Отправляться в поездки без открытого на дисплее персонального аккаунта и без виртуальной идентификации личности отныне было запрещено, как и пользоваться чужой машиной; автотранспорт супруга или родителя тоже попадал в эту категорию. Исключения составляли каршеринговые авто, при аренде которых также требовалась авторизация.

Запретили поездки без навигатора, противопожарной сигнализации и камеры слежения за водителем. «Записи этих камер никогда и никем не просматриваются, — уверял с телеэкрана глава пресс-центра дорожной полиции. — Ни-ког-да! Это только на случай угонов и прочих ЧП».

Институты внешнего шпионажа за последующие двадцать лет подняли благосостояние Полиса на достаточно высокий уровень. У каждого, кто имел водительское удостоверение, была возможность купить отечественную машину новейшего образца; жилищных проблем как таковых в центре и на периферии Полиса практически не возникало.

И как неизбежно случается в утопическом мире, где никому не приходится бороться за выживание, да и сама борьба не имеет смысла, вспыхнули беспорядки и волнения. Позже их назовут «колесными бунтами».

Водители митинговали, требуя ослабить контроль, разрешить свободные перемещения и признать водительское право на приватность. Старики, заставшие идиллические времена, когда можно было тискать в машине любовницу, а потом, отвезя ее домой и наскоро почистив салон, на крыльях любви мчаться к жене, кляли «антигуманный режим». Молодежь требовала, помимо возвращения прав личности, увеличить разрешенную скорость (тогда еще существовала скорость!) и допустить употребление водителями безалкогольных энергетиков и *веществ* «в разумных пределах». Были и те, кто заявлял о необходимости отказа от автотранспорта вообще и видел в Роудленте «воплощение зла», железобетонного монстра... Для этих, последних, за отсутствием смертной казни предусматривалась *трансмиссия* (иначе говоря — лоботомия).

Полиция разгоняла митинги, поливая толпу из брандспойтов. Бодрящая холодная вода содержала транквилизирующее вещество. Толпа становилась вялой, теряла мотивацию и задор — и люди расползались по домам. Митингующих, не успевших за двадцать минут убраться восвояси, грузили в автозаки и развозили по участкам, чтобы выписать штрафы.

Потом «колесные бунты» прекратились. Новое поколение водителей не видело ничего плохого в контроле скорости (дороги и трассы встали, так что само понятие

«скорость» утратило смысл), и им было привычно постоянно находиться под прицелом глазков мини-камер. Зато разгорелась настоящая война между водителями и велосипедистами.

Сергей не был наивен. Он анализировал происходящее и видел: без чьей-то направляющей руки эта война бы не началась. Кому-то она была выгодна. А кто больше других заинтересован в том, чтобы конфликты из взрывоопасной плоскости «граждане — власть» перешли в хорошо управляемую плоскость «граждане — граждане»?

Разумеется, власть.

Да, внешне все выглядело как проявления естественного прогресса и воспринималось как некогда противоборство сторонников полной цифровизации и архаичных последователей бумажного книгопечатания. Как тупая вражда ваксеров и антипрививочников. Как виртуальные бои приверженцев всеобщей электронной кодировки и защитников пресловутых «приватности, частных прав и свобод граждан».

Водители возмущались, что велосипедисты с агрессивным упрямством цепляются за свои «примитивные железяки», и пытались изгнать «педальных лохов» с проезжей части улиц. Велосипедисты заявляли, что водители загрязняют окружающую среду и обрекают себя и своих детей на раннюю старость и болезни: остеохондроз из-за постоянного обездвижения, инсульт из-за недостаточного снабжения головного мозга кислородом.

Одна из отличительных черт прогресса заключается в том, что все играет ему «на руку». Все, даже кажущееся случайным. Примерно в одно и то же время в двух разных мегарайонах Полиса произошли две трагедии. Первая: в парке велосипедист сбил ребенка, гулявшего с бабушкой. И вторая: велосипедист, проезжавший через нерегулируемый пешеходный переход, был сбит легковым автомобилем.

В результате двух судов, проходивших одновременно и отслеживаемых сотнями тысяч граждан в онлайн-режиме, были наказаны: в первом случае — велосипедист, во втором — водитель.

И началось! «Велосипедисты представляют серьезную угрозу: они убивают наших детей на детских площадках! Мало того, из-за их разгильдяйства и неуважения к правилам дорожного движения страдают ни в чем не повинные водители!»

Водители стали нападать на велосипедистов в проходных дворах, на периферических вечерних трассах, на задворках жилых кварталов. Правоохранители делали вид, что ничего не происходит. Нападающих почти всегда было несколько, они были вооружены арматурой или предметами бытового инвентаря и никаких корыстных целей, вроде грабежа, не преследовали. Всякий раз — одно и то же: избивание человека и порча велосипеда. В правоохранительных органах повисли «глухари»; это было нетипично и вызывало панику среди граждан.

Тогда было решено прикрывать аккаунты «паникеров». Подобное наказание за «общественную неблагонадежность» для многих приравнивалось к социальной смерти.

Тысячи автомобилистов высыпали на митинги. То были последние крупные массовые волнения. После этого власть категорически, под страхом трансмиссии, запретила любые митинги, пообещав, однако, разобраться в ситуации и решить проблему раз и навсегда.

И проблема с велосипедистами была решена — единым росчерком пера, на законодательном уровне. Наиболее осторожные и разумные говорили, правда, что торопиться не стоит: велосипедистов все равно постепенно вытесняют самокатчики. Их транспортные средства более компактны, легки, не так вызывающи, и вообще они необходимы. Ими, в отличие от велосипедов, как раз и пользуются сами водители:

самокаты нужны им, чтобы догонять свои машины, транспортируемые парковщиками к Роудленте. Не нужно драконовских мер, наказаний и запретов...

Как всегда, разумных не послушали.

Велосипедисты были изгнаны из городской части Полиса, закольцованной Роудлентой. На периферии, в сельской местности они основали велогородки. И обжились, и работают там. Мало ли предложений для фрилансеров? А сельское хозяйство? А творческая и научная сферы, все эти многопрофильные дизайнеры, креативщики, технические писатели, коучи, ученые-изобретатели, выигравшие тендеры на домашние лаборатории. И наконец, где должны обитать инвалиды и пенсионеры?

Но в самой сердцевине угнетенного велообщества тлеют угли негодования и злобы, копят силы для нового бунта. Все это понимают. Однако до поры до времени ничего с этим не сделать.

А вот дети велосипедистов — уже представители Гуманистической эпохи, люди новой формации. Они чаще всего покидают велогородки, как только получают водительские права. И это правильно, хоть и грустно. Ретроград родитель не должен ломать жизнь молодого перспективного человека...

Автомобильная пробка уходила в бесконечность. Над Роудлентой висел густой смог. Сергей сидел в своей машине, на одном и том же месте, уже два часа. И все это время ничего не происходило.

От нечего делать открыл паникерский чат, но в эфире шли помехи. Среди шума прорывались какая-то старая песенка и обрывки дискуссии. Сергей узнал голос Копыльцова и поморщился: и здесь этот клоун...

Ничего из того, о чем он думал в последнее время, чем была загружена его больная голова — бабы-вредительницы, Настин Экзамен, выплаты ущерба владельцам затопленных машин, — больше не существовало. Единственной реальностью была Пробка.

Ему казалось, что он целую вечность уже находится здесь...

И вдруг его выбросило напрямиком к офисному зданию, где размещалась страховая компания «Автопитера». На крыльце стояла улыбающаяся Алла с электронной сигаретой. Он подъехал, опустил стекло.

«Молодец, вовремя прибыл: успеешь отметить!»

Алла наклонилась к его водителскому окну и протянула планшет.

Он ткнул в графу: «Явка на службу».

«Мы с тобой сегодня единственные добрались, — сообщила Алла, забирая планшет. — Если через полчаса никто не появится, можно закрывать контору... Пообедать хочешь?»

Рябинин машинально кивнул. В руках Аллы появились сэндвич и экопластиковый стаканчик с кофе.

Сэндвич на вкус был как вата. Он глотнул кофе и даже не ощутил.

«Парковаться тебе смысла не имеет, — сказала Алла. — А ведь к нашему офисному зданию только-только пристроили новую высотку! Зачем, спрашивается? Лучше бы отдали деньги горожанам...»

С кривой улыбкой она махнула рукой в сторону высотной парковки, уходившей в небеса...

Сергей отъехал от здания. Алла, улыбаясь, стояла у входа и махала ему рукой. На выезде у шлагбаума он прицельно метнул в мусорный экобак стаканчик. Бак довольно заурчал...

И это было безнадежной явью, и он знал, что по всему городу стоят, замерев, печи, станки, станции техобслуживания, теплоэлектроцентрали, вокзалы, медицинские смо-

тровые кабинеты. Люди прибывали на службу, чтобы отметить, и следующие полдня возвращались домой...

Он въехал-вполз на Роудленту.

Роудлента по-прежнему стояла в оба конца. Люди в машинах терпеливо ждали. Каждый надеялся поспеть домой до блокировки скоростного режима.

Хлопнула дверь, и Сергей, подпрыгнув в самоукачивающем кресле, резко проснулся. В висках стучало, его знобило. И не верилось, что то тяжкое, гнетущее было всего лишь сном...

— Папа, у меня в пятницу Экзамен! — крикнула Настя из коридора.

Что-то грохнуло и, срикошетив о стену, приземлилось уже окончательно, судя по звону, на резном винтажном столике.

Сергей все хотел спросить у Насти: как ей удается так снимать ботинки, чтобы они летали по всей прихожей? И каждый раз забывал.

Дочь появилась в дверях без тапок (пол с подогревом), бесшумная, грациозная, будто резкость и угловатость сбросила с обувью. Сергей залюбовался дочерью.

— Папа, ты слышал? День водителя и Экзамен поставили на пятницу! Послезавтра! Ты обязательно должен приехать. Я хочу знать, что ты едешь за мной. В такой день, пап!

Он вновь почувствовал боль в виске, прижал его пальцем, будто приставил к голове ствол. Господи, пусть у Насти все будет хорошо.

— Лапуля, я уже знаю про Экзамен. Ребята на работе обсуждали. Конечно, я буду рядом с тобой.

Настя подошла, обняла его. Сергей похлопал дочь по спине и легонько отстранил.

— Да, кстати, — вспомнил он о брошюре, брошенной при входе на журнальный столик, на котором сейчас валялась Настина обувь. — У меня для тебя сюрприз!

— Вау! — завопила Настя, увидев автограф. — Пап, ну ты крутой!

Сергей устало улыбнулся. Пусть автограф этого чудака вдохновляет дочь. Лишь бы у нее все получилось!

Crash

Лина никогда не была метеозависимой, но прошедшим вечером она чувствовала себя совершенно разбитой. При этом спать не хотелось. Лина полежала без сна, потом открыла подборку старых фильмов (Денис накачал в ее гаджет больше сотни таких), выбрала молодежный ужастик и стала смотреть.

Компания друзей — Супермен, Красотка, Жертва, Недотепа-Девственница и Шут — отправилась на каникулы в уединенный домик в горах.

Плавно покачивая, Лину увлекли невидимые волны...

Лина и Ленька ехали в электробусе. Они были единственными его пассажирами. Черный силуэт водителя маячил впереди.

Лина смотрела в окно. На дороге то тут, то там попадались черепахи. Она сразу узнала этих неповоротливых существ, которых видела на картинках в книжках или школьных учебниках по «Основам знаний об окружающем мире» (и ни разу — вживую). Смешные, медлительные, неповоротливые, они медленно и, казалось, бесцельно ползали по бетонке, однако постепенно приближались к электробусу, хотя их траектории первоначально уводили в сторону от него. Вскоре Лина заметила, что у перемещения черепах есть четкий график. Они *знают*, куда движутся.

«Смотри, — Лина обратилась к Леньке, — черепахи приближаются к нам...»

«Ты не замечаешь за ними ничего странного?» — вдруг спросил ее брат.

Только сейчас Лина рассмотрела, что панцири и вправду необычной формы.

«Что это за... пирамида? Что за странная порода черепах? Черепахи-верблюды?»

Ей, как и наяву, казалось, что, если она еще способна шутить, ничего страшного не происходит.

«Это не порода, Крашуня, — отрывисто (испуганно?) отвечал Ленька. — Это не горбы, а взвешенная взрывчатка».

«Нас хотя убить? Кто? Зачем?»

Теперь ее захлестнула волна липкого страха. Все было как наяву. Такой отчетливый, локализованный страх не может присниться: во сне ужас иррационален. В тот момент, когда Лина в деталях представила их с Ленькой смерть, ей стало ясно: это не может быть сном.

«Это убийцы нашего отца. Они нашли нас...»

Лина повернулась в сторону водительской кабины. Водитель, съезжившись, втянув голову в плечи, старательно объезжал черепах-камикадзе. Дорога сужалась и наконец закончилась: ее преградил блокпост с автоматчиками.

Водитель открыл переднюю дверь. Один из автоматчиков, с лицом, закрытым черной маской, вошел в салон.

«Что происходит? Я тоже полицейский...» — обратился к автоматчику Ленька.

Лина физически почувствовала, как внутри брата разрастается паника. Мелкая дрожь распространяется по его телу, начиная со ступней, лодыжек, голеней... поднимаясь к солнечному сплетению...

Автоматчик посмотрел на Леньку, потом медленно перевел светлые и выпуклые, как у рыбы, глаза на Лину.

«Саперы обезвреживают черепах», — объяснил автоматчик.

И добавил, сплюнув на пол из-под маски, неплотно охватывающей нижнюю часть лица:

«Нельзя туда...»

Издали донеслись звуки коротких взрывов. Автоматчик мгновенно выпрыгнул из электробуса и устремился в ту сторону, где повисло густое серое облако, откуда слышались крики. Как только он скрылся, водитель тут же попытался развернуть электробус, но тот застрял посреди дороги.

Лина и не заметила, как дорога успела так сузиться: прежде здесь была нормальная четырехполоска со встречкой, теперь же электробус преграждал одноколеску с односторонним движением. Непонятно, почему водителю вздумалось разворачиваться в таком узком месте — ведь можно было попросту сдать назад...

Водитель повернул к Лине белое искаженное лицо. Это был Денис.

Лина быстро отвела глаза. К электробусу со всех сторон устремились черепахи. Она снова посмотрела на водителя. «Что нам делать?» Водитель-Денис кивнул на пассажирскую дверь, которая так и оставалась открытой, и буркнул: «Валите же! Ну?»

Лина выскочила из автобуса, не взглянув больше в сторону Дениса. Она слышала, как за ее спиной тяжело, грузно спрыгнул с подножки брат. Они бежали в противоположную от блокпоста сторону. Бежали прочь от нависавшей над Полисом Роудлен-ты. Мчались туда, где просматривалась лесополоса, где дороги как таковой не было — только поле, заросшее пожухлой травой...

Лина проснулась. Ужастик закончился, экран погас. В спальне было темно и тихо.

Она включила антикварный торшер, посмотрела на циферблат старинных бабушкиных часов. Пора было вставать, собираться к заказчику с авторскими эскизами по оформлению веранды.

Но почти на пороге ее тормознули полицейские, явившиеся без предупреждения. Оказалось, проводится расследование причин затопления подземных парковок.

Бред сивой кобылы! И так всем ясно, что никаких других причин, кроме двухдневного ливня, нет. Но стандартная процедура полицейских расследований, связанных с любыми повреждениями автомобилей (святая святых), побуждала стражей порядка землю рыть. Наверное, если кто-то раскроет заговор, ему дадут орден.

Всякий раз, когда Лина думала о подобных установках правоохранительной системы, она задавала себе вопрос: почему тогда вредители экологии до сих пор не изолированы от общества? Однажды она задала этот вопрос Леньке, и тот поразил ее ответом: для того, чтобы существовало и развивалось утопическое общество (а у них именно такое общество), должна существовать свободная симпатичная (а главное, неопасная) оппозиция. «Косматый шут из Мегатуба симпатичен молодежи, — объяснил Ленька. — А за молодежью, как ни крути, будущее. Ребятам хочется острых ощущений, сенсаций. Поэтому чем скандальнее политик, тем больше он получит поддержки автостудентов, молодых спортсменов, курьеров и парковщиков. Вот его и терпят. И даже, не секрет, поддерживают на государственном уровне. Правда, из партии выгнали, говорят».

Брат у нее умный, даром что мент. И увлеченный. Позавчера, например, он волнировал ей дважды за день, а такое происходит довольно редко. Ленька, всегда говорящий четко и отдельно, чуть не захлебывался, рассказывая новость:

— Крашуня, ты спрашивала про нарушителей. Так вот, выискался вчера один! Из-за него авария на Роудленте произошла.

— Авария? В понедельник? Леня, я видела над Роудлентой черный дым!

— Вот этот нарушитель и послужил причиной аварии. Мы уже всю работу со «щипачом». Я тебе в пятницу расскажу. Главное, наша штука, отечественная! В нашем Полисе задумана и собрана... Девочка-вундеркинд теперь приглашение в правительство получит! В Академию внешнего шпионажа при президенте, не меньше. Спорить готов.

Лина слушала брата, переспрашивала, комментировала — и в очередной раз удивлялась, почему Ленька не стал изобретателем, как их родители-химики...

Помимо рассказа об аварии, Ленька опять заводил разговор о ее замужестве. Гипотетическом. У брата была навязчивая идея: выдать сестру замуж. Узнав о «перспективном клиенте» — том самом, с которым она торопилась на встречу, — брат сразу принялся стоить прогнозы и делать предположения. А что если?.. А вдруг заказчик к ней равнодушен, а веранда — только повод?

Лина хохотала, когда слышала подобные разговоры. «Если бы ты его увидел, Ленька, вопросы бы отпали, — говорила она. — Твоя Крашуня достойна лучшей участи!» — «Ну, это надо обмозговать, — возражал брат, а ей было непонятно: что тут еще „обмозговывать“? — Денис для тебя был — лох. А этот чем плох?» — «Он толстый и старый, — отмахивалась Лина. — Я даже представлять не хочу, как этот центнер с одышкой на меня забирается!»

Теперь уже смеялся брат. «Ладно, — соглашался он. — Убедила. Встретимся на Валькином дне рождения и обсудим, что нам с тобой делать. У меня, кстати, напарник холостой. И не толстяк! Правда, лысеть уже начал. Но ты ведь — дизайнер, смастеришь ему парик из своих роскошных волос...»

После того как полицейские покинули квартиру, Лина пулей вылетела за дверь. Она выезжала со двора на самокате, мысленно прикидывая, где сейчас находится ее парковщик с машиной.

Мимо двигалась группа «Динамистов седьмого дня»: черные плащи с капюшонами, символы в виде кольца Мёбиуса на спинах. Лина чуть было не засмеялась им вслед, вспомнив недавний конфуз, о котором растрезвонили городские блогеры. «Динамисты» подкараулили клоуна-эколога перед правительственным зданием, где проходила в виде круглого стола встреча губернатора с оппозиционерами, и закидали его нечистотами.

Среди «динамистов», как это ни странно, превалируют пожилые консерваторы. А в старину, по словам того же брата Леньки, неформальные группировки в основном состояли из молодежи. Брат и в этом подкован: проштудировал целую энциклопедию, когда изучал криминалистику и криминологию. Молодые ребята носили тяжелые цепи, гребни из собственных волос и даже рога: ввинчивали инородные элементы в собственные черепа! Они наносили себе татуировки, шрамы и прочие увечья. Правда, против чего протестовали неформалы, чему или кому они поклонялись, даже брат понять не сумел. С «динамистами» хотя бы все ясно.

Лина добиралась до Центра, открытого только для самокатчиков и пешеходов, больше двух часов. Последние полчаса — на самокате. В здание она влетела, запыхавшись.

Заказчик ждал в зале для VIP-клиентов, сидя вполоборота ко входной двери и постукивая ногой в такт музыкальной заставке, предваряющей очередную онлайн-дискуссию, начинавшуюся по одному из центральных каналов телевидения. На интерактивной стене вращался символ Роудленты, бежали титры; как только вращение прекратилось, появилось изображение просторной студии, где за столом сидели ведущий и шут-эколог. Начинался прямой эфир.

Лина мысленно выругалась, но тут же состроила профессиональное приветливо-оживленное лицо.

Заказчик был полный, даже тучный, но когда он при ее появлении встал и поклонился, Лина отметила, что движения его вполне грациозны. Не выразив неудовольствия по поводу ее опоздания, заказчик галантно отодвинул для нее кресло и тут же вновь уселся и устался в стену. Лина поблагодарила и плюхнулась напротив.

— Кофе? Чай? — не дожидаясь ответа и не отрывая взгляда от интерактивного экрана, заказчик щелкнул пальцами, подзывая официанта. — Кстати, вы обедали?

— Да, я пообедала, спасибо. Мне — ванильный капучино.

Между тем ведущий, лысый мужик в пестрой ретроблузе с распахнутым воротом, затараторил бодро, нагло и без запинки:

— Сегодня у нас в гостях кандидат в губернаторы Назар Тимофеевич Копыльцов — известный вам представитель партии так называемых «экологов-пессимистов»... Простите, бывший член партии. Вы ведь не состоите в ней больше, Назар?

— Я действительно вышел из партии экологов, что, впрочем, не говорит о каких-либо существенных разногласиях между мной и партийной верхушкой. И вам как профессиональному журналисту должно быть известно, что я теперь являюсь создателем и руководителем другой партии...

Гость программы выглядел слегка неопрятно: нечесаная кудрявая грива, мятая толстовка вместо приличного студийного костюма. Однако Лина подумала, что голос у него приятный, мягкий и бархатистый. И говорить он умеет — этого не отнять.

Шут-эколог напоминал ей... Дениса. Она никогда раньше не замечала, что между ними есть некоторое сходство.

Лина впервые подумала: внешне «клоун» довольно привлекателен. Денис был такой же: простоватый, но симпатичный и всегда взъерошенный, как будто расчесывался исключительно пятерней, а не электрощеткой.

Лине стало грустно. «Женщина-катастрофа»... Это точно про нее! Осталась одна, и пенять не на кого.

Она покосилась на мужчину, сидевшего напротив. Платежеспособный заинтересованный заказчик. Нельзя открытым текстом сказать ему, чтобы выключил программу.

Перед столиком выросла девица с зелеными волосами и в кедах, в форменном фартучке бара «Елкин-палкин».

— Два ванильных капучино, — велел заказчик. — Принесите сразу, до основного заказа. Затем — два стейка из лосося с вашим фирменным зеленым соусом...

— Я же сказала: я поела дома, — возразила Лина.

Однако, перехватив взгляд выпуклых глаз заказчика, она поняла, что лучше с ним не спорить.

— Тогда мне фруктовый салат, пожалуйста.

— Два супа-пюре — тыквенный и из шпината и брокколи, — не слушая ее, тем временем говорил заказчик. — Вы пробовали здешний тыквенный суп? — Лина помотала головой. — Я как-то больше сторонник шпината... Или вы предпочитаете грибной?

— У нас замечательный грибной крем-суп, — промурлыкала девица.

— Отлично! Один — грибной, один — из шпината и брокколи. Два стейка... Да! И фруктовый салат.

Официантка кивнула и бесшумно удалилась.

Тем временем двое на экране вели свой диалог.

В.: ...Можно я дословно вас процитирую? Вот, из заявления, сделанного для наших слушателей в прошлое воскресенье. «Нарастание частоты и амплитуды панических атак у водителей связано не с геомагнитными либо космическими аномалиями, а с засильем автотранспорта на Роудленте и на дорогах Полиса. Если общество насквозь поражено неврозом, то что можно сказать об отдельных его гражданах?» Это ваши слова, Назар?

К.: Да! И я готов отстаивать свою позицию. И меня поддерживают авторитетные российские психиатры. Зачитать вам список специалистов?

В.: Полагаю, в этом нет необходимости.

К.: Вы действительно считаете, что нет необходимости в привлечении экспертов для оценки степени серьезности сложившейся кризисной ситуации?

В.: Я считаю, что нет необходимости запугивать наших слушателей психиатрами. Да, многие водители сегодня испытывают чувство паники. Я сам, если хотите знать, зарегистрированный паникер. Ну и что? Те же психиатры считают панику неприятным, однако практически безвредным явлением. Водитель, сидящий в своей машине, помещенной в плотный поток других машин, не несет никакой угрозы окружающим и не подвергается опасности сам. Он получает квалифицированную помощь в чате...

К.: Простите, не знал, что вы — паникер. Я ни в коем случае не хотел вас обидеть. Я сам работаю анонимным модератором в паническом чате. Кстати, распространяемые по всем каналам слухи о том, что затопление придомовых парковок в районе Комендантского аэродрома, произошедшее, по мнению любого здравого человека, из-за ливня и устаревшей канализационной системы, вызвано диверсией — разве эти слухи не усиливают панику у горожан? В последние дни панические чаты перегружены. Такого я попросту не помню!

В.: Вот насчет «слухов» я бы с вами поспорил! Как нам сообщили, «слухи» о диверсии — никакие не слухи, а вполне официальная информация Аналитического управления Администрации Полиса...

К.: Но ведь эта «официальная информация» включила механизм заражения паникой! Получается, обнародование этой информации вредно для граждан? На мой взгляд, вы сами себе противоречите, уважаемый... Извините тысячу раз.

В. (со смехом): Ох и непрост этот орешек — господин Копыльцов, уважаемые слушатели и участники дискуссии! Мне-то он уже не по зубам. Теперь осталось выяснить, способны ли вы разгрызть этот... э-э... вывести на чистую воду этого кандидата в губернаторы. Продолжайте, уважаемый Назар, я вам не мешаю.

К.: Спасибо. Так вот, я считаю психологический комфорт и чувство безопасности неотъемлемыми правами граждан Полиса. И меня удивляет, почему сами граждане не стремятся к комфорту и безопасности. Ведь состояние, в котором сейчас находится Полис, безусловно, можно назвать критическим. Надо сказать, мы долго к этому шли. Еще лет тридцать назад можно было без труда остановить прогрессирование (*пауза, подыскивает слова*) автомании и автоистерии. Всего-то требовалось установить светофоры на каждом перекрестке: умелое разграничение периодов интенсивного движения помогло бы избежать пробок, скоплений машин в наиболее загруженных узлах и дорожных развязках... Я уже не говорю о том, что законопослушные пешеходы становились жертвами лихачей-водителей из-за отсутствия на перекрестках светофоров и «лежачих полицейских». И это еще в докризисную эпоху. Еще до наступления тотальной изоляции...

Заказчик поморщился, мотнул головой и что-то буркнул себе под нос. Воспользовавшись тем, что он отвел глаза от интерактивного экрана, Лина выложила на стол эскизы. Заказчик придвинул к себе пленки, взял первую и принялся рассматривать на просвет.

— Может, попросим официантку вывести изображение на большой экран? — предложила Лина. — Вам будет удобнее. И чтобы сложилось полное представление, лучше увидеть трехмерную движущуюся картинку.

Ее не особо волновали удобства заказчика, но атмосфера дискуссии раздражала все больше и больше.

Заказчик поднял глаза и медленно сфокусировался на Линином лице. Затем кивнул:

— Пожалуй, вы правы.

Он поднял руку, подзывая официантку.

Как только на номер Лины пришел пароль, она подключилась к сети и предоставила системе доступ к своему облачному хранилищу. Вместо дискуссии на экране появились эскизы.

Лина откинулась на спинку кресла и приготовилась к моральной атаке. Заказчик был явным *лоббером*, как называли таких субъектов в ее кругу. Он давил и продавливал. И всегда привык добиваться своего. Работать с подобным типом — сомнительное удовольствие.

Лина не ошиблась в оценке заказчика. Еще до того, как принесли кофе, он успел не только просмотреть все эскизы, но и забраковать их, и изложить ей краткий курс теории дизайна (Лина подумала, что в Художественной академии ее обучали иначе). Заказчик, по его словам, был «самородком», самостоятельно и на раз-два разобравшись в «ряде сфер жизнедеятельности» (Лину перекосило от последнего слова, но она волевым усилием превратила гримасу в улыбку). Разумеется, разбирался он и в ее работе.

«Нет, ты не лоббер — ты лобстер!» — мысленно съязвила Лина.

И правда, многое в заказчике наводило на мысли о гаде морском: прозрачные, чуть нависают глаза, жирное «плавающее» тельце, маленькие цепкие ручки, легкие движения, совершенно не коррелирующие с тучностью. Лина еле сдержала улыбку. Вот уж правда, женщина-катастрофа: если она сейчас с ним поругается, то лишится одного из лучших заказов в своей жизни.

— Я свою веранду видел во сне, — вкрадчиво говорил заказчик, — я представляю себе каждую деталь! Ну, как вы не можете понять, не хотите увидеть...

«...Мой сон», — чуть не ляпнула Лина в тон заказчику, однако, кашлянув, сделала серьезное лицо.

— Может, нам стоит... э-э... еще раз снять замеры? — брякнула она, понимая, что тянет время.

Однако заказчик на это купился.

— Отлично! — произнес он, и лицо его залоснилось, почти зарделось. — Я готов оплатить дополнительный выезд. В эту пятницу, после обеда.

— В пятницу? — Лина вспомнила о звонке брата, о дне рождения невестки и напряглась. — В котором часу?

— В четырнадцать тридцать вас устроит?

Лина прикинула расстояние. Юго-запад мегарайона D, кварталы частных особняков отставного генералитета. Много высотных парковок, вытесняющих трех- и четырехэтажные домики, нависающих над ними. Там довольно уродливо, зелени давно не осталось, все карьеры и пруды засыпаны и застроены. Однако жить в этих кварталах по-прежнему считается престижным, и есть где поставить машину.

Она успеет прошвырнуться (вхолостую, потому что смысла в повторных замерах в действительности нет) домой к токсичному заказчику, потом прокатиться по Роудленте и съехать на Автозаводское шоссе. А оттуда по Старогородскому каналу до брата — каких-нибудь полтора часа.

— Договорились, — Лина кивнула.

Она была бы рада распрощаться с заказчиком и отправиться домой, «обдумывать конструктивные замечания», но тут принесли крем-суп.

Суп действительно оказался вкусным.

Clown

Назар проснулся пораньше, чтобы успеть в страховую компанию. «Умная заколка», настроенная на шесть ноль-ноль, почти неуловимыми импульсами активировала его мозг, разбудила мягко и органично. Он полежал еще с полминуты, улыбаясь своим мыслям.

Всякий раз при пробуждении Назар вспоминал, как тридцать лет назад, когда не было «умных заколок», отец его будил: стаскивал с дивана, орал, подносил к уху сыну устройство с играющей противной попсовой песенкой, поливал холодной водой...

Назар любил понежиться утром. Он был человеком незлобивым, отходчивым, инертным... В общем, увальнем. Так считали все в его кругу.

Умывшись и побрившись, причесав, не без помощи пенки, свою выдающуюся шевелюру и сварив себе кофе, Назар повесил на сайт «маячок». В ожидании свободного парковщика он хлопнул в ладоши, включил настенный экран, затем провел несколько раз по воздуху пальцами, перелистывая новостные страницы, отыскивая нужную.

Выборы... Назар влез в чат с предвыборными роликами и принялся читать комментарии избирателей.

«Лозовой — наш губернатор! Крепкий хозяйственник, настоящий градоначальник. И хватит нам тут воду мутить!»

«Мы, жители дома с затопленными парковками, требуем прекратить ангажированные нападки на кандидата Алтурмесова!»

«Я считаю здравым то, что предлагает Назар. Если вы не видите в беспросветных пробках симптомов надвигающегося кризиса, значит, вы не житель матушки-Земли, а так, сторонний наблюдатель...»

«Кудрявого — на принудительные работы! Хватит вещать ахинею!»

«Мы за Лозового, потому что хотим стабильности».

«Лоза — наш человек! Если он не сможет, то никто не сможет...»

«Слушайте, если и есть в списке кандидатов, как вы говорите, крепкий хозяйственник, то это Измаил. Если мы не примем меры, о которых он говорит, не поставим преграду ливням и не модернизируем системы оттока, то вместе с Полисом через каких-нибудь полвека уплывем в мировой океан, к чертям собачьим».

«Интересно, сколько процентов голосов наберет Копыльцов? Мой прогноз: два процента!»

«А еще говорили — не будут регистрировать независимых кандидатов... Но как же клоун Назарка выполз? Кто-нибудь знает?»

«Кудрявый шут, ты читаешь прогнозы? Тебе еще непонятно, что таким, как ты, в Гуманистическом обществе делать нечего?»

Назар засмеялся и отключил экран.

Он участвовал в выборах вовсе не независимым кандидатом — за его спиной стояла новая партия. Тот, кто этого не знает, очевидно, вовсе не следит за ходом предвыборных кампаний.

Хотя, скорее всего, это боты.

Он встал, накинул на плечи плед и вышел на лоджию.

По улице медленно ползли две санитарные фуры: разбрызгивали антисептик и терли асфальтовое покрытие. Высотки напротив стояли почти сплошной стеной. В узких простенках между ними — ни деревца, ни кустика. Только панельные гиганты с сотами-кельями.

Кельи... Подумав так, Назар тотчас же улыбнулся несуразному сравнению: в этих высотках живет не христианская, а мусульманская община. Когда в районе выстроили мечеть, в дни мусульманских праздников сюда съезжались правоверные со всего центрального Полиса. Жителям мегарайона А пришлось столкнуться с жестким автомобильным коллапсом. Парковать машины исламистам, прибывающим на молебны, было негде: выстроенной наспех гостевой парковочной высотки, разумеется, не хватало. И тогда выстроили огромный жилой комплекс для мусульман. После сдачи объектов городская мусульманская диаспора в короткие сроки была перемещена на новое место жительства.

Поначалу кое-кто наотрез отказывался переезжать сюда с окраин и пригородов Полиса. Кто-то, напротив, был рад получить новое комфортное жилье. Многие правоверные решили наконец проблему размещения своих многочисленных членов семейств. Так или иначе, «великое переселение» состоялось. В последние десятилетия никто не выказывает недовольства. Жить рядом со своим храмом — особая привилегия.

Назар потянулся, зевнул, вернулся в комнату. Там уже подавал назойливые признаки жизни волнофон.

Наум Лунц.

Назар улыбнулся, нажимая: «Ответить».

— Привет!

— Привет!

Лунц был деловит:

— Амиго, мне твой старик написал. Поговорил бы ты с ним, а? Жалуется, что два дня не отвечаешь.

— Ладно, — вздохнул Назар.

Еще не хватало, чтобы отец донимал его друзей и подруг.

— Я поговорю. Как ты?
— Готовлюсь к видеоконференции. Когда освободишься?
— Еду в страховую подавать документы. Если там без проволочек подтвердят, что я — жертва, то быстро освобожусь и в офисе буду около двенадцати.
— Тогда свяжемся в полпервого, хорошо? Еще раз все отточкуем. У нас будет около двух часов до твоего выезда на студию.
— Отлично. Юристы готовы?
— Да, уже на связи. Обсудим вместе с ними все нюансы. Подумаем, как обойти «подводные камни» на дискуссии.
— Понял, — отозвался Назар. — Постараюсь не задерживаться.
— Молодец. Ну, пока.
— Подожди...
— Ну что еще? — голос Наума прозвучал мягко.
Назар мешкал. Ему не хотелось отпускать друга.
— Ты действительно веришь, что все не напрасно?
— Старик, — Назар представил, как округлая физиономия Наума расплывается в улыбке. — Разумеется, верю! А ты разве сомневаешься?
— Нет... Конечно, нет. Ладно, до связи.
У Наума наверняка все получилось бы лучше.
Назар всегда так считал. И ничего не мог с этим поделать.
«Старик! — мотивировал его Наум. — Дурковатый кудрявый чувак во главе неадекватной группы бунтарей будет смотреться куда более органично. Сначала, разумеется, ты вызовешь отторжение, но потом станешь символом нашего дела. У тебя идеальная внешность для оппозиционера».
Уговорил. Назар уловил и невысказанное, но витавшее в воздухе: у Наума — семья, а у Назара — никого, кроме старикана отца, живущего отдельно. Лунц опасался за жену и малютку дочь. И этот аргумент в глазах друга перевешивал все прочие.
Друзья совместно выработывали «образ увлеченного недотепы», и этот образ «выстрелил». За год с небольшим Назар стал медийной личностью. Теперь можно было и действовать.
Наум оставался в тени, но его это не очень-то беспокоило. Связь партнеров была надежной и прочной, почти симбиотической, и успехи одного были успехами другого. В «совместном предприятии» иначе и быть не может.

Сразу после разговора с Наумом пришло оповещение: «Ваш автомобиль выведен в карман. Время выезда на проспект — до пятнадцати минут».

Как он пропустил первое сообщение? Его машина уже в пути! Назар поставил чашку в посудомоечную машину, щелчком выключил экран.

Сначала — встреча со страховым комиссаром, нервным колобком с явно неустроенной личной жизнью. Типичный консерватор и антиэколог. Однако наперекор своим принципам (у таких всегда «принципы») комиссар попросил у него автограф для дочери, якобы большой поклонницы Копыльцова. Назар подарил и подписал свою книжку незнакомой ему Насте.

Потом было совещание.

Назар отметил, что новые *соратники*, ребята из группы поддержки (велосипедисты, загородные жители), выглядят лучше, чем он сам, Наум и коллеги, которых он встречает каждый день. *Соратники* все как один были спокойны, остроумны и румяны. Он вспомнил увиденного поутру в зеркале ванной бледного всклокоченного призрака с запавшими глазами, обведенными черным...

Назар даже не успел выпить чашку кофе — схватил самокат и понесся на дискуссию. По счастью, студия находилась неподалеку, в соседнем квартале офисного района V.

Вечером, выжатый вконец, но собою довольный, Назар вернулся домой. Едва раздевшись, разувшись и отдышавшись, он набрал номер отца.

- Ну, явился — не запылится, — саркастически отозвался родной голос.
- Папа, привет. Наум мне передал, что ты беспокоишься. Я бы и сам проявился, но...
- Но, разумеется, был страшно занят.
- Ладно, папа. Что ты, в самом деле.
- Я соскучился, — без перехода объявил старик. — Может, заедешь в пятницу?
- Приеду. Какие разговоры.

Назар мысленно прикинул, в котором часу он окажется у съезда с Роудленты на Автозаводское шоссе, в самом лучшем случае. А с учетом объявленного в пятницу Дня дурака надо бы оказаться там пораньше. Потом он, конечно, застрянет... Что ж, заночует у старика, в своей бывшей детской комнате.

- Папа, в полвосьмого вечера тебе удобно?
- У нас на Диком Поле прием ведется круглосуточно, — съязвил старик.
- Не такое уж оно дикое, папа. Старогородской канал и его окрестности давно входят в число престижных районов города.
- Да. Но когда-то там здорово воняло.

Действительно — если верить истории (а у него, вопреки требованиям власти об утилизации бумажных изделий, сохранились старинные исторические книги), в древности Старогородской канал служил для оттока канализации.

Вспомнив о канализации, Назар с сожалением подумал об Алтурмесове. Понятно же, откуда ветер дует. Вернее, к чему клонят. Сожрут мужика.

- Ладно, отец, я только что с работы. Давай до послезавтра.
- Подожди-ка! Что там с твоими выборами?

Назар обреченно вздохнул.

- Ты же знаешь. Выборы состоятся в эту субботу.
- Я помню, когда выборы, — повысил голос отец. — Я хотел тебя спросить: как ты сумел зарегистрироваться кандидатом без партии?

Начинается, подумал Назар.

- Я подавался от партии, — спокойно ответил он.

И подумал: сейчас правильно было бы отложить волнофон и сварить себе кофе, принять душ... хотя бы полчаса не участвовать в диалоге.

— Я думал, что ты идиот, Назарушка, — почти ласково, но с такой знакомой издевкой проговорил отец. — А ты хочешь сделать идиота из меня, своего отца. Мы оба знаем, что ты не мог податься от партии. Тебя оттуда вышвырнули.

— Партию сегодня можно создать и зарегистрировать в короткие сроки, — возразил Назар. — Если тебе интересно, теперь система упрощена. Два месяца — и партия уже существует и может выдвигать кандидатов на текущие выборы...

— В партии должно быть не меньше тысячи членов! — рявкнул отец. — Ты хочешь сказать, что нашел тысячу сумасшедших, готовых пойти за тобой назад, в каменный век? Где ты их взял? Покажи мне их, приведи всех сюда — тогда я поверю, что партия охламонов действительно существует.

- Есть такая партия.

Назар сделал глубокий вдох, будто собирался с головой погрузиться в холодную воду. Отец выжидающе молчал.

— О желании войти в новую организацию и поддержать меня на выборах заявили — в первый же день — восемьдесят тысяч человек.

Волнофон закашлялся. Наступило молчание. Назар ничего не говорил, ждал.

Отец прочистил горло, наконец восстановив самообладание, еще с достоинством помолчал, а затем поинтересовался с ехидцей в голосе:

— И что же это за партия?

Назар внимательно осмотрел и потер тыльную сторону руки и внятно, отдельно произнес, гипнотизируя внезапно отяжелевший гаджет:

— Партия велосипедистов.

Loser

Стояло душное лето. Ветерок лениво перебирал китайские колокольчики, вывешенные на веранде. Где-то поблизости жужжала пчела. Или шмель.

Во дворе дачного домика девочка-подросток играла с младенцем, сидевшим в прогулочной коляске. Младенец, взвизгивая от восторга, протягивал ручки, стараясь схватить деревянную марионетку — Пиноккио, плясавшего перед ним. Девочка-подросток дергала за нити и дурашливо напевала, изображая тонкий голосок деревянного человечка. Младенец — тоже девочка, пухлая и ясноглазая, с виду годовалая — смеялась и тянулась к сестре.

Потом старшая взяла малютку на руки и, прижав к себе, бережно понесла на веранду. Вдруг откуда-то налетел огромный — даже не шмель, а целый шершень — и укусил малютку в щеку!

Старшая девочка пронзительно закричала: «Пошел! Пошел! Папа, папа!» Она дула на щечку сестренки, распухавшую на глазах, и снова и снова звала отца.

Маленькая Анечка на руках у старшей сестры заходилась истерическим плачем...

Инга вскрикнула и села. Олег даже не проснулся. Пробормотав что-то, он перевернулся на другой бок.

Посидев немного, утихомирив пульс, Инга поднялась и побрела на кухню. Там она включила кофеварку и села на высокий табурет...

Вновь она чувствовала на своих руках тяжесть детского тельца и вдыхала его цветочно-молочный запах, слышала смех младшей сестрички. Перед глазами мелькала крошечная детская ручка с обсыпанной печеньем. Инга отхлебнула свежесваренного кофе, и ее ожгло изнутри.

Она не всегда ненавидела сводную сестру...

Слезы капали в старинную фарфоровую чашку, а она и не замечала.

Днем, проводив инспектора полиции (стражи порядка второй день подряд обходили подъезд за подъездом, выясняя жителей, не видели ли они подозрительных лиц на территории двора, на парковках и у гаражных лифтов), Инга препиралась по волнофону со страховой компанией. После ее сдавленного возгласа: «Все, больше не могу!» — Ингу сменил Олег.

В семье Косоротовых никто не отличался пробивными качествами. Вот в семье Кулагиных (девичья фамилия Инги) таких двое: отец и Аня. А она, Инга, — рохля. Как непредсказуемо передаются гены! В маленькой дочери Инги, Алиске, уже отчетливо проступает что-то кулагинское...

Олег, как и его жена, не умел качать права, но сейчас он понял: если не сделает над собой усилие — семья надолго останется без машин.

Олег сделал над собой усилие и послал страховщика чуть дальше границы Полиса. Обиженный страховой комиссар отключился. А авторобот-контролер расценил это как грубое нарушение правил работы с клиентами.

Олег еще не знал, что робот на его стороне, но почувствовал: дело вот-вот сдвинется с мертвой точки. И, как мог, постарался передать свое состояние жене.

До чего непривычно сидеть дома днем!

Инга вспомнила рассказы бабушки, которая ребенком пережила *самоизоляцию*. Население планеты в те годы выкашивала пандемия. Люди сидели в карантине, им запрещено было покидать свои дома. По улицам ездили полицейские в черных мундирах и ликвидировали каждого, кто высовывался на улицу и вовремя не успевал скрыться от воющей сирены в ближайшем убежище. Черные мундиры распыляли смертоносный газ...

Вирус внезапно обрушился на планету. По одной из официальных версий, его запустили из космоса. Он отличался высокой вирулентностью и постоянно мутировал. Переболевшие тоже мутировали — поэтому и было принято беспощадное решение о ликвидации зараженных.

Инга, выросшая на бабушкиных страшилках, была рада, что она живет в Гуманистическую эпоху, когда человеческая жизнь считается самоценной.

— Чуть не забыл, — сказал Олег. — Твоя сестрица звонила. Хочет приехать, привезти Алиске подарок к окончанию автошколы.

Инга демонстративно промолчала.

— Да ладно тебе. Пусть у Алиски будет подруга постарше. Что ты имеешь против?

— Да я и не против. Пусть приходит... — сухо отозвалась Инга.

— Ох ты моя недотепа, — рассмеялся он. — Свари мне кофе, пожалуйста.

Затархтела кофейная машина. Инга подставила под краники две кружки, и в них потек горячий кофе.

— Слушай, — вспомнил вдруг Олег. — Сейчас начнется предвыборный прямой эфир, я бы хотел посмотреть. Не возражаешь?

Инга пожала плечами:

— Давай, включи...

Трансляция шла из студии. За большим круглым столом сидели двое.

Инга передала Олегу чашку, а свою поставила на овальный стеклянный столик и прислушалась к диалогу лохматого кандидата и лысого ведущего.

К.: ...Ведь состояние, в котором сейчас находится Полис, безусловно, можно назвать критическим. Надо сказать, мы долго к этому шли. Еще лет тридцать назад можно было без труда остановить прогрессирующее (*пауза, подыскивает слова*) автомании и автоистерии. Всего-то требовалось установить светофоры на каждом перекрестке: умелое разграничение периодов интенсивного движения помогло бы избежать пробок, скопления машин в наиболее загруженных узлах и дорожных развязках... Я уже не говорю о том, что законопослушные пешеходы становились жертвами лихачей-водителей из-за отсутствия на перекрестках светофоров и «лежащих полицейских». И это еще в докризисную эпоху. Еще до наступления тотальной изоляции... Мой дед писал об этом, говорил в эфире. Ничего предпринято не было. Более того, граждане сочли нарушением прав личности введение лимита — одной машины на семью из трех и менее членов, начали устраивать бунты, предвестники последующих «колесных бунтов». Отсутствие здоровой государственной позиции усугубило кризис. Сейчас уже нам не удастся выйти из этого тупика без радикальных мер. Ради спасения Полиса и всего социума люди должны полностью перестроить свою жизнь. Многим придется, пусть на время, отказаться от личного автотранспорта.

В.: Как, по-вашему, люди будут добираться до работы без личного транспорта? Что конкретно вы посоветуете администрации города?

К.: Активизировать работу метрополитена. У нас под землей — огромная сеть метро, которая загружена, дай бог, на десять процентов.

В.: Вы же знаете, Назар Тимофеевич, что противопандемийные требования, принятые сообществом вирусологов много лет назад, запрещают загружать метрополитен, этот рассадник заразы, как в допандемийные времена. Есть лица, которые вообще лишены права пользования метрополитеном, поскольку для них это — блажь и прихоть, а есть те, кому без метрополитена попросту никак не попасть на службу. Разрешить использовать метрополитен всем подряд означает подвергнуть человечество риску новой пандемии, и тогда уже — да, все ваши «разгрузочные» меры не потребуются, потому что значительная часть человечества вымрет!

К.: Вы меня извините, но это все чушь собачья. Метрополитен не опасен для людей. Вообще, в наши дни паника более актуальна, нежели вирусы. Но вы почему-то не говорите о том, что спуск под землю тоже может вызывать панические атаки. А ведь этот козырь вполне можно было бы использовать против меня (*смех*). В отличие от всей этой пандемийной чуши, которая, как вы знаете, совершенно на меня не действует. Чтобы не допустить распространения вируса, важно соблюдать меры индивидуальной гигиены и противоэпидемиологические предосторожности. И все.

В.: Хорошо, что еще вы предлагаете? Думаю, избирателям становится все интереснее.

К.: Я предлагаю вернуть наземный общественный транспорт. Вернуть в обиход электробусы, которых сейчас почти не осталось. А ведь они осуществляют важнейшую функцию — перевозку к Центрам социальной адаптации и лечебным учреждениям инвалидов и пенсионеров. Электробусы, кстати, самый экологически чистый транспорт. Лучше повысить расходы на электроэнергию — хотя бы в таком объеме, пусть не для частного автотранспорта, чем продолжать засорять небо над своей головой. Неба мы, правда, все равно не видим. Но очень скоро человечество ожидает удущье.

В.: Насчет «воскрешения» электробусов — занятная мысль, а главное, современная. Как мы знаем с вами, дорогие избиратели, антиквариат и раритет уже лет сто в моде... Думаю, на правительственном уровне стоило бы рассмотреть возможность возврата в обиход и троллейбусов... (*Громкий и дружный закадровый смех.*) Извините, само вырвалось. Продолжайте.

К.: Ничего. Спасибо, что разряжаете обстановку. При чем тут антиквариат, правда, я не очень-то понял — мы ведь с вами знаем, что электробусы сегодня успешно используются социальными службами. И вот тут наша дискуссия вырывается уже на другой ярус, простите за метафору. На днях я видел на Роудленте социальный электробус. Знаете ли, сердце разрывается, когда видишь, как люди с ограниченными возможностями сидят в многочасовой пробке на продымленном третьем ярусе. Социальные электробусы нужно допустить на траволаторы. Это не создаст на траволаторах никаких пробок, поверьте мне.

В.: Ну, допустим, вы убедите администрацию провести такие реформы, как убедили нас со слушателями... Дорогие друзья, прошу, будьте посерьезнее!.. Какие еще у вас предложения, уважаемый Назар?

К.: Разгрузить проезды, въезды и выезды из дворов, карманов и проулков. Для этого личный автотранспорт, которым перегружен город, придется частично изъять у граждан и утилизировать.

В.: А кто будет решать, у кого следует изъять транспортные средства?

К.: Конечно, сами граждане! Они добровольно откажутся от автотранспорта — по вторяю, лишь на время. Но это может растянуться на годы. Важна сознательность...

В.: Как насчет вас?

К.: В каком смысле?

В.: Ну, вы готовы отказаться от личного автотранспорта?

К. (*твердо*): Да!

В.: Что ж, спасибо за интересный... Так, у нас вопрос от избирателя... Сектор 2Н. Подключаем вас. Добрый день. Представьтесь, пожалуйста.

Сектор 2Н: Столяренко Илья Юрьевич. Вы, уважаемый, простите — сумасшедший? Как я буду ездить на свой конвейер — это улица Турбинная, если проживаю я на Малолитражной? Какое, к дьяволу, метро? Ты зачем слез со своей инвеги, а? Ты, клоун, чего творишь?

В.: Я попрошу вас, граждане избиратели, не сквернословить в прямом эфире. Я вынужден отключить Столяренко Илью Юрьевича от дискуссии... Так, в эфире — сектор 5В! Здравствуйте. Ваше имя?..

Сектор 5В: Называйте меня — Брат Пахом, Динамист Седьмого Дня, посвященный и причащенный дня пятьсот восемьдесят третьего, полудни. Обращаюсь к дерзновенному от имени Богова, а также от своего и благословенных имен пастыря и паствы нашего прихода — въезда двадцатого, технического, пролегающего близ дороги на Торфяные Острова. Да развернется пропасть ада для тебя, еретика заблудшего, богомерзкого, посягнувшего на совершенное творение Господа нашего — Роудленту! Да падут всегиблые хвори и немощи, хула и безденежье на твоих детей, сестер, братьев, отца, мать, дядьев и теток, на всех потомков твоих до седьмого — по числу дней творения Земли и ярусов Роудленты — колена, а жена твоя пусть захворает рожею, паршой и бесплодием! Трижды проклятый зловонный еретик, поправший основы основ и иссушивший притоки истоков, быть тебе битым плетью, замоченной в солярке и мазуте! Благоистребленная плесень на подошве Господней, выродок...

В.: Стоп-стоп-стоп! Святой Брат, простите, но вы вышли за рамки! В эфире запрещено сквернословить и оскорблять участников дискуссии. Мои наилучшие пожелания вашему приходу с его пастырем и паствой. Прошу модератора включить это в отчет для Управления по контролю за соблюдением прав и свобод религиозных меньшинств! Я ни словом, ни полусловом не задел чувства Брата Пахома! Уфф... Простите, господа, ведущему необходима техническая пауза на пару минут... (*Шепотом, в сторону: «Лен, подай мою пудреницу-дезодорант и во-он ту коробочку с пиллюлями... И воды... И знаешь, попроси юристов подойти к окончанию эфира... Спасибо...»*)

— Собачья работа у ведущих программ, если задуматься, — заметил Олег. — Вот так нарвешься на неадекватного психа, сделаешь ему замечание — а он окажется верующий. Или «охраняемый». Или сумасшедший. Или — и то, и другое, и третье, как этот Брат Пахом... И что тогда будет? Страшно предположить.

— На одних юристов только придется работать, — сказала Инга.

Между тем технический перерыв на экране закончился, и ведущий опять бодро затархтел.

В.: Спасибо, что разрешили мне сделать паузу, дорогие друзья! Между тем поступил вопрос из сектора 14F. Здравствуйте. Как мы можем к вам обратиться?

Сектор 14F: Асташевская Вера Геннадьевна, можно просто Вера. Назар, скажите, пожалуйста, как вы представляете себе утилизацию работоспособного, исправного автотранспорта? Каким вообще вам видится будущее современного автопрома? Всем известно, что наш автопром за последние тридцать лет фактически возродился. С тех

пор в это направление были вбуханы гигантские суммы. Из бюджета, понимаете? Но подобный прорыв стоил того. Не секрет, сегодня наши потребители отмечают, что отечественные автомобили не хуже, чем полвека назад были зарубежные модели. И вот с ними покончено — и мы обрели самостоятельность! Выросло производство, расширена сеть маркировки наших машин, а все иностранные бренды, названия которых были милы, так сказать, пользователям, давно были национализированы автопромом Полиса и полностью изменены в соответствии с отечественными передовыми разработками. И что теперь со всем этим прикажете делать?

В.: Э-э... Назар Тимофеевич?

К.: Да-да (*откашлялся*). Простите, Вера, но я услышал два вопроса, а не один. Первый вопрос — как мы собираемся утилизировать машины, как это вообще возможно. Ну, вы ведь сами дали ответ на собственный вопрос. Мы же утилизировали в свое время сотни тысяч зарубежных автомобилей. Потому что у нас — *свой путь*. Вам что, было жаль этот металлолом? И вот ради спасения человечества пришло время утилизировать теперь уже наши машины, которыми наводнен рынок. Только и всего.

Сектор 14F: Да я... Да мы с мужем двадцать лет отработали на Автозаводе, а сейчас наш сын продолжает семейную традицию... Теоретик ты безмозглый, как таких вообще регистрируют?

К.: Простите, Вера, но ваша манера вести дискуссию не дает мне возможности ответить на второй ваш вопрос — о будущем современного отечественного автопрома.

В. (*поспешно*): Да, я тоже вынужден вмешаться и защитить нашего кандидата. Извините, Вера! Я не знаю, какую епархию вы представляете, но законы едины для всех... (*Пауза.*) Но возникает вопрос: почему все избиратели начинают сквернословить, полемизируя с кандидатом Копыльцовым? Как вы сами думаете, Назар Тимофеевич?

К.: Мне интересно было бы это узнать (*смешок*).

— Ну все, с меня довольно, — проговорила Инга. — Извини, дорогой.

Она хлопнула в ладоши, и звук пропал.

— Да я и не возражаю, — отозвался Олег. — Сам устал.

— А у меня голова разболелась, — пожаловалась Инга. — И подумать только: он несет полный бред, а многие Алискины сверстники находят его теории оригинальными, революционными...

Олег пожал плечами:

— Разве в истории мало случаев, когда молодежь массово очаровывалась пустым балаболом?

— Не *пустым*, а вредным, — возразила Инга. — Ты заметил, с какими интонациями он произносит: «*свой путь*»? Самое страшное, что наши дети этого уже не замечают. Они не различают оттенков речи.

— А может, власть его и терпит, потому что молодежь не замечает сарказма? В гуманистическом обществе обязательно должна быть шутовская оппозиция. Наличие такой оппозиции лишь укрепляет основную линию.

— Думаю, ты прав, — согласилась с мужем Инга. — Будь иначе, Лозовой раздавил бы его, как клопа.

— Копыльцов занимает лишь третье место и выше вряд ли продвинется. Да у него еще и Ногин со Шмаруком отберут проценты. Вон как активны их избирательные команды! Не сомневаюсь, что их также финансирует Лозовой.

— На прошлых выборах Лозовой уверенно шел первым, — заметила Инга. — И в начале нынешней кампании он был под номером один...

— Ключевое слово — был. Неделю назад в сеть вбросили сведения, что лидирует Алтурмесов. И теперь я понимаю почему...

Инга поставила на стол две чашки кофе. Сунула в тостер хлеб, положила в розетки варенье из морошки.

— Чем больше думаю обо всем этом, — медленно проговорил Олег, — тем яснее становится, за кого нам надо голосовать...

Он переключил канал. Инга бросила взгляд на экран — и чуть не подпрыгнула:

— Смотри, тебя показывают!

Олег вытянул шею.

— А, да. Подловили в Дворомаге! Ну-ка, — он включил звук.

— ...Представьтесь, пожалуйста. Как я и наши онлайн-участники можем к вам обращаться? — молодой журналист со старомодным (или новомодным?) «ирокезом» на голове прикалывал булавку-микрофон к лацкану пальто высокого худого мужчины.

— Косоротов Олег Игнатьевич...

— Расскажите нам, как вы видите события прошедшей ночи.

— Завыли сирены... Мы с женой проснулись... Я сразу побежал... Жена... вскоре тоже спустилась вниз... нет, только до минус третьего этажа... обе наших машины...

— Ваш случай — стопроцентно страховой?

— Да... мы надеемся на скорейшее решение вопроса...

— Наши онлайн-участники с вами в этот тяжелый момент! Олег Игнатьевич, верите ли вы, что затопление — это случайность, следствие ливня? Или — что вероятнее — тщательно спланированная вредительская операция?

— Не знаю. — Олег выглядел удивленным и обескураженным.

— Я тоже, как и Олег Игнатьевич, не знаю, мог ли обыкновенный дождь нанести такой ущерб городу и гражданам! — с жаром заговорил журналист. — Ну что ж, последний вопрос: за кого вы собираетесь голосовать на предстоящих выборах?

— Знаете, мы как раз только что говорили с женой... Сейчас задумались... Мы всегда поддерживаем действующего губернатора, но... Хотелось бы, чтоб правительство наконец-то приняло меры по благоустройству парковок. А эти меры не принимаются! И у нас с женой очень большие сомнения...

— Спасибо, Олег Игнатьевич. Ну что, друзья, — нам понятно, откуда дует ветер?..

Олег погасил экран. Они немного посидели молча.

— Я так мямлил, — вздохнул он наконец. — Такая стыдоба...

— Да ладно... — Инга выглядела расстроенной. — В чем ты виноват?

— Ты это видела? Алтурмесова хотят сделать крайним!

— Ну а если и так — какое нам до него дело?

Он хотел сказать что-то, возразить, но тут ожил волнофон.

Олег ответил. Судя по его отрывистым репликам и быстро завершившемуся разговору, звонок был официальным. И важным: он даже вышел в прихожую. Инга слышала, как муж вышагивал по просторному холлу, переспрашивал абонента... Нервозность передалась и ей. Она допила уже холодный кофе.

— Нам повезло! — Олег вернулся и сел на свое место. — Страховой комиссар перезвонил с извинениями. Просил не писать на него жалобу. Нам дают две временные машины — до момента, пока страховая не подтвердит ущерб и не оплатит нам покупку новых автомобилей. Мы должны съездить за машинами в пятницу. Адрес парка я записал.

— А почему страховая не хочет пригнать машины? — расстроилась Инга. — Вот еще новости...

— Они смогут их пригнать не раньше следующего вторника. Так говорят. Я даже знаю, в чем дело. Сейчас в компании «Автопомощь» большие сокращения. Модернизация... Мне сотрудница рассказала. У нее бывший муж там, в технической службе.

Внедряют роботов для разборок на местах ДТП. Сама знаешь, сколько сейчас происходит аварий. Их практически нет! Возможно, модернизация — это правильно, я лично в ней ничего плохого не вижу. Вот только роботам запрещено перегонять машины, а все сотрудники, уцелевшие после сокращений, заняты подготовкой к водительскому дню.

— Да, точно! — вспомнила Инга. — Экзамен как раз в эту пятницу! Видела бегущую строку: губернатор подписал указ.

— Так что за машинами придется ехать нам самим.

— А где этот парк?

Олег назвал адрес: Автозаводское шоссе.

Инга резко поставила, почти швырнула свою чашку на стол. От толчка коричневая клякса кофе выплеснулась на бежевую клеенку.

— Там же — Дикое Поле!

Когда-то, лет двадцать назад, это место пользовалось дурной славой. Там было «дикое движение»: превышалась скорость, сталкивались по нескольку автомобилей, гибли люди. Из-за сложной системы пересечения главных и второстепенных дорог многим водителям не удавалось быстро сориентироваться, что им следует сделать: уступить дорогу или прибавить ход. Автозаводское шоссе было самой широкой трассой, подходившей к перекрестку — собственно «Дикому Полю». Правда, тогда, двадцать лет назад, это шоссе называлось иначе: оно носило имя какого-то политического деятеля.

— Ну и что? Не накручивай. Можно подумать, ты в Автоакадемии не училась.

— Я окончила академию больше двадцати лет назад.

— Ну, ладно. Иди сюда, дорогая...

Олег увещевал ее, как обычно успокаивал расстроенную Алиску, но по его интонациям Инга почувствовала, что муж и сам встревожен.

— День водителя тоже отрабатывается на Диком Поле. Автозаводское шоссе — это ученическая трасса! Выпускники выезжают на шоссе, а дальше едут по набережной Старгородского канала, — Инга вытерла клеенку и взяла с подоконника волнофон. — Ты понимаешь, что там будет не протолкнуться? Сейчас позвоню в страховую и устрою им...

Олег пожал плечами и забарабанил пальцами по клеенке. Пусть позвонит, наорет на сотрудника страховой. Пусть тот еще раз швырнет трубку и получит очередной выговор. Это, разумеется, ничего не даст, но жена хотя бы разрядится.

Он задумался. Перспектива тащиться вечером на другой конец города, в район Дикого Поля, Олега тоже не особо радовала. Но выбора нет: нужно как можно скорее получить машины. Это такое везение — недели не прошло, как они снова садятся за руль!

Ему уже не хватало этого всего: поиска парковщиков, выездов на Роудленту, бесконечных потоков машин, ползущих по ярусам. Не хватало настолько остро, что он нервно расчесывал себе руки и ноги, без цели ходил по холлу из угла в угол, в Дворомаге выбирал кассу для депривантов, хотя всегда ненавидел очереди. Олег знал, что и жена испытывает схожие чувства.

Они с женой отправятся за машинами на спецтранспорте страховой компании. Обратно поедут маленькой колонной: он будет двигаться следом за ней, на расстоянии бампера. Пусть Инга видит его в зеркальце и чувствует его присутствие.

Обыкновенная поездка. Можно подумать, что в той части Полиса, где они живут, прежде не случались убийства, грабежи, аварии со смертями. Полис эры Гуманизма построен на костях предшественников, с их дикостью, преступной халатностью, лихачеством и жестокостью. По такой логике весь Полис можно было бы назвать «Диким Полем»... Однако сегодня здесь живут люди, и живут вполне благополучно: отводят в школы детей, ходят в дворомаги, стоят в пробках. И все у всех хорошо.

Чего она накручивает, в самом-то деле!

Lucky

Для Валери среда оказалась исключительно спокойным и во всех смыслах удачным днем. Переговоры в понедельник дали желаемый результат, поэтому утром в среду было объявлено, что весь отдел получит бонус, а он, Валерий Олегович Рошин, — крупную премию.

Настроение у него было превосходное. После работы Валери отправился в спортивный клуб поиграть с пацанами в водное поло.

До клуба от дома было три минуты пешком. Он приложил к железной двери клубную карту, вошел в фойе, как обычно, не удостоив кивком вахтера, и поднялся на скоростном лифте на сорок пятый этаж.

Клуб находился на верхотуре: зал, где тягали железо — бывший чердак, крыша — бассейн. Он был покрыт сверхпрочным стеклом и напоминал оранжерею: утепленное помещение, снабженное системой кондиционирования. Но как приятно было видеть над головой не натяжной потолок, а настоящее небо, перекрытое скрепяющимися полосами Роудленты, с изредка пробивающимися солнечными лучами!

Поздний закат разбросал красноватые пятна по воде и лицам игроков.

Клубная карта, служившая пропуском в это заведение, стоила дороже, чем могли себе позволить представители его профессии. Lucky знал, что его начальник всего пару лет назад смог стать членом этой сети и что его близкие приятели посещают подвальные клубы.

У него, безусловно, есть причины гордиться собой.

И они были всегда.

Маленький Валерка бегал в школу через три квартала. Покидая «двор-стакан», не забывал взглянуть на небо — то ясное, то однородно-пасмурное, то в облачных перьях-штрихах... Отец его, простой автомеханик, высокий, крупный (широкие плечи, мощный торс, огромные ступни и ладони), провожал сына до перекрестка и, ласково потрепав по макушке, шел к своей машине. Валерка смотрел ему вслед. Отец шел быстро, с прямой спиной. Он не размахивал руками при ходьбе, как многие, — руки были по-военному прижаты к туловищу. Что-то очень основательное, надежное сквозило в его походке, в посадке головы на неподвижной шее (отец никогда не крутил головой — он поворачивался только всем телом), в том, как он переставляет плотные, похожие на деревца ноги. И это «что-то» Валерке нравилось.

Отец был постоянно занят на работе. Вечерами Валерка застенчиво ждал, когда наконец папа уделит ему внимание, проверит сделанные уроки, расскажет, как прошел день на Автозаводе... И если у отца находилось минут сорок на сына, какое это было счастье!

У отца имелась машина — старый, очень ухоженный пикап. В их замшелом районе города, когда только начинал развиваться Полис, не было ни подземных, ни надземных парковок. Отец держал машину на платной уличной стоянке; даже высокая стоимость парковочного места и усиленная охрана не уберегали транспорт от повреждений. Однажды сторонники каршеринга раскокали боковое левое зеркальце. В другой раз какой-то недобитый велосипедист начертил на боковине несмываемой красной краской: «УБИЙЦЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ!»

Отец вместе с отцами Валеркиных приятелей по вечерам ходил бить велосипедистов. Возвращался под утро, бросал окровавленную куртку в контейнер для санобработки, долго мылся под душем. Валеркина мать, вздыхая и всхлипывая, но без слов,

обрабатывала ему то рассеченную бровь, то вздущуюся губу, то рану на щеке. Мать ничего не говорила, она вообще была немногословна, но детям передавался ее страх, и они жались по углам и тоже молчали.

Автомобилисты определенно уступали велосипедистам в жестокости, они били «двухколесных монстров» по необходимости, а уж те-то ничего не боялись: они уже проигрывали, их вытесняли, изгоняли из города. Терять им было нечего. Велосипедисты снимали велосипедные рули и молотили противников по головам и по лицу, били в живот и в грудину. Водители устраивали на них облавы по трое-четверо, к тому же их дело было правое: они очищали улицы города, искореняли членов опасной секты, и поэтому чаще всего их рейды проходили успешно.

Но однажды отец ушел и не вернулся. Вместо него явились двое полицейских...

В доме тоскливо пахло похоронными цветами, воском, настойкой пустырника и старрой, затхлой траурной одеждой, которую бабушка хранила зачем-то на антресолях (и вот — пригодилась). Мама рыдала; впервые с ее языка срывались слова — страшные, обвиняющие и обличающие. Старший брат Мишка ревел в голос. Осунувшаяся бабушка молчала, прижимая к себе маленького Валерку, тоже притихшего. Вдыхая родные запахи теста и стираного халата, всегда сопровождавшие бабушку, напуганный Валерка слушал, как мать проклинала велосипедистов, а также «бесхребетную» власть. «Вот он — ваш гуманизм! — кричала мать. — Да когда ж вы его построите-то? И почему вы гуманны не к нам, нормальным людям, а к двухколесным монстрам?!»

Сразу после похорон отца бабушка пошла на вечерние курсы автовождения. Их уже продлили до года, но Автоакадемии еще не существовало. А вот Валери уже учился в современной Автоакадемии...

Бабушка целый год старательно каталась под руководством инструктора по окраинным улицам и изучала совершенно ненужные ей механические премудрости. В семье должен быть водитель, иначе транспортная комиссия отберет машину. Валерка был благодарен бабушке: ясно было, что она сохраняет старенький пикап для внуков, — и одновременно стыдился мамы: выяснилось, что она не способна к вождению, а значит, неполноценна. В то время в обществе заговорили уже о неполноценности «неводителей». Его мама!.. Сам он испытывал азартную дрожь всякий раз, когда забирался в салон, трогал гладкий кожаный руль...

Валерка тосковал по отцу. Иногда залезал в шкаф, сидел там, уткнувшись в папиную старую пахучую куртку. Он ждал, когда наконец вырастет, и ему позволят водить машину. Ждал и еще кое-чего. А именно — подходящего случая... отомстить.

И случай его нашел.

Валерке уже было четырнадцать, когда он возвращался от приятеля темным пустырем, образовавшимся на месте нескольких снесенных домов. Процесс реорганизации мегарайона был уже запущен; грузовые фуры ежедневно вывозили мебель и имущество жителей района, а частный транспорт — самих жителей, образуя гигантские пробки на тесных, нелепых несовременных улочках. Валерка шел быстро, периодически оглядываясь по сторонам. Бабушка вечно бубнила, чтобы не ходил так поздно или на худой конец выбирал освещенные и оживленные улицы. Но зачем делать крюк...

Под ногами валялись строительный мусор, кирпичи и железяки. Он даже споткнулся пару раз, но удержал равновесие, не упал. Пустырь заканчивался. Валерка уже почти выбежал на свет, как из черноты, мерно поскрипывая и покачиваясь, словно призрак, выдвинулся одинокий велосипедист.

При виде пешехода велосипедист инстинктивно остановился. Они смотрели друг на друга. Где-то далеко, в поднебесье, блуждал прожектор — на краю пустыря уже начали возводить высотное здание. Луч качнулся, скользнул по ним и ушел рассеивать

свет на другом конце пустыря, но даже за пару секунд Валерка сумел разглядеть велосипедиста. Это был худой пожилой человек в старом пиджаке и совсем фантастической, не по моде, шляпе, оборванный, жалкий и грязный; «типичный недобиток» — называл таких отец (на мгновение ему послышался голос отца). «Недобиток» часто моргал, и, когда по лицу его скользнул луч, инстинктивно зажмурился. Руки его — это Валерка сразу отметил — сжимали и поглаживали руль...

Медлить было нельзя. Валерка поднял с земли арматуру и бросился на врага.

Он успел ударить первым...

В следующую секунду перед глазами все померкло. Последнее, что ощутил (рука, будто не подчиняясь гаснущему сознанию, продолжала молотить, и плоть врага уже отвечала на удары чавкающими звуками, а вопли сменились хрипами), — что-то теплое, липкое, стекающее по лбу на нос и щеки. «Кровь», — подумал Валерка и отключился.

Вынырнул из черного мешка в светлую палату, под раздражающие, тягучие завывания («Мама плачет», — понял безучастно), поморщился от резких света и звуков. А энергичный женский голос совсем рядом произнес бодро, почти весело:

— Счастливчик он у вас! Везунок!..

В водное поло играли почти одни мужчины. Компанию развлекали две хорошенькие девчонки. Раньше водное поло считалось исключительно мужской игрой, однако теперь никого не удивляют смешанные команды. Как, впрочем, в любом виде спорта.

Одна светленькая определенно симпатизировала Валери: норовила перебросить мяч исключительно ему, улыбалась и тут же отводила глаза, отбрасывала мокрые волосы, выбившиеся из-под шапочки, а сама косилась в его сторону: чувствовала, что и он наблюдает за ней.

Позже, в сауне, где мужики обсуждали вполголоса какую-то аварию на Роудлен-те (ему, непонятно отчего, стало не по себе, и он поспешил отсечь от них подальше), Валери «случайно» оказался рядом с девушкой. Ее стройное тело, частично сокрытое под скромным, но дорогим черным купальником-трико, дышало ароматным паром. Девушка слегка подрагивала плечами (ее будоражит его присутствие? или по инерции ее мозг еще занят перехватом мяча? он не знал, но выглядело соблазнительно). Вот она откинулась на спинку скамьи с выражением неги и блаженства...

Валери не выдержал: рванулся в бой.

Ее было несложно вовлечь в разговор. Конечно, *запала!* Lucky всегда это чувствовал. Он вообще нравился блондинкам.

Девушку звали Аня. Она рассказала, что недавно въехала в дом, в котором находился клуб: решила пожить у родителей, пока ремонтируется ее большая квартира на Старогородском канале. Там, на Старогородском, она посещала самый древний филиал их сетевого клуба. Филиал располагался в архитектурном памятнике — здании древнего вокзала. Раньше с этого вокзала отправлялись поезда в дальние страны... Но сообщение в этом направлении уже давно было перекрыто.

— А вы когда-нибудь бывали на занятиях в нашем архитектурном памятнике? — спросила Аня.

— А зачем? — Валери пожал плечами. — Я не люблю старые здания.

...Старый дом, нутро которого съезжилось и облупилось после ухода отца; тусклые запахи ладана и лежалого черного траурного крепа; плачущая бабушка, стоящая спиной к нему, лицом к арке с витыми чугунными листьями на воротах...

Как можно любить прошлое? И зачем столько лет помнить об этом?

...Он опять увидел себя на темном пустыре, среди бетонных блоков и железяк. Проектор скользнул по нему, заставив зажмуриться, и резкий луч тут же откатился назад... Валери тряхнул головой, отгоняя призрака.

— Ой, а я так люблю! — воскликнула Аня. — Я вообще обожаю ретро! А больше всего — старые спортивные машины. Вы бываете на выставках ретроавтомобилей?

Совсем недавно в парке Стопятидесятилетия отечественного автопрома проходила такая выставка. Валери целую неделю слушал трепотню девчонок из офиса, собиравшихся на выставку. А после, когда его сослуживицы Валя и Неля все-таки сходили, они два дня его зазывали на просмотр фотографий в конференц-зале, на большом экране. «Не мешайте работать, — отбрехался Lucky. — Посмотрю потом, в Мегатубе».

Он покачал головой:

— Нет. Я не люблю ретро.

— Какой вы неромантичный, — игриво укорила Аня.

Огорченной, впрочем, она не выглядела.

— У меня «тринити» — спортивная машина новейшей модели, — небрежно произнес Валери. — Зачем мне какое-то ретро?

Аня проявила интерес и даже захотела прокатиться.

Это он ей обещал устроить.

— Моя квартирка еще не готова, — с сожалением сказала Аня. — Зато у меня есть домашняя оранжерея. И гостиная уже почти отремонтирована. Так что приглашаю вас в гости.

— Когда? — ухватился Lucky за счастливый шанс.

— Например, в эту пятницу. Приедете после работы?

Это было просто попадание в десятку! Только идиот бы отказался.

Но он не идиот, он — Lucky.

— Спасибо за приглашение, — Валери постарался придать своему голосу максимальную теплоту. — Я действительно равнодушен к ретро. Это, знаете ли, такой же дефект, как у некоторых немзыкальных людей, которым медведь на ухо наступил. Но зато я люблю цветы. В частной оранжерее я не был уже очень давно.

Домашнее цветоводство в последние годы вошло в моду. Позволить себе такое развлечение могли только небедные люди. Во всяком случае, оранжереи, оборудованные по всем требованиям и стандартам, комиссия одобряла только в квартирах площадью от ста пятидесяти квадратных метров.

Аня — богатенькая девчонка, у нее домашняя оранжерея и большая квартира. И она на него серьезно запала!

— А на природе, за городом вы часто бываете, Валерий?

— Не бываю я за городом, — буркнул он с неожиданной для себя самой досадой.

— Но почему?

Валери дернул плечом.

— Не люблю велосипедистов, — произнес он почти беззвучно, одними губами.

Но Аня все-таки разобрала или услышала. Она посмотрела на него очень внимательно, потом улыбнулась.

— В моей квартире велосипедистов нет. Так я вас жду?

Валери счастливо выдохнул.

— Буду рад, — резюмировал он.

В фойе они обменялись контактами, а потом часок посидели в небольшой кофейне на цокольном этаже дома, где Аня жила у родителей.

С девушками нужно беседовать, поучал его старший брат Мишка. Нужно проявлять к ним интерес во всем, от главного до мелочей: расспросить и о профессии, и о до-

машинных любимцах. Иначе ничего от них не получишь, позер несчастный... У Мишки был в этом смысле положительный опыт: все-таки ему досталась самая красивая девочка во дворе.

Валери прислушивался к брату. И научился.

Он добросовестно расспрашивал Аню обо всем, важном и неважном. Всего за час узнал о ней массу как полезной, так и ненужной ему информации.

Аня — «свободный художник». Ее отец занимает высокую должность в автопроме. Мама не работает: давно уволилась из шоу-бизнеса, чтобы посвящать все свое время мужу и дочери. У Ани есть старшая сводная сестра с племянниками, которых Аня очень любит, и серый пушистый кот, живущий сейчас вместе с нею у родителей. Ее сводят с ума машины красного цвета. (Да!) Она хочет дружить с перспективным коучем (Валери чувствовал себя так, будто сорвал джек-пот). Любимые цветы — орхидея и декабрист...

На прощание Аня сказала:

— Конечно, время не совсем удобное. На пятницу ведь поставили День водителя. Но я очень надеюсь, что приедете.

Он заверил, что для него — теперь уже преданного Аниного друга — неудобств попросту не существует. Главное — чтобы было удобно ей!

Все к лучшему, думал Валери, возвращаясь пешком домой. Блистательному Lucky День дурака даже на руку. Главное — затянуть просмотр и фотографирование idiotских цветочков до предела, засидеться в гостях до блокировки скоростного режима.

Ни одна современная девушка не выгонит парня из своей квартиры, зная, что домой до утра он не попадет. Не по воздуху же ему лететь. Валери останется у блондиночки до субботы — и баста!

4. ЧП В ДЕНЬ ВОДИТЕЛЯ

Crash

...И пятница наступила. А вместе с ней — День водителя.

Лина двигалась в плотном потоке в крайнем левом ряду. Она чувствовала себя вымотанной. Настроение было хуже некуда.

Встреча с токсичным клиентом прошла совсем не так, как она ожидала. Как будто темные силы решили повлиять на сделку! Сначала *лобстеру* беспрестанно звонили, и он заметно нервничал, выходил из комнаты, разговаривал с кем-то на повышенных тонах. Лина хоть и с трудом, но улавливала обрывки разговора. До нее доносилось — последовательно: «брось, не нагнетай», «бред собачий», «паранойя»... Больше негативных эмоций, нежели содержательных реплик. И все-таки, прислушавшись, она уловила, что речь шла о затоплении парковок в мегарайоне А.

Можно подумать, все сговорились. Лина знала, что клиент, отставной генерал, сотрудничает с Аналитическим управлением. Но почему вдруг само Аналитическое управление занялось ливневыми протечками?

Лину удивило, почти напугало отрывистое слово «диверсия» — *лобстер* почти выкрикнул его, но дальше, видимо спохватившись, забубнил совсем неразборчиво. Затем она услышала удаляющиеся шаги...

Проговорив почти полчаса, клиент вернулся к ней. Больше ему не звонили. Правда, за время разговора его словно подменили. Теперь *лобстер* отвечал односложно, отрывисто и резко. Он полностью забраковал ее напольную мозаику, — и тут уже она

занервничала, потому что под угрозой оказалась вся композиция. Было ясно, что без мозаики придется переиначивать все — либо попросту отказываться от заказа, поскольку халтурить Лина не могла органически.

Однако стоило ей лишь попытаться довести свою мысль до *лобстера*, тот неожиданно по-хамски ее оборвал.

Казалось, от подобного типа можно ожидать чего угодно, разумеется, кроме «преступления на сексуальной почве» (Лина слышала от бабушки, что когда-то таковые совершались, но подобные дикости остались в далеком прошлом — в нецивилизованном и неорганизованном обществе). Но откровенное хамство! В прошлые встречи клиент, хоть и был назойливо-придирчив, всегда держался корректно, угощал ее обедом и даже похвалил ее лучший проект — ограду парка Стопятидесятилетия отечественного автопрома, за который Лина получила премию из рук градоначальника. И вот теперь...

Само собой, он и не думал извиняться. Талдычил и талдычил одно и то же, упрямо отвергая уже то, что они согласовали, и нетерпеливо ждал, когда Лина наконец уберется.

Они расстались, так и не придя к согласию. Напоследок, уже на выходе из квартиры, Лина ляпнула (как будто ее тянули за язык), что его собственное видение своей веранды — с композицией из мраморного столика, статуи Бахуса на витой табуретке и утепленной скамеечки — идет вразрез с ее художественным вкусом. И вообще — это просто пошлость!

Клиент засопел, сухо попрощался и закрыл за нею дверь.

Что это значит? Заказ накрылся — так следует понимать? Ну, и пошел он подальше, этот лобстер!

Повсюду висели баннеры, рекламирующие День водителя. На тротуарах и перекрестках мелькали полицейские в парадной форме. Для Лины это был обыкновенный день — с той лишь разницей, что брату Лене пришлось перенести семейный праздник на более позднее время. Впрочем, это не доставило никому особых неудобств. Брат и его жена всегда приглашали ровно столько гостей, сколько могли разместить у себя с ночевкой. В их двухэтажной квартире хватало спальных мест, и с новым кварталом, в котором они жили, соседствовал прекрасный пустырь, где могли заночевать гостевые машины. Идеальное место для жизни! По крайней мере, до тех пор, пока все это пространство не застроят.

Она съехала с Роудленты на Автозаводское шоссе, и почти сразу впереди замелькали оранжевые проблесковые маячки. Навстречу Лине двигалась колонна автомобилей государственной Автоакадемии.

Неотъемлемая часть Экзамена — торжественный проезд студентов-выпускников по одной из главных промышленных автотрасс города и — впервые за их недолгую водительскую жизнь — по Роудленте. Туда и текла сейчас река из однотипных автомобилей, управляемых выпускниками года.

Да, это было зрелище! Как ни была она раздражена и расстроена, Лина не могла остаться равнодушной к величественной красоте шествия. Она даже на несколько секунд опустила стекло, чтобы послушать мерный гул: то работали лопасти вертолета, летевшего низко над трассой. Вертолет двигался навстречу колонне, а не по ходу ее движения.

Автостуденты ехали в три ряда, заняв все полосы. Уже скоро можно будет разглядеть сосредоточенные детские рожицы новоиспеченных водителей и непроницаемые лица инструкторов. В этот день, по традиции, выходили на службу все автоинструкторы, от стажеров до пенсионеров.

Лина вспомнила себя и брата, их выпуск и День водителя. В тот год все было почти так же, как сейчас, разве что вертолеты над городом не летали.

Колонна приблизилась. Учебные машины торжественно поползли мимо. Лина отвлеклась, засмотревшись на вихрастых и приглаженных, белобрысых и чернявых, пухлых и изможденных выпускников. Все были разными — и все-таки было в них что-то объединявшее, роднившее этих детей.

Сосредоточенность и важность. Неудивительно, ведь сегодня важнейший день для каждого из них.

Автомобили, идущие впереди, сигнала правыми фарами, стали уходить из левого ряда в соседний. Образовался затор. Перекрывают полосу, догадалась Лина: родительские авто начали пускать по встречке.

В подтверждение ее догадки далеко впереди пробился бегающий луч полицейской мигалки. Вот «повезло», подумала она. Зрелище, конечно, классное, но ведь застрянешь тут теперь. Прокрастинация в действии — весь день сплошные обломы!

Она включила поворотник, обозначив маневр.

Постепенно темнело. Проторчав следующие полчаса на том же самом месте, Лина с трудом перестроилась в соседний ряд. Едва она заняла центральную полосу, как увидела медленно ползущие навстречу машины с родителями автостудентов. Скоро они полностью заслонили от нее ученический автотранспорт, и это было совсем уж досадно. Рассматривать обывателей, лопающихся от родительской гордости, — то еще удовольствие.

Но поскольку дорога в ее направлении движения встала намертво, через некоторое время Лина от скуки принялась разглядывать родительские авто. На лобовом стекле каждой машины сияла серебристая бирка: антиблокиратор. Водители получили официальное разрешение на позднее возвращение домой, а для этого должна быть самая веская из всех возможных причин. Лица людей были торжественны и важны.

Она взглянула на часы. Скорей бы к Леньке, к Вальке, к племянникам, в уютное кресло... Выпить бокал вина, завернуться в плед... Забыть о заказе, который, скорее всего, потерян для нее, женщины-катастрофы с острым безжалостным языком; о тупом заказчике и о затоплении парковок, ставшем «событием недели». Как будто в их огромном городе вообще больше ничего не происходит!

Встречный поток обмелел; в нем образовалась брешь. Лина некстати вспомнила слова брата о том, что на этом участке дороги нет камер. Да и полицейские машины далековато...

И она решила на маневр: резко вырулила на соседнюю полосу, отнятую для привилегированной встречи, надеясь обойти свой лениво ползущий ряд и вынырнуть поближе к перекрестку, как только появится возможность вклиниться обратно в середину потока.

Вдруг прямо перед ней возникла чужая машина: видимо, кто-то из родителей, пользуясь своей биркой, не ко времени вылез из соседнего ряда. Лина инстинктивно выкрутила колеса, подставляя под удар правое крыло и успев лишь удивиться, почему удар пришелся все-таки влево и почти в лоб.

Очнулась она через несколько секунд. Впрочем, Лине показалось, что она плавала в вязком забытии целую вечность. Плавала — подходящее слово: все вокруг качалось, и ее тоже укачивало.

Лицо было мокрым. Что-то изменилось — она не могла понять, что именно, только ощущения от собственного лица, губ и подбородка были непривычными.

Подушки от удара не сработали. Лина подумала: придется подать в суд на дилерскую компанию. Протянула руку, открыла водительское зеркало, взглянула — и охнула. Ее челюсть была сломана, рот не закрывался, а вся нижняя часть лица и грудь оказались залиты кровью.

— А-ы-ы... — проныла Лина и тут же поняла, что закричать, позвать на помощь она не сможет.

Помощь, однако, уже спешила к ней в виде молодого лохматого парня в оранжевом водительском жилете. Судя по жилету, не спасатель и не автоинструктор — просто проезжий. Парень ломился в машину с ее стороны, пытаясь открыть водительскую дверь, которую деформировало и заклинило. Наконец догадавшись, он обошел машину с неповрежденного бока, открыл дверцу с правой стороны, сунулся внутрь и, обхватив Лину за подмышки, выволок наружу.

— Ы-хы, моя сумочка, — прохрипела Лина, жмурясь от нестерпимо яркого света.

Рядом пронзительно выла сирена.

— Сейчас, сейчас, — бормотал парень, оттаскивая ее на обочину и укладывая на спину, — я вернусь за вашей сумкой. Полежите пока здесь...

Она всхлипывала и захлебывалась, пуская кровавые пузыри. Лохматый парень вновь возник перед ней, уложил ее на бок и, разорвав индивидуальный пакет, сунул Лине под щеку одноразовую пеленку. Затем заставил открыть рот и приложил к держащей челюсти тампон, пропитанный омерзительной на вкус жидкостью. Под локтем у Лины оказалась ее сумка — грязная, набитая окровавленной землей; лохматый просто сгреб высыпавшиеся документы, косметику, гаджеты и запихал все это в сумку, лопнувшую от удара.

Над Линой склонился полицейский. Будто во сне, она слышала, как полицейский хвалил парня за грамотное оказание первой помощи. Тот ответил: ничего особенного, в академии всех этому учат, к тому же я волонтер в «паническом чате», помогаю людям, у которых стресс, так что опыт есть. И добавил: я сам недавно попал в ДТП, представляете — снаряд угодил в одну и ту же воронку. Полицейский удивился: не может быть! Это на третьем ярусе, в минувший понедельник? Меня должны были направить туда, но я в тот день поменялся дежурством, однако все равно не упустил-таки свой шанс увидеть аварию вживую; один Бог располагает нами.

Лина некстати подумала, что она откуда-то знает своего спасителя. Не просто видела где-то — нет, она хорошо знает, как он говорит, щурится, смеется, двигает губами, обдумывая ответ на вопрос. Попыталась вспомнить, кто он и откуда, но не смогла. Она сумела лишь открыть свой куар для сканирования — парень попросил: «Я с вами свяжусь. Мало ли, сумею чем помочь...»

Разрывался волнофон, завывая старинную полицейскую песенку: к ней пытался пробиться брат. По многоканальной системе оповещения городской полиции уже прошла информация об аварии с указанием личных данных участников ДТП, и Ленка с ума сходил от страха за сестру. Лина это понимала, но из-за сильной пульсирующей боли не могла ответить. Наверняка уже сам к ней мчится. Какой теперь ему праздник...

В апатии, лежа на боку, Лина наблюдала, как четверо техников в шлемах и жилетах растаскивают с дороги обломки разбитых машин. У одного из техников, помимо форменной эмблемы «Автопитер», на груди фосфоресцировала большая броская нашивка: ощерившийся лев и буквы под эмблемой. «Сафари», — прочитала Лина; это было последнее, что воспринял ее мозг.

Лев широким прыжком преодолел две полосы, разинул страшную пасть и, подняв когтистую лапу, дыхнул на нее бензином. Лина тихонько вскрикнула и потеряла сознание.

Loser

...И пятница наступила. А вместе с ней — День водителя.

Инга вела машину, рассеянно слушала вечерние новости, то и дело поглядывая на табло, где мигали цифры: восемнадцать сорок пять.

В автопарке их с мужем задержали. Висел Интернет, бледная девица за стойкой слишком долго оформляла документы на выдачу временных машин. И вот результат. Если заблокируют скоростной режим, ее машина останется стоять там, где застряла. А это — эвакуация казенной машины, штраф и первое предупреждение.

Олег ехал следом, но даже его присутствие рядом, буквально в десяти метрах, не успокаивало ее. Инга нервничала. Машины ползли еле-еле. Всюду пестрели транспаранты, извещавшие, что сегодня День водителя. Даже с древнего, двадцатого века постройки дома спускался плакат длиной и шириной в глухую безоконную стену этого самого дома.

Когда-нибудь и для Алиски наступит такой День...

Транспаранты попадались навстречу все чаще. Потом она увидела огни прожекторов, услышала характерный шум и запоздало догадалась: а ведь *это* уже происходит, и не где-нибудь, а прямо здесь и сейчас.

Инга огляделась.

С ней вечно приключалось что-то нелепое. Инга то уходила из раздевалки спортклуба в чужих сапогах, то забывала активировать свой QR-код, когда истекал его срок. А однажды, много лет назад, на загородной трассе она вклинилась в колонну. Ехала, солнцем полна голова, и удивлялась: что за прожекторы вокруг и почему спереди и сзади от нее мчатся сплошь большегрузы, а сбоку несется полицейская машина и истошно сигналит, требуя покинуть колонну и съехать к обочине для составления протокола и проведения профилактической беседы... Удивительно, что у нее до сих пор ни разу не было паники.

А теперь она затесалась в «родительский ряд». Штраф ей точно обеспечен. Олег там, наверное, переживает. Даже не звонит, видимо, чтобы она не нервничала еще больше. Да, мало смешного в том, что она — лузер. В жизни наступила полоса убытков. И когда она только кончится?..

Инга не успела ничего понять, увидев перед собою, очень близко, два вырвавшихся вперед нестерпимо ярких желтых огня. Фары машины, вынесшейся на встречную полосу, ударили ей в лицо. Она хотела крикнуть, но успела лишь зажмуриться.

Сразу вслед за ударом выскочили оранжевые подушки безопасности. Ее отбросило назад, придавило к спинке кресла, и она словно провалилась куда-то на несколько мгновений.

Голова болела, что-то теплое текло по ее лицу, капало с подбородка на грудь; посмотрев вниз, она увидела на светло-серой куртке быстро расплывающееся пятно.

Оказалось — ничего страшного: подушка безопасности отлично сработала. Если не считать пары синяков и распухшего носа, она была цела и невредима.

Надсадно выла сирена, горели прожекторы. Крышка капота встала домиком, машина была искорежена, салон изнутри превратился в параллелепипед.

Инга отстегнула ремень безопасности и застонала.

Только получить машину — и сразу ее разбить! Кому, кроме нее, могло так повезти?!

Олег подоспел к ее машине раньше других. Он и помог Инге выбраться. Вместе они наблюдали, как выносят из другой машины виновницу аварии — молодую женщину с залитым кровью лицом.

— Что произошло? — беспомощно спрашивала Инга.

— «Дельта» выехала на реверсивную полосу, — объяснил Олег. — Девушка за рулем увидела встречный автомобиль, резко свернула, и вы встретились.

— Ну почему мне так не везет? — заплакала Инга.

— Тебе повезло, — сказал Олег, целуя ее в висок. — Ты жива и, считай, не пострадала. Кроме того, ты — жертва. Да, вклинилась в «родительский поток». Заплатим штраф. Но не ты ведь создала аварийную ситуацию на дороге.

Он помолчал и закончил:

— Кому не повезло, так это той девушке, водителю «дельты». Ей уж точно не позавидуешь.

— А мне теперь на чем ездить?

Олег улыбнулся:

— Буду рад, если ты немного побудешь дома, с детьми. С Алиской сто лет никто не разговаривал ни о чем, кроме учебы. Мы вечно заняты. А ей скоро на подготовительный курс академии.

— Да, ты прав... Не знаю, смогу ли вообще теперь когда-нибудь сесть за руль.

— Не беспокойся. Все наладится.

Муж гладил ее по руке и успокаивал.

Инга вздохнула и огляделась. Неподалеку на высоком бордюре сидел третий участник аварии. Это был мужчина, толстяк средних лет. По его виску стекала струйка крови. Рядом суетилась плачущая девочка. Она обнимала толстяка, эконопаточком вытирала кровь. «Ну что ты, дочка, — бубнил толстяк, — дуй назад, к инструктору... Кто тебе разрешил выходить из машины?» К толстяку подошли двое мужчин в белых халатах. «Мне не нужна помощь», — буркнул тот. «Осмотр необходим», — возразили ему. Толстяк сдался, и медработник, разорвав индивидуальный пакет, принялся обрабатывать рану на голове пострадавшего.

Инга отвернулась. Толстяк напомнил ей нахального бюрократа — представителя страховой компании.

Рядом вырос полицейский и очень вежливо попросил ее скачать приложение и заполнить бланк. Инга с готовностью кивнула, вытерла слезы и полезла в свой волнофон.

Victim

...И пятница наступила, а вместе с ней, будь он не ладен, День водителя.

В те минуты, превратившиеся для него в вечность, когда он сидел рядом со своей порезанной машиной, Сергей думал о Насте. До момента, когда дочь подбежала к нему на дороге, рыдая и причитая, обняла и принялась целовать и вытирать кровь, струившуюся по его лицу, и после того, как инструктор отвел ее обратно в машину, он был совершенно одинок, словно вокруг и не происходило послеаварийной суеты, — и думал, думал. Об Экзамене, который он, возможно, ей сорвал. О том, что, при всей своей безграничной любви к дочери, он, наверное, так и не сумел дать ей то необходимое, что любая женщина легко и естественно дает своему ребенку...

В голове шумело. Как только Сергей закрывал глаза, перед ним видеорядом прокручивались эпизоды аварии, будто он вновь и вновь просматривал один и тот же фильм...

Сергей, сопровождавший экзаменационный выезд дочери, ехал в крайнем левом ряду родительского потока. Когда на дороге возник полицейский пикет, родительские автомобили начали перенаправлять на встречную очищенную полосу, и он оказал-

ся во втором ряду слева. И вот тут — он просто глазам не поверил — прямо перед ним на встречную полосу вынесло «дельту».

Сергей любил старое кино: фантастику, боевики, экшен, криминальные триллеры. Будучи «здоровым циником», как именовал сам себя, он всегда просматривал в ускоренном покадровом режиме затянутые сцены: бесполезные диалоги, любовные сюси-масюси. То, что Сергей наблюдал в эти мгновения, напоминало покадровую перемотку фильма.

«Дельта» влетела в малолитражную «гранту», прокатную, судя по модели и цвету, по вине водителя-лузера вклинившуюся в родительский поток. «Гранту» отбросило к нему. Удар пришелся в левый бок. Левая задняя дверь его «фаворита» (хорошо, что не водительская) была вмята. Автомобиль трянуло так, что Сергея чуть не размазало по салону. Он сильно ударился головой о стойку дверцы и охнул. Поднес руку к взорвавшейся болю голове, почувствовал мокрое и липкое: кровь.

«Хорошо, что жив... Дочка...»

Мысли сбивались в бесформенный ком.

Эпицентр аварии находился слева и сзади, но его «фаворита» развернуло боком — вероятно, чтобы он имел возможность понаблюдать за происходящим.

Сергей увидел, как столкнувшиеся автомобили разбросало в разные стороны, а потом вновь притянуло друг к другу, отчего последовал второй удар. Машины, двигавшиеся следом, экстренно тормозили. Визжали покрышки. Некоторые идиоты в панике сигналили. Истерическая какофония длилась недолго: поток замер, как река, наткнувшись на плотину. Сергей разглядел перекошенное лицо пожилой дамы за рулем ближайшей к нему машины. Увидел, как заискрились в серой грязи осколки фар и выбитых стекол.

Из покореженных авто у него на глазах вытащили незадачливых водителей. Невзирая на пульсировавшую в виске боль, Сергей разразился истерическим смехом: водителями оказались две бабы. В эти секунды, оставаясь «здоровым циником» даже в беде, Рябинин определил для себя еще один тип водителя: «водитель — стихийное бедствие».

«Это же — катастрофа! Пугало! Ведьма, только без метлы, — куда ей за руль!» — ярился он, рассматривая одну из виновниц аварии — наиболее жуткую: растрепанную девицу с лицом, залитым кровью, в мешковатой блузе-балахоне с ромбами, сползшей с левого плеча, и в серых джинсах, подчеркивающих изгибы.

А дальше — пустота, пауза, в безвременье которой ему оставалось лишь посылать сигналы бедствия: в страховую компанию («Черт возьми, Алла, пусть кто-нибудь придет побыстрее!»), в полицию, в многоканальную службу «Пробка.ру». И потом ничего не происходило очень долго.

Хоть он впервые за свои пятьдесят два года оказался участником ДТП, ничего примечательного, помимо баб-водителей, во всей этой катавасии для него не было. Пожалуй, кроме одного ярко отпечатавшегося кадра, который позже показался ему плодом собственного воображения.

В те доли секунды, после удара синей «гранты» о бок его «фаворита» и до повторного столкновения «гранты» с «дельтой» цвета металлик, произошло нечто поразительное. Между двумя разбросанными ударной силой железными тушами — «грантой» и «дельтой» — на высокой скорости проскочила красная спортивная машина и почти бесшумно скрылась в серых клубах дыма.

«Счастливчик, — с внезапной неприязнью подумал Сергей об ускользнувшем водителе. — Фартовый тип, чтоб его...»

Lucky

...И пятница наступила, а с ней — и День водителя.

Впрочем, Lucky этот день был до лампочки. Он отлично выспался и проснулся очень рано. Мысли о предстоящей встрече с Аней будоражили его. В какой-то момент он даже поймал себя на том, что не может думать ни о чем другом.

На работе Валери рассеян, но никто этого не заметил. Блистательный Lucky так давно занимался коучингом, что в редкие дни, когда он был не в форме, включался безошибочный, ни разу не подводивший его «автопилот», умевший не только отвечать на вопросы любой степени сложности, но даже шутить.

Девушка, с которой он познакомился в клубе, его зацепила. Было в ней что-то... какая-то интрига. Валери не сумел бы объяснить, чем она интересна, но когда он ловил себя на мысли о предстоящей встрече, блаженная улыбка расплывалась по его обычно самодовольной физиономии.

Офисный день проходил сумбурно и суетливо. Проводились конференции и видеокейсы. Отвлекали болтовней сотрудницы. Один коллега, у которого дочь участвовала в Дне водителя, отпросился заранее и повесил на него своих клиентов. Он был рад, когда рабочий день закончился.

Роудлента еле ползла. Однако и он не спешил. Чем позже Lucky приедет к Ане, тем дольше у нее засидится. Даже неудачный, при сложившихся обстоятельствах, День водителя тоже подыгрывал ему.

Lucky съехал с Роудленты именно там, где должен был проходить экзаменационный проезд сосунков. Впрочем, его этонисколько не напрягло. Он полз в общем потоке до того момента, пока не увидел свободную полосу перед собой. И тогда Lucky, повинаясь водителскому инстинкту и собственной дерзости, увеличил скорость...

Откуда на дороге появился автомобиль, врезавшийся в другой, шедший перед ним, Валери не понял. Однако авария произошла прямо у него на глазах. Lucky впервые довелось стать свидетелем ДТП. Две машины столкнулись, и их раскидало в разные стороны.

Что же сделал он? Проскочил между двумя аварийными машинами и преспокойно уехал! И лишь передернулся запоздало — от ощущения столь близкой, но уже миновавшей угрозы, с некоторым злорадством посмеявшись над неудачниками, довольный, что его не зацепило чужим бортом и что он не должен торчать тут с полицейскими, заполнять приложение, а после ждать до скончания века, когда же отремонтируют его красавицу «тринити». А вот Аня вряд ли стала бы столько ждать!

Странное дело, но он никогда больше не вспоминал о той аварии.

...И вновь, и еще долго перед ним маячила свободная полоса — символ водительского фарта. И «тринити» не ползла, как обычно, а почти летела.

Даже без навигатора Валери нашел бы нужное здание: символика «оранжерейного дома» на фасаде бросалась в глаза каждому, кто сворачивал с проспекта в переулок.

Оказавшись в переулке, Lucky позвонил Ане, и девушка сообщила ему код от гостевой парковки.

Парковочное здание в оранжевой высотке находилось напротив Аниного дома. Между зданиями пролегал небольшой пустырь. Скоро, конечно, он будет застроен. Валери ввел код на табло перед шлагбаумом. Из прорези выполз чек. Взглянул — пятый этаж, пять тысяч пятьсот пятьдесят пятое парковочное место.

Валери захохотал: кому, как не счастливым, избранныкам судьбы, выпадают красивые цифры?..

— Как ты быстро добрался. Словно вовсе и не вечер пятницы.

Аня улыбалась, стоя в дверях в просторном длинном сером платье из мятого шелка. Так одевались наши матери в молодости, подумал Валери. Мода всегда возвращается — например, мода на легкие инопланетные гоночные машины...

На Ане были кожаные кеды с округлыми носами. Волосы она распустила, и ей это очень шло. Во всем образе девушки было столько женственности и неги, что Валери остановился на площадке, как в ступоре: сердце зашлось.

— Королева, — выдохнул он. — Венера...

— Ну вот... Говоришь — не любишь ретро, а изъясняешься, как поэт прошлого века, — Аня рассмеялась, пропуская его в квартиру.

Lucky шагнул — и сразу оказался в цветущей оранжерее.

Это была даже не квартирная оранжерея, нет. Настоящий ботанический сад, какой он видел только на картинках в школе! Или райский экзотический лес, населенный вечными папоротниками, кипарисами, финиковыми пальмами, банановыми и хлебными деревьями...

Не все эти виды, понятное дело, были ему доступны и знакомы: Валери, как и любой его сверстник, не специалист по природоведению, имел довольно скромные познания в области флоры и фауны.

Он обалдел.

Аня подтолкнула его вперед. Длинный коридор терялся в невысоких деревцах, ветви которых переплетались под самым потолком.

В нишах справа и слева, встречавшихся через каждые пять метров, были разбиты небольшие розарии. Причудливые розовые кусты различались сортами; даже он, не сведущий в растениеводстве, смог насчитать пять совершенно разных видов.

А лилии! Их было так много, что от душного аромата, казалось, уплотнился воздух...

Валери как вдохнул, войдя в оранжерею, так уже и не мог выдохнуть... У него закружилась голова.

— Подожди здесь, — Аня придвинула ему мягкий, закамуфлированный в тон растительности пуфик.

Он присел, как робкий школьник: ссутулившись, примостив руки на колени.

— Я принесу нам выпить. Ты какое вино любишь? Белое?

— У меня с собой красное сухое, — пробормотал он.

— Хорошо, — рассмеялась Аня. — С белого начнем, красным продолжим. Есть отличный рислинг...

Ее кеды прошелестели в глубь коридора. Валери беспомощно огляделся. Всюду — молодые и зрелые бутоны, зеленые заросли...

Ему стало не по себе. Lucky пытался и не мог вспомнить, когда он в последний раз был на природе. Друзья ежегодно звали его за город, однако неприязнь к велосипедистам, обитавшим в парковых зонах и лесополосах, всякий раз пересиливала желание потусить в компании и «подышать кислородом».

Аня вернулась и протянула ему бокал. На руке ее искрился браслет с логотипом некоей фирмы (опьяненный и ошалевший, он даже не сумел распознать логотип, хоть и видел его многократно, и понимал, что фирма эта крутейшая).

— За нашу встречу, — Аня с легким звоном коснулась своим бокалом его.

Он глотнул вина — и сразу поплыл в сонное царство...

— Пойдем со мной, — услышал Lucky тихий голос.

Анина рука коснулась его пальцев. Ее дыхание нежно пощекотало ему шею.

— Пойдем. Тебе надо прилечь...

Валери послушно побрел за ней, вяло держась за холодную тонкую руку девушки. Он был опьянен — но чем больше? ароматами? глотком Аниного вина? Валери уже не в состоянии был анализировать происходящее. Ему действительно требовалось полежать.

Аня привела его в небольшую комнату, где не было цветов и растений. Подтолкнула к диванчику. Он сел, вяло моргая глазами, которые закрывались сами собой. Голова потяжелела, и ее потянуло вниз. Валери прилег, коснувшись щекой подушки, которую Аня заботливо ему подсунула.

— Отдохни, поспи... К моему саду нужно привыкнуть, — голосок Ани лился трелью, звенел, как у сладкоголосой сирены. — Ты ведь так устал после рабочей недели...

— А ты... придешь ко мне?.. — пробормотал он.

— Конечно, — Аня коротко рассмеялась.

Затем, мгновенно сделавшись строгой и деловитой, девушка быстро склонилась над ним. Бесцеремонно оттянула пальцами его правое веко.

Lucky крепко спал.

Аня погасила свет и вышла.

Clown

...И пятница наступила, а вместе с ней — День водителя.

Назар медленно двигался в общем потоке, поглядывая на часы. Если он опоздает к отцу, старик всласть поиграет на его нервах, и плевать ему на какой-то особенный День, пусть даже объявленный самим губернатором.

«Дни дурака» уже существовали, когда Назар сдавал на права. Отец не явился к нему на Экзамен — забыл. Он никогда не был заботливым и внимательным отцом — так что за претензии к сыну у него теперь?

Назар с трудом выдерживал пару часов общения со стариком, но при этом знал: никогда он не бросит отца на произвол судьбы, не «сдаст государству». Хотя эта процедура — передача стариков «на попечение общества» — легко оформляется, а сам отказ от опеки престарелых родных не считается зазорным. Старики должны жить в специально отведенных для них местах — в Социальных домах, построенных в курортных зонах, на берегу моря или лесного озера, под присмотром квалифицированных социальных работников, выдержавших государственные испытания, подтвердивших человеколюбие и сострадательность экзаменатору-роботу...

Говорят, в таких заведениях неплохо. Но как это можно — отдать родного человека в социальное учреждение?

То, что произошло далее, показалось ему повторением дурного сна. На его глазах столкнулись две... нет, три машины! — а он стал единственным человеком на свете, увидевшим своими собственными глазами вторую аварию за неделю.

Минут за десять до столкновения он не только заметил, но и детально рассмотрел и «дельту», и девушку за рулем. Его машина оказалась вровень с ее автомобилем.

Манера глазеть по сторонам у человека, часами сидящего в своей машине, зажато-го в «пробке», спасительна для нервной системы. Далеко не все безболезненно переживают вынужденный простой. Оказывается, приспособиться к многочасовым пробкам человеческий мозг не способен. Потребовалось двадцать, тридцать... пятьдесят лет с того момента, как автомобили обездвигили мир, и он почти замер, и динамичное движение выродилось в вялое шевеление, — чтобы прогрессивные ученые пришли к выводу: к пробкам привыкнуть нельзя!

Паника охватывает население; уже более четверти водителей подвержены ей. Не об этом ли Назар пытался и пытается докричаться, в первую очередь — до правительства?

Правда, в правительстве кто-то уже и так помогает ему...

Размышляя так, он рассматривал девушку в «дельте». Что-то в ее лице было неправильно и необычно, что-то не дававшее возможности определить, красиво это лицо или нет. Оно жило и пульсировало. Девушка постоянно гримасничала, поправляла волосы, ерзала на сиденье, поворачивала голову то вправо, в его сторону, то влево, в сторону встречи. Трудно было представить ее статичной, застывшей. Назар подумал: наверное, если бы ему показали фотографию этой девушки, он бы не понял по снимку, какая она в жизни, не заинтересовался бы ею. Сейчас же ему хотелось смотреть и смотреть, как она двигается, щурит глаз, откидывает волосы со щеки, поворачивает голову... ловит его взгляд и с деланным равнодушием отворачивается... но через пять секунд, разумеется, опять невзначай посматривает на него...

А потом девушка вдруг совершила дикий неоправданный маневр, и ее вынесло на встречную полосу.

Был сокрушительный лязгающий удар, затем — еще один. И был самый сильный в жизни страх, когда он бежал к ее машине, надеясь, что она — пусть пострадала, пусть ранена и напугана, — но, главное, жива.

5. КРАХ

Loser

Утро субботы прошло в тумане.

Олег и Алиса заботливо поддерживали Ингу. Дочь приготовила омлет с томатами и тостами и сварила кофе. Олег принес завтрак в спальню. А когда Инга с трудом заставила себя встать и выползти из комнаты, испугавшись, что Ванюшка до сих пор не накормлен, выяснилось, что Алиса накормила малыша, собрала и отбыла с ним в гости к Аньке.

Значит, Аня приехала за племянницей и племянником, на рассвете проснулась в свой выходной — чтобы она, Инга, могла валяться до полудня, упиваясь жалостью к себе...

Олег, как мог, пытался расшевелить жену.

— До суда у нас много времени. Тебе ведь к пяти? Если хочешь, можем посмотреть ретрофильм. Мелодраму или комедию — выбери из своих любимых.

Говоря так, Олег массирует ей шею. Инга застонала: муж нащупал проблемный позвонок, из-за которого ее мучает мигрень. Неужели наконец-то появилось время, чтобы заняться собой?

И действительно, почему бы им вместе не посмотреть фильм? Повалиться в постели, как в юности, включить какую-нибудь слезовыжимательную чепуху. Разве не это лучшее времяпровождение супругов, пристроивших детей на выходные к родственникам?

Когда наступил полдень, Олег принес ей планшет.

— Я уже проголосовал, — сказал он. — Очередь за тобой.

— За кого голосовал? — уточнила Инга, хотя и так понимала; вопрос был лишним.

— Мы ведь все позавчера обговорили.

Инга кивнула, нашла нужную строку, выбрала: «Алтурмесов Измаил Елдарович» — и нажала: «Проголосовать».

— Мы изменили своим консервативным привычкам, — заметила она.

— Уверен, что это правильный выбор, — отозвался Олег.

Вечером он отвез Ингу в суд, а сам отправился на общественную парковку, располагавшуюся за четыре квартала от казенного учреждения.

Инга вошла в здание правосудия и поднялась на восемнадцатый этаж.

В коридоре под дверью зала суда номер сто семнадцать сидела вчерашняя девушка, водитель «дельты». Рядом с ней сидел слонопотам в черной полицейской форме. По тому, как полицейский наклонился к девушке, по его приглушенному тону, по выражению лица Инга догадалась: это не сопровождающий надзиратель, а друг или родственник.

Девушка подняла голову и посмотрела на Ингу. Щека ее припухла, а на подбородке темнел хирургический шов с усиками. Небольшой, подумала Инга. Шрама не будет...

Неожиданно для себя она подбадривающе улыбнулась девушке. Та вздрогнула и быстро отвела глаза. Инга вспомнила, что у нее под глазами отеки. Вероятно, девушке из «дельты» стало не по себе, ведь она — виновная сторона.

Инга села поодаль. Свободных мест было много.

Наконец ее вызвали. Инга вошла в кабинет.

— Здравствуйте, ваша честь, — робко поздоровалась она.

Пожилая тетка-судья в черной мантии не удостоила ее даже кивком. Помощник судьи, хлыщеватый молодой человек, косясь в приложение, почти без запинки зачитал обстоятельства аварии. Тетка-судья хмуро кивала. По ее лицу можно было подумать, что она впервые слышит эту историю. Хотя авария, безусловно, обсуждалась и перемалывалась многократно за последние сутки (кроме такой инстанции, как пресса, в которую власти традиционно старались не пропустить какие-либо новости, потому что «этожепаника»).

Хлыщеватый помощник умолк.

— Подтверждаете? — спросила судья, подняв на нее рыбы глаза.

— Подтверждаю, — кивнула Инга.

— Тогда распишитесь — здесь и здесь.

Инга послушно ткнула пальцем в планшет — туда, куда ей указали.

— Суд удаляется для вынесения решения, — важно объявил помощник.

Судья поднялась и, покачивая пышным низом, как у барышни-самоварышни из маминой антикварной кухонной коллекции, выплыла в заднюю дверь. Хлыщеватый помощник последовал за ней.

Инга осталась одна всего на несколько минут, однако ей показалось, что время тянулось бесконечно долго.

— Встать! Суд идет! — под этот рык судья с помощником вернулись в зал.

Тетка в мантии расправила траурные одеяния, взгромождаясь на свое место.

— Суд постановил... Считать Косоротову Ингу Витальевну пострадавшей стороной в дорожно-транспортном происшествии. Компенсировать моральный ущерб за счет страховой компании, с выплатой Косоротовой Инге Витальевне денежного довольствия в размере ее средней полугодовой заработной платы. Компенсировать материальный ущерб, связанный с порчей дорожно-транспортного средства, за счет страховой компании, с погашением ущерба фирме, предоставившей временное транспортное средство в пользование Косоротовой Инги Витальевны. Компенсировать самой Косоротовой И. В. материальный и физический ущерб, связанный с причинением легкого вреда здоровью. Оформить Косоротовой И. В. трехнедельное пребывание в реабилитационном центре санаторно-курортного типа либо, в случае ее отказа, оплатить стоимость реабилитационного лечения в денежном эквиваленте, позволяющем пройти данное лечение на дому. Полагать Косоротову И. В. пребывающей в лечеб-

но-восстановительном оплачиваемом отпуске сроком на три недели. По истечение трех недель, необходимых на прохождение полного курса водительской реабилитации, выделить Косоротовой И. В. новое страховое транспортное средство с доставкой автомобиля на дом...

Инга слушала и машинально кивала.

Все ведь хорошо? Все хорошо. Олег согласится с этим.

— Требуется ли вам разъяснения решений суда? — обратился к Инге хлыщеватый помощник.

Инга молчала.

Судья молчала. Помощник молчал. Все смотрели на нее.

— Сударыня? — переспросил помощник.

— Скажите, ваша честь, — вдруг заговорила Инга, неожиданно для себя, — что будет с той девушкой — водителем «дельты»? Дело в том, что я не видела обстоятельств ее выноса на встречу. Но даже если бы и видела... У меня лично нет к ней претензий. И если вдруг у третьего водителя тоже нет претензий... да, вдруг у него их нет...

Хлыщеватый помощник кашлянул. Судья нахмурилась.

— Я просто не хочу, чтобы ее наказывали за эту ошибку, — пролепетала Инга.

(Что я несу? Зачем это мне?)

— Суд требует ответить: требуются ли вам разъяснения решений суда? — прервал ее тираду хлыщеватый помощник.

Видимо, парень волновался, поскольку голос сорвался на последнем слове, и он «дал петуха».

— Да, мне все понятно. Я хотела только...

— В таком случае распишитесь — и вы свободны.

«Распишитесь»... Старомодное слово! Никто уже давно нигде не расписывается. В обиходной, да и в официальной, административной речи вообще много бессмысленных понятий. Например, самая неподвижная в мире вещь, обозначающая расположение машин на дорожной ленте, называется «дорожным движением» — а ведь оно *почти не движется*.

Инга приложила палец к графе: «Подпись пострадавшего».

— Вы свободны.

Помощник судьи уже не выглядел хлыщеватым. Инга представила, как он берет ее за шиворот, подводит к двери и выставляет за порог.

— До свидания, — выдохнула она.

На судью Инга больше взглянуть не осмелилась.

Оказавшись за дверь, на которую указал помощник судьи, она сообразила: это совершенно другой выход, ведущий в широкий холл, а не в коридор. Так специально задумано, чтобы она больше никогда не пересеклась с той девушкой, водителем «дельты».

— Ну зачем ты высунулась?

Олег покачал головой и перестроился в другой ряд. Они ползли за большегрузом с прицепом.

— Может, потому, что мне стало ее жалко, — ответила Инга. — А может, чего-то не хватило в этом спектакле под названием «суд». Какой-то объективности...

— Объективности ради выскажусь. Я ехал за тобой и видел вашу аварию. Своими собственными глазами. Она была виновата. С какого бока ни взгляни.

— Но ведь никто не спросил, почему ее вынесло на встречу, — возразила Инга. — Никто не попытался выяснить причины.

— Не попытался, потому что и так все понятно. Да забудь ты о ней. Радуйся, что все решено в твою пользу, — подвел черту Олег и, свернув на третий ярус, распрощался с многотонным чудовищем, ползущим на перегруженный нижний ярус. — Главное — что мы с тобой не понесли убытков. На этот раз...

— Как ты правильно заметил, «на этот раз», — вздохнула Инга. — Недотепы мы... лузеры...

— Зато сейчас нас встретит «дотепа», — Олег повернулся к Инге. — Готовься! Счастье, если старик Кулагин не припрется погордиться идеальной младшей дочерью в выходной день.

Квартирка у Ани была экзотическая. Не успев войти, Инга тут же зацепилась прической за длинную гибкую лиану и, охнув, принялась высвобождать мгновенно затянутую в зеленый плен, опечатанную клейким соком прядь волос.

Из гостиной вышли Аня с Ванюшкой на руках и Алиска в новом укороченном платье, видимо, только что подаренном тетушкой. (Ну что это за пошлость — розовое? неужели, в Анькином представлении, девочка-подросток должна ходить вот в таком?)

Аня шагнула навстречу лиане и, вытянув шею, зашипела на нее. Лиана мгновенно отпустила Ингины волосы.

Алиска подбежала к родителям:

— Мама, папа! Смотрите, какое у меня платье!

— Ах ты, моя красавица, — заулыбался Олег. — Привет, Ань. Спасибо за догляд, за гостеприимство.

Забирая Ванюшку из рук сестры жены, он мазнул Анину щеку поцелуем. Аня опустила глаза, грациозно обвила руками шею Олега и игриво коснулась его губами, почти клюнула (почти в губы! нахалка), затем неспешно подошла к Инге и, наклонившись, поцеловала ее в щеку.

— Как чувствуешь себя, сестричка? Я просто в шоке! С тех пор как Олег мне позволил, в себя не могу прийти.

— Нормально. Жива, как видишь.

— Ой-й, а лицо!

Инга вздохнула и промолчала.

— Ничего страшного, — вмешался Олег. — Доктор сказал, что через три дня уже и следов не будет.

— Ма-ам! Как тебе мое платье? — Алиска соорудила жалобную гримаску.

— Хорошее, доченька. Спасибо, Аня.

Инга с большим трудом выдавила слова благодарности. И заставила себя поцеловать сестру.

— Пойдемте кофе пить, — сказала Аня, увлекая их в кухню. — Вы ведь все равно у меня ночевать останетесь — времени вон уже сколько...

— Да, придется нам тебя потеснить, — вздохнула Инга.

— Переживу. У меня просторно, — улыбнулась Аня.

— Пап! Я с Ванюшкой доиграю, хорошо? У Ани есть седьмая версия «Круиза Автоежки и Автоежика».

Ванюшка, который только что куксился и тер глаза, засмеялся и потянулся с отцовских рук к сестре.

— Поиграй с ним, конечно. От заварного кофе я бы не отказался, — это Олег.

— А я бы — от коньяка, — услышала Инга собственный голос.

— У меня все есть! — Аня тепло улыбалась. — Располагайтесь.

Когда кофейная машина уже фыркала и коньяк для Инги был налит в коньячный бокал (сама Аня отказалась пить со стандартной формулировкой: «Мне еще работать»), прозвучала трель от входной двери.

Инга и Олег переглянулись: неужели отец?..

— Дорогие, это по работе. Вы отдыхайте, я быстро.

Аня вышла из кухни. Олег с Ингой остались одни за большим круглым столом, покрытым экоклеенкой.

— Она милая, правда? — Олег понизил голос. — И к тебе относится искренне.

— Милая, — повторила Инга машинально.

— Значит, пора простить девчонке ее успех.

— Ты что, думаешь, я завистница? — Инга посмотрела в глаза мужу, из-под набрякших синюшных век блеснули слезы.

— А разве это ненормально — завидовать ближнему и желать для себя такого же успеха?

Инга почувствовала, что сейчас разревется.

— Дорогой, обещаю, что ты завтра же отправишь свое резюме на сайт «Высший резерв»!

— Ну, если для тебя это важно... Раньше ты меня не просила об этом.

— Да, для меня это важно.

— Хорошо. Я отправлю резюме.

— Спасибо тебе.

— За что, глупышка? Все ради тебя.

Они сидели за столом, улыбаясь друг другу, — высокий худой мужчина с усталыми глазами и женщина с распухшим, словно от побоев, лицом.

— Хочешь еще коньяку? Поскольку мне теперь только завтра за руль, я бы, пожалуй, присоединился.

Инга встала из-за стола, подошла сзади к мужу и обняла его.

— Уговорил. Наливай! Пойду посмотрю, что там делает Аня.

Она вышла из кухни.

В оранжерею к ней жадно потянулись лианы и ветви, обрадованные новому посетителю. Инга протискивалась вперед, бесцеремонно расталкивая их руками. У входной двери Аня негромко разговаривала о чем-то с огромным хмурым полицейским. Это был тот самый «слонопотам», которого Инга видела сегодня возле зала суда.

Они встретились взглядами. В глазах стража порядка последовательно отобразились удивление, неприязнь и тяжелая тоска. Будто это ее, Инги, вина, что девушка из «дельты», его сестра или жена, наказана за свою же собственную небрежность...

Инга застыла посреди оранжереи. Неопознанное дружелюбное растение потянулось к ней цветочным ротиком с шевелящимся пестиком-язычком. Растение пощекотало Ингино ухо и, удовлетворенно присвистнув, принялось его сладострастно обсаживать. Инга дернулась, щелкнула по цветку двумя пальцами, и тот быстро втянулся в заросли, а она принялась тереть зудящее розовеющее ухо.

Полицейский отвел тяжелый взгляд, отрывисто сказал что-то Ане и, попросившись, быстро вышел. На дверной панели появилась надпись: «Closed».

Аня обернулась и увидела сестру.

— Ну что, с работой покончено? — спросила Инга.

Полицейский покинул квартиру — и словно все ушло вместе с ним. Авария, суд, разборки со страховой компанией — ничего этого больше не было. Только две сестры, стоящие в коридоре друг напротив друга.

- Все! Я свободна!
  - Мы с Олегом выпиваем, — Инга потянула Аню за руку. — Пошли, составишь компанию.
  - Спойть меня хочешь? А если я нажалуюсь папе?
  - Тогда я тебя побью, малявка.
- Сестры расхохотались и обнялись.

Victim

Меньше всего на свете Сергей хотел встретиться в суде с участницами вчерашнего столкновения на дороге. Вдруг обе явятся в суд одновременно? Какая сцена разыграется на его глазах? Женщины не умеют себя вести. Еще, чего доброго, накинутся друг на друга с оскорблениями — и все это при нем, единственной их жертве!

Однако он их не встретил ни в коридоре, ни в зале.

На суде он подтвердил, что является пострадавшей стороной и не нуждается в разъяснении судебного решения, а вместо реабилитации запросил денежную выплату. Судья была страшная пожилая бабища — доверяют ведь кому попало решать судьбы законопослушных граждан!

Накануне он отказался от медицинского освидетельствования, однако отчет бригады «Скорой помощи» о том, что участник ДТП Рябинин С. А. получил травму неустановленной степени тяжести и ему оказывалась первая медицинская помощь, уже лежал в папке судьи. Помощник судьи, худой заикающийся молодой человек, явно затюканный этой пучеглазой тумбой в мантии, страдающий выраженным нервно-психическим расстройством, трижды переспрашивал, требуется ли Рябину медицинское обследование и лечение. На третий раз Сергей раздраженно повторил уже сказанное: в санаторно-курортном лечении он не нуждается, вред его здоровью причинен не был, и он только ждет решения суда, чтобы подать заявление на страховое возмещение материального ущерба.

Голова болела сегодня уже по-новому, не так, как обычно. В черепной коробке словно медленно проворачивалось зазубренное колесо. Временами Сергей готов был взвыть: боль была приступообразной.

После того как суд удалился на совещание, а затем вернулся в зал, нервный помощник судьи огласил: Рябину доведут окончательное решение, которое пока не сформулировано, поскольку дела двух других фигурантов сегодня еще не рассматривались.

Вернувшись после судебного заседания, Сергей открыл в планшете приложение, вышел на сайт «Выборы онлайн» и отдал свой голос за Алтурмесова.

Остаток субботы он провел дома, валяясь на диване, приложив к голове пузырь со льдом. Сергей выпил снотворное, но препарат не подействовал. Настя не было дома — она отправилась на вручение водительского удостоверения и диплома об окончании Автоакадемии. С отличием. Сергей через силу улыбнулся, подумав о том, какая у него талантливая и волевая дочь.

А ведь вчера, когда случилась авария, Настя выбежала из машины и бросилась к Сергею. Она рыдала, обнимая его, пока не подошел инструктор, не отцепил ее от Рябина и не отбуксировал назад в машину. Инструктор был невозмутим, как придорожный столб. Он просто выполнил свой долг: экзаменуемый не должен покидать автомобиль, а его инструктор обязан за этим проследить. Разумеется, Настю простили: ни в одной инструкции не указано, что должен делать экзаменуемый, если на дороге в двух шагах от него истекает кровью его отец. Теперь Настя станет полноправным членом общества. А обеих этих баб следовало бы навеки лишить водительских прав!

Позвонил Андрюха Вожев, поделился новостями. Вторая авария за неделю — видимо, что-то неладное происходит в астрале...

Вожев поинтересовался:

— Почему тебя к нам не вызвали?

Рябинин усмехнулся: как товарищи-техники не заметили его на дороге, не обратили внимания на номерной знак его разбитой машины...

— Брал выходной. Дочка сдавала Экзамен, — ответил Сергей, решив не вдаваться в подробности.

— Тогда понятно. Благополучно сдала?

— Да.

— Молодец! Нас пока не уволили. Но я со следующего месяца увольняюсь сам.

— Пришел положительный ответ из Сафари?

— Точно! У меня высокий рейтинг. Подхожу по всем параметрам!

— Что ж, поздравляю. Будь здоров! Успехов тебе на Сафари!

Андрей поблагодарил, попрощался и пожелал Сергею «тоже не хворать».

Сергей вспомнил, как вожевская бригада быстро и бодро растаскала металлоконструкции. Работали рьяно, словно доказывали кому-то свою нужность, полезность. Хотя вокруг не было никого, кроме несчастных жертв аварии, равнодушных полицейских да испуганных выпускников и их родителей.

Прощание с Андреем принесло облегчение: из-за разрастающейся боли у Сергея попросту не было сил продолжать разговор.

Лампочка у настенного монитора замигала: пришел мейл. Сергей щелкнул пальцами, что означало: Сим-Сим, откройся! Экран осветился.

— Немо! Вслух, пожалуйста, — велел Рябинин.

Его персонального виртуального помощника звали Немо. Сергей давно не читал книг — после разбора сотен заявок в день глаза и мозг воспринимали только фильмы, — но любимые старые книжки, хранившиеся в доме до момента Обязательной Утилизации, случалось, листал уже и взрослым.

— Довожу до вашего сведения, — умиротворяющим негромким баритоном заурчал Немо (еще не хватало, чтобы его персональный помощник разговаривал визгливым женским голосом), — что вам будет начислена денежная компенсация санаторно-курортного лечения. Согласно заявлению номер триста сорок три тысячи пятьсот семьдесят три, вы больше не являетесь лицом, получившим телесные повреждения, как и вред здоровью любой степени тяжести, в результате дорожно-транспортного происшествия, имевшего место...

Он слушал с тоскливой гримасой, чувствуя, как прокручивается внутри головы зубренное колесо.

— Отсутствие вреда, причиненного вашему здоровью, запотоколировано в судебном решении и послужит фактором, влияющим на вынесение судебного решения в отношении виновной стороны — Бельчонок Лилианы Денисовны. (Он хмыкнул: виновная в аварии, конечно, не могла называться никак попроще; именно от таких, с «поворотом мозгов», и происходят крупные неприятности.) Подпись: мировой судья Хмарчук Валентина Андреевна.

«Выходит, я частично помог виновной избежать правосудия, — подумал Сергей, морщась от боли, уже покинувшей свою геолокацию — черепную коробку — и сладострастно пульсировавшей в шее и левом плече. — Две бабы встретились на дороге. Не поделили дорожное полотно. А меня угораздило оказаться между ними. Будто я — начинка сладкого пирожка. Пострадал от женщин, в который раз... Хотя куда деваться от них, Господи...»

Интерактивный экран на стене слабо засветился.

— Экстренный выпуск новостей, — сообщил голос с металлическими нотками.

Сергей с трудом повернулся к экрану. Из престижного жилого небоскреба, карман перед которым был заставлен полицейскими машинами, выводили кандидата в губернаторы Измаила Алтурмесова. Тот крутил головой на тонкой шее и озирался по сторонам, видимо, не веря в происходящее. Тротуар был запружен людьми.

— Сегодня утром был взят под стражу кандидат в губернаторы Измаил Алтурмесов, — сообщил робот, как показалось Сергею, со злорадством в голосе. — Вскрылись факты, указывающие на его причастность к затоплению подземных парковок в доме номер сто сорок восемь по Гаражнокомплексной улице мегарайона А. Голоса, отданные гражданами Полиса за кандидата Алтурмесова, будут аннулированы. Эти граждане могут переголосовать в установленном порядке до семнадцати часов...

Сергей тихо, почти про себя выругался. Он был бы не просто поражен, разочарован. Скорее, раздавлен...

На запястьях Алтурмесова блестели полоски наручников. По его растерянному лицу нетрудно было догадаться, что уж он ошарашен куда больше других. Несостоявшегося губернатора и группу полицейских окружила толпа репортеров и просто прохожих, снимавших арест на волнофоны.

Робот-комментатор продолжал бодро трещать.

«Вот так... — подумал Сергей. — Никому нельзя верить. Ни бабам, ни властям. Как они мне все осточертели...»

Он застонал и перевернулся на правый бок, лицом к стене. Левый висок горел адским пламенем. В место удара, где пощипывало кожу, где еще кровоточила под пластырем свежая ссадина, словно ввинчивали раскаленный штырь.

Сергей прижал к голове пузырь со льдом, закрыл глаза, вздохнул...

И умер.

Crash

В современном мире не так много серьезных напастей. Основные несчастья — собственная смерть или уход из жизни кого-то из близких. От старения или болезни даже в идеальном обществе никуда не денешься.

Безусловно кризисный момент — отправка на «конечную станцию дожития». В Социальный дом. Около восьмидесяти процентов пожилых людей доживают свои дни в таких домах.

Поломка машины, затопление автомобиля на придомовой парковке — крупные неприятности, но это еще куда ни шло.

В ряду самых тяжелых злоключений, выпадающих на долю человека, стоят провал экзамена в День водителя и лишение водительских прав.

Лина полностью оправдала свое прозвище — «Катастрофа», когда ее лишили прав на десять лет. Не пожизненно — как она догадывалась, благодаря вмешательству старшего брата, задействовавшего все мыслимые и немыслимые рычаги. А может, благодаря Государственной премии, все-таки ставившей Лину рангом чуточку выше ее класса и среды.

Теперь ты можешь работать с заказчиками в дистанционном формате. Можешь ездить по улицам на самокате. Можешь литрами пить свой кофе, ходить в Дворомаг... Да, можешь пройти дистанционное обучение и получить дополнительные сертификаты, найти новых клиентов и даже повысить свой доход.

Одна проблема: куда и на что тратить деньги человеку, обреченному, по сути, на домашний арест?

Первые сутки после суда проходили как в мешке со звукопроницаемыми стенами. Болела челюсть, но не сильно; она принимала обезболивающее. Скобу наложили просто отлично. Когда рот закрыт, почти ничего не видно. Вот только швы снаружи, под губой... Они заметны и противно стягивают кожу.

Лина так бы и провалялась в кровати все воскресенье, но это был «бабулин день». Пришлось собираться и идти.

Бабуля Лора жила поблизости — на самокате десять минут. Лина выбирала время, когда поток самокатчиков минимален. В последнее время на тротуарах тоже образовывались пробки.

Машины стояли плотными рядами — суббота! Кому в Социальный дом к родителям, кому в Мегамаг, а кто-то и работает в режиме выходного дня. Если бы не долг перед бабулей, Лина бы не вышла из дома в этот день. Ни за что и никогда. И вообще не появилась бы на улице до тех пор, пока не прошла курс психотерапии и не проработала потерю.

Интенсивный курс психотерапии по решению суда ей оплатит Полис. Нарушитель, виновный в аварии, тоже гражданин и тоже жертва. Еще не хватало, чтобы наказанный совершил суицид или начал выражать свой гнев какими-то другими способами.

Лина и не думала отлынивать от психотерапии. Первый сеанс состоится сегодня вечером, поэтому у бабули особенно не засидишься. Или, если она застрянет там, придется подключаться по ссылке, присланной ей в утренней почте, и тогда бабуля Лора, которая отлично соображает, несмотря на возраст, узнает все... Что она тогда скажет? Трудно даже спрогнозировать.

Маме они с Ленкой решили не сообщать.

— Бабуля, это я, — окликнула Лина, войдя в прихожую.

Она навещает бабулю Лору в одно и то же время, но та все равно, бывает, пугается, услышав стук из прихожей. Как-никак девяносто шесть лет.

Послышался скрип, и в прихожей показалась бабуля, опирающаяся на ходунки. Худющая (в действительности имевшая отменный аппетит), когда-то высокая, а теперь ниже внучки на полголовы (энергичные спортивные люди «утаптываются» за жизнь не меньше, чем обжоры и лежебоки), с ежиком седых, подкрашенных фиолетовой краской волос, бабуля Лора выглядела, как изможденная девчонка-подросток. Правда, вблизи и на дневном свете, а не в теплом слабом освещении прихожей, становилась заметна выдававшая возраст сетка морщин на лице и шее.

— Внучка, — низким грудным голосом откликнулась бабуля. — Линочка. Дай я тебя обниму.

Лина наклонилась к бабуле, прижалась к ней. Даже дышать перестала, чтобы невзначай не разреваться. Но глаза все равно пощипывало. Потерлась щекой вместо поцелуя. Бабуля плохо видит, она не заметила усики швов под губой.

— Мой руки, проходи на кухню, — бабуля махнула ей и бодро застучала ходунками по коридору.

Ее ноги в мягких войлочных тапках переступали беззвучно. Лина направилась в ванную комнату.

Бабуля Лора была не одна. На кухне сидела с чашечкой кофе женщина по имени Эльмира. Она была одета в униформу соцработницы общественной организации «Милосердие»: неброский кремовый костюм — брюки, жакет без лацканов, на шее — силеневый шарфик с двумя красными полосами. Лина знала ее совсем недавно и толком ни разу не успела с ней поговорить, но интеллигентная, корректная Эльмира ей заочно нравилась.

Эльмира приветливо кивнула Лине, но тут же заметила шов под губой, и на лице ее отразилась профессиональная готовность к сопереживанию. Лина чуть заметно предостерегающе качнула головой.

— Привет, Эльмира, — поздоровалась она.

— Здравствуйте, Лина, — произнесла Эльмира, не сводя с Лины сочувственного проницательного взгляда.

Лина села на высокий табурет у барной стойки. Это было ее облюбованное место на бабулиной кухне.

— Свари себе кофе, — предложила бабуля. — А заодно и мне.

— Я сварю, — Эльмира привстала с места.

— Спасибо, я сама, — упредила Лина.

...Чашечка в виде чайной розы, знакомая ей с детства. Бабулина квартира — та самая, в которой росли они с Ленькой. В кухне чисто, сияют светлые настенные панели и сенсорная плита (соцработник знает свое дело).

Эльмира тихонько рокочет, рассказывая бабуле свежие новости: что в Дворомаге, что на предвыборных дискуссиях... Хит недели: горожане обсуждают аварию в День водителя. Властям не удалось «избежать паники»: слишком много было свидетелей. Не возьмешь же со всех подписку о неразглашении и за фейк никого не притянешь, потому что это чистая правда.

Бабуля ахает, качает головой; трудно поверить услышанному, пожилая дама уже и забыла о том, что такое «авария». Забыла, хотя много лет назад под колесами легкового автомобиля погиб ее брат-подросток. Лина вздрагивает, вспомнив бабулину историю: только теперь она начинает понимать, как такое могло случиться с братом Лоуренсом...

Лина выпивает горький кофе и выходит из-за стола, сказав бабуле, что хочет заглянуть в их с Ленькой детскую. Она уже несколько лет не открывала дверь в эту комнату. Если бабуля и удивлена, она не подает виду, а ласково кивает:

— Иди, дорогая. Я пока обсужу с Эльмирой дела на следующую неделю.

Эльмира недавно работает у бабули, но уже расположила ее к себе. До Эльмиры много лет приходила Ольга — крепкая, мужиковатая, спокойная. Но потом Ольга перенесла инсульт, и теперь она сама в Социальном доме. Бабуля взяла с Лины слово, что когда-нибудь, когда она «отдохнет и восстановится» (читай — помолодеет), Лина свозит ее навестить Ольгу.

Лина больше не может терпеть душевную боль. Она вваливается в свою бывшую детскую, падает прямо на кудрявый шерстяной коврик, вниз лицом, и плачет навзрыд, как девочка. И нет рядом мальчика-брата, чтобы ее утешить...

Наплакавшись, Лина ходит по комнате, трогает полки, снимает и листает книги. Они с Ленькой заплатили нереальную сумму и скопировали большую часть своих детских книг в тот год, когда всю бумагу приказано было сдать в переработку. Теперь в старом шкафу их бывшей детской хранится целая коллекция книг из экобумаги, почти неотличимых от настоящих — с чудесными цветными иллюстрациями, с загнутыми на самых интересных местах страницами и с продранными кое-где корешками... все точь-в-точь, как они оставили после детства. Лина дует на фигурки Ленькиных монстров, проверяя, нет ли на них пыли (разумеется, нет ни пылинки, иначе Эльмира не носила бы шарф с двумя красными полосками, означающими «высшую категорию»). Ложится поочередно на «водяной матрас» — Ленькин, потом на жесткий диванчик — свой (она с детства берегла осанку и спала на твердой поверхности). Она валяется на своей детской постели так долго, что почти получается задремать...

Навестив свою комнату, Лина бродит по большой квартире. Ей нравится бабулин кабинет с антикварной мебелью. Тяжелый стол, затянутый зеленым сукном, в тон ему — зеленая лампа, жесткие кресла с резными спинками и ручками, обтянутые кожей. Книжный шкаф с восстановленными экокнигами по искусству и литературоведению. («Они не пахнут!» — всхлипывая, говорила бабуля недоумевающим Лине и Ленке, восстановившим ее библиотеку после утилизации бумажных книг. Больше всего бабуля сокрушалась по тем книгам, которые так и не были восстановлены — по решению Ведомства, Название Которого Никто Не Произносит Вслух. Этот шкаф — не просто стандартный стеллаж с полками, а настоящий реликтовый шкаф с деревянными резными дверцами и витражными вставками в них («Модерн, модерн!»))

В эркере притулился типовой компьютерный стол. За тем, первым, старинным столом можно только читать книги, с ним совершенно не вяжутся огромный плоский сенсорный экран и подвесной мини-процессор. Для чатов и блогов, для просмотра новостей у бабули есть отдельный столик... Агрегат (так многие люди старшего поколения называют свою компьютерную технику) никогда не находится в состоянии покоя. Даже когда он не используется по назначению, он все равно продолжает работать: ионизирует воздух, измеряет и урегулирует температуру окружающей среды, расщепляет пылинки. Бабуля оформила кабинет таким образом, чтобы компьютер не бросался в глаза сразу на входе, не нарушал тяжелую пахучую атмосферу Догуманистической эпохи.

На полках выставлены фотографии. Не скриншоты — настоящие фотографии, которые печатали на толстой глянцевой бумаге в специальных фотомастерских. Их не потребовали утилизировать в отличие от журналов и книг. Бабуля сидит верхом на гнедой лошади. Бабуля, тонкая и гибкая, с развевающимися волосами летит на водном скутере, пригнувшись к рулю, чтобы удержать равновесие. Бабуля стоит рядом с дедушкой на берегу озера...

Наверное, это очень дорогой курорт: *защита* здорово замаскирована, такое впечатление, что босыми ногами дедушка с бабулей стоят по щиколотку в воде... Или — спецэффект? К самому озеру подступают сосны, некоторые из них нависли кривыми ветвями над самой водой...

Нет, это не спецэффект. Лина вдруг почувствовала свежий ветерок на своем лице, вдохнула аромат хвои. Снимок был непрофессиональным. Его сделал наспех какой-нибудь их приятель. Может, даже маленький будущий папа Лины и Ленки сфотографировал своих родителей. Никаких эффектов, никакого постановочного кадра. Это — кусочек жизни...

Озеро не защищено силовым полем.

Значит, такое было возможно...

А вот опять — дедушка и бабуля, в компании веселых, счастливых, лохматых и, похоже, подвыпивших людей. Это — писатели; большинство из них зрелы, немолоды, хотя есть и две-три совсем юных физиономии. Вся компания стоит на фоне какой-то хибарки; это настоящий деревянный дом, ветхая развалюха, как из старинных сказок про Бабу Ягу. Дедушка легонько придерживает бабулю за локоть, словно опасаясь, что она сорвется и умчится и он ее не догонит («моя кобылка» — со слов папы, так дедушка шутливо называл бабушку). По дедушке сразу видно: знаменитость. Он стоит в центре группы... Интересно, он был хорошим писателем? Лина когда-то пыталась читать дедушкины книги — у бабули их целых две полки, — но не смогла; ей и ее поколению уже непонятно, о чем они...

Фотографий отца в кабинете нет, но Лина знает: папа на заставке бабулиного монитора и на дисплее волнофона, и его лицо в виде голограммы появляется посреди бабулиной комнаты, стоит активировать систему...

Когда Лина вышла в коридор, Эльмира уже прощалась с бабулей Лорой.

— ...И обязательно навещу вас в понедельник и во вторник. Потом меня не будет несколько дней.

— Да-да, я помню.

— Вы справитесь без меня, Лора Даниловна? Буду очень переживать.

— Спасибо, дорогая. Разумеется, справлюсь!

— Я буду навещать ее, не беспокойтесь, — проговорила Лина. — Вы где стоите?

Эльмира взглянула удивленно.

— На каком ярусе припарковались? С гостевой парковкой проблемы не возникло?

Бабуля как-то странно хмыкнула. И только тогда Лина заметила в углу еще один самокат, не бабулин и не ее собственный, явно принадлежащий гостю.

Эльмира засмеялась, выкатывая свой транспорт на лестничную площадку:

— Спасибо за беспокойство, милая, да только я — не водитель.

— Но как же... Вы хотите сказать...

Лина уже поняла, она знала ответ — вернее, ответов могло быть два, — однако реакции ее все еще оставались прежними, *доаварийными*.

— Нет, не лишение прав, — откликнулась на ее незаданный вопрос Эльмира. — Я из так называемых «отбракованных невест».

И рассмеялась.

Бабуля вышла на лестничную площадку. Она тоже посмеивалась и переглядывалась с гостьей, и никакой неловкости не ощущалось.

— Мне пора, дорогая. При следующей встрече я вам все расскажу, — проговорила Эльмира и нажала на кнопку лифта. — Или пусть ваша бабушка вам расскажет. Хорошо, Лора Даниловна?

Бабуля кивнула:

— Расскажу, если ты не против.

— Конечно, нет.

Подожел лифт. Дверь бесшумно отъехала в сторону.

— Как вы живете? — не удержавшись, задала Лина самый главный для нее вопрос.

— Лучше всех!

Эльмира улыбнулась, дверь закрылась, и лифт пополз вниз.

Лина неподвижно стояла на пороге, прильнув к дверному косяку...

— Пойдем, я тебя покормлю, — бабуля обняла внучку, — ты ведь голодная. Эльмира приготовила отличные творожники с кремом. Расскажу тебе о ней... А знаешь что? Накрой, пожалуйста, столик в моем кабинете. Мне бы хотелось посидеть с тобой, как с другом. Как сидели люди в старину. А то все — кухня, кухня...

Они пили кофе. Бабуля сидела в своем рабочем кресле, Лина — примостившись с ногами в дедушкином, в которое им с Ленкой запрещалось забираться в детстве. Самого дедушку Лина не помнила, но знала, что кресло он любил. Когда-то привез его с зарубежной книжной ярмарки. Дедушка приобрел там пару десятков книг и это кресло. Оно было жесткое, просторное, с высокой спинкой. Изредка, когда они с бабулей пили кофе в кабинете, Лина ставила свою чашечку кофе на широкую деревянную ручку.

— Эльмира — из «отбракованных невест», — рассказывала бабуля. — Так и не научилась водить машину. Даже в Автоакадемию не поступила. Скорее всего, патология развилась из-за сильного стресса. Дело в том, что когда Эльмира была школьницей, ее отца убили. Он сам не водил машину: был принципиальным велосипедистом. А времена настали варварские. На велосипедистов нападали на улицах, избивали, калечили, отнимали велосипеды... Я хорошо помню это время. По улицам страшно было пе-

ремещаться как пешком, так и на транспорте. У водителей в машинах всегда лежали под рукой бейсбольные биты. За холодное оружие полагался тюремный срок, но биты — это ведь не оружие вовсе! Не беда, что в Полисе нет и не было ни одного бейсбольного клуба... И вот — однажды напали на отца Эльмиры. Поздним вечером, когда он возвращался со смены домой. Он работал контролером троллейбуса — тогда еще ходили троллейбусы...

— Кто его убил?

— Какой-то подросток. Мальчишка! Ему даже обвинения не предъявили. Он, правда, в больницу попал: отец Эльмиры защищался...

— Ужасная история, — проговорила Лина и зябко повела плечами. — Ребенок?! Ну и ну.

Помолчали.

— Водить машину Эльмира так никогда и не смогла, — опять заговорила бабушка. — Вышла замуж за бесправного. Распространял фейки о Роудленте. Отсидел... У них сейчас двое сыновей, живут в Велогородке. И ты знаешь, старший мальчик заявил, что останется с родителями! Он последователь этого эколога, Копыльцова.

— Копыльцова? — переспросила Лина.

Перед глазами возник парень, вытащивший ее из разбитой машины. Так вот откуда она его знает!.. Шут-эколог, выдвигавший идеи «благоустройства общества», помог ей и даже понравился. Самое невероятное происходит всегда буднично, словно так и должно быть.

— Да, молодежь часто выбирает себе странных кумиров. Ну а младший сын Эльмиры, напротив, собирается стать образцовым водителем. Хочет быть, как все. И ради младшего сына Эльмира живет с ним половину недели в городской квартире, а другую половину — в Велогородке с мужем и старшим сыном. Весь рабочий график у нее выстраивается по дням, которые она проводит в городе. И знаешь, — бабушка отхлебнула кофе и прищурилась, глянула на внука поверх очков, — меня это вполне устраивает. Мне не нужна ежедневная опека.

— Знаю, бабуля, — кивнула Лина. — Ты очень самостоятельна. Помню, ты не хотела, чтобы я приходила к тебе слишком часто.

— Не обижайся на замкнутую старуху, — бабуля улыбнулась. — Людям моего возраста редко бывает скучно. Мы нуждаемся в частых визитах, только когда у нас что-то болит. А когда здоровье не беспокоит, личные призраки не дают нам заскучать.

Бабушка и внучка одновременно одинаково вздохнули: обе вспомнили своих «призраков»...

— Как ты думаешь, Эльмира — счастливый человек? — спросила Лина после паузы.

Бабуля кивнула:

— Безусловно.

— Но ведь это *жалкая* жизнь! — воскликнула Лина.

Она чувствовала, что вот-вот расплачется.

— Ах, Линочка, когда Эльмира рассказывала о том, как просыпается на рассвете в своем Велогородке, и выходит в сад, и слышит пение птиц... а на листьях лежит настоящая роса, солнце ласково щекочет кожу... Я тогда слушала и завидовала ей. Для меня, старухи, именно это сейчас и было бы счастьем: проснуться, выползти в сад... снять сандалии со своих раздолбанных ножищ — и босиком, босиком по росе!

Бабуля тихонько засмеялась.

«Расскажу ей все, — лихорадочно думала Лина. — Не сейчас, но расскажу. Или сейчас? Нет! В следующий раз. Но уже обязательно...»

Бабуля Лора еще не знала, что теперь у нее появился кто-то, кто может отправиться с нею в Велогородок и остаться жить там, пусть не в собственном, но в арендованном доме. Кто-то, кто будет просыпаться на рассвете и выводить ее в сад, чтобы вместе пройтись по мокрой, колючей траве и послушать пение птиц. Бабулино счастье было совсем близко, но она пока не догадывалась об этом.

Clown

Назар с Наумом встретились в маленькой кофейне. Это было их постоянное место. Друзья обнялись, прошли в «свой» угол и заняли диванчик, после чего, кликнув в приложении «Вызов официанта», дождались появления неуклюжего робота и заказали два *стандартных обеда*: «щи с расстегаем, бефстроганов и морс». И две чашечки кофе, «можно сразу».

— Как они меня раздражают, ты даже представить себе не можешь, — тихо проговорил Назар, глядя в спину удаляющемуся роботу.

Наум, вздохнув, отозвался:

— Скоро во всех точках общепита останутся только эти чучела.

— Знаю. И со временем они отравят всех нас.

Друзья рассмеялись, но веселье тут же потухло.

— Итак, — медленно, раздельно проговорил Наум, — все закончилось.

— Да. Закончилось, — подтвердил Назар.

Наступила пауза. Они посмотрели друг другу в глаза, потом Наум опустил взгляд.

— Как тебе подстава Алтурмесова? Впечатлен? — тихо, одними губами спросил Назар.

— Нет слов. Я, честно говоря, удивляюсь, почему они не тронули тебя...

— Потому что у Алтурмесова рейтинг был выше. Я пока не опасен, — объяснил Назар. — А то бы вы с отцом услышали в сегодняшних новостях, что это я затопил парковки.

— Что тут скажешь... У тебя в Велогородке в сарае есть садовый шланг? Срочно избавляйся, а то пойдешь как соучастник.

Назар невесело улыбнулся:

— Как я все-таки рад тебя видеть вживую...

— Взаимно... Слушай, — оживился Наум, — ты точно решил переезжать в Велогородок?

— Точнее не бывает. Ждал, когда проиграю собственные выборы, чтобы сразу же и переехать.

— И ты бросишь меня одного в тисках железного осьминога?

— Наоборот — приезжай в любое время, дружище. Кстати, — Назар понизил голос до шепота, — насчет «осьминога»: такую метафору могут счесть фейком про восьмой ярус!

— Да... Оговорка по Фрейду... — Наум забарабанил пальцами по столешнице. — Ну, допустим, я буду приезжать в гости. Отца ты тоже будешь навещать, как сейчас — раз в неделю. Но с кем ты будешь торчать в этой глухомани все остальное время? С котом? С выжившим из ума раскаявшимся грешником Анатольичем?

Назар загадочно улыбнулся и не ответил.

Наум присвистнул:

— Неужели женишься?

— А что? Думаешь, рановато?

Наум пожал плечами:

— Ну, если у тебя есть на примете девушка, которая согласится уехать в Велогородок... Тогда, конечно, самое время сделать ей предложение.

Назар кивнул:

— Есть такая девушка.

— Чувствую, ситуация требует пояснений, — заметил Наум. — Мне, твоему лучшему другу, следует знать...

— Что?

— Тут ведь — одно из трех. Либо она — клоун вроде нас с тобой. Либо — бракованная невеста. И наконец, третий вариант...

— Третий, — кивнул Назар. — Не знаю, как ты, а я здорово проголодался. Прервемся на время обеда?

— Хорошо, как скажешь.

Подъехала самоходная тележка с двумя подносами. Кофе по дороге расплескался, но друзья не выказали неудовольствия. Приняв подносы, Наум расставил на столе тарелки и чашки.

На некоторое время наступила относительная тишина, нарушаемая лишь позвякиванием посуды...

Пообедав, они вышли на проспект и пешком двинулись в сторону Роудленты. Их с обеих сторон обтекали самокатчики. Некоторые оборачивались на странных пешеходов.

Машина Наума, припаркованная на технической парковке у самого въезда, была со всех сторон облеплена светящимися стикерами штрафов.

Назар ахнул:

— Сколько же она здесь простояла?

Наум прищурил глаз, припоминая:

— С позавчерашнего вечера. Подумал, что так удобнее и выгоднее: не загонять ее на парковку, не платить утреннему парковщику, не тратить время утром, пока ее выведут со двора... Вчера я дома работал, никуда не ездил. Сейчас посчитаю сумму штрафов и, если терпимо, буду пользоваться и впредь!

И, понизив голос, добавил:

— Жена, конечно, убьет.

— Не знаю, убил бы я тебя на ее месте или нет, но меня ты переплюнул, — Назар покачал головой. — У меня пока только третье предупреждение... — его тон изменился. — И две аварии за неделю.

— Да... Тебе вообще фартит.

Наум завел двигатель нажатием сенсорной кнопки, авторизовался, и друзья с суперсерьезными минами выслушали поток гневных оповещений от робота-полицейского.

— Жаль, что установили внутренние камеры, — тихонько пробубнил Назар, прикрыв рот, чтобы автонадсмотрщик не вздумал прочитать по губам.

Темно-синий «фаворит» медленно заползал на Роудленту, двигаясь к своему третьему ярусу. Роудлента была на редкость спокойной.

— Какая благодать, — констатировал Наум.

Назар потянулся и вздохнул.

— Чувствую, не договорили мы с тобой, — заметил он.

— Да, но не в машине же. Знаешь, что? Завтра воскресенье. Оставляйся у меня на ночь. Раскатаем бутылочку...

— Хорошо, друг. Тогда — к тебе!

— О ней расскажешь?

Назар по голосу почувствовал, что друг улыбается, хотя и не смотрел в его сторону.

— Расскажу... как-нибудь потом. Пока рассказывать особенно нечего. Я ее всего один раз видел.

— Значит, вы встретились в одной из тех двух аварий, которые тебе «посчастливилось» наблюдать?

— Именно так.

Наум озадаченно помолчал, а потом решил и вовсе не высказываться. Назар был ему благодарен за это.

Мимо проскочила ярко-красная гоночная машина. Назару она показалась знакомой. Где он мог видеть ее?.. Неужели?..

Нет, вряд ли такое может быть. Да и подобных машин в центральном Полисе не меньше тысячи.

— Вот летит, свободолюбивая душа, — одобрительно проговорил Наум и сам немного увеличил скорость. — Везунок! Вот только... куда это он?

— В смысле — куда?

— Ну, сам посмотри. Там же *ничего нет!*

Назар проводил глазами красный автомобиль-призрак.

— А может, у него есть пропуск в лучшие миры? — предположил он.

— В автомобильный рай? На свалку-люкс?

Друзья расхохотались.

Lucky

Проснувшись, Валери не сразу понял, где он находится. Тело затекло, особенно левая рука, на которой он лежал всем своим весом. Lucky застонал и потряс кистью, поколотил омертвевшую плоть левой руки правой — сильной, энергичной. Ощутил покалывания — рука была жива...

Он тоже был жив, хоть его и мутило.

Валери потянулся и сел на диване.

Значит, он так и заснул у Ани вчера и провалялся... Который сейчас час?

— А... Кхе... Ань, — позвал он, откашлявшись.

Вроде и не напивался... Неужели оранжерея так одурманила его? Бред!

Первым чувством была досада на себя — за то, что бездарно провел вчерашний вечер. Однако что-то подсказывало: он не виноват.

Что-то во всем этом было не так.

С трудом поднявшись, продолжая разминать онемевшую руку, Валери вышел в коридор. С отвращением продравшись сквозь ряды растений, хищно оживившихся при виде гостя, отыскал ванную комнату. Сбросил одежду — с не меньшим отвращением (спать одетым — тьфу!), забрался в душевую кабину. Чередовал горячую воду, почти кипяток, с холодной, пока не прояснилось в голове. Со смешанными чувствами (злорадство, сожаление, стыд) воспользовался Аниным белоснежным полотенцем, после смыв его и бросив на пол возле кабины.

Надевать повторно снятое с себя, несвежее было противно. Ему захотелось домой...

Как только Валери оказался в оранжерее, Аня подошла к нему сзади, бесшумно, словно вынырнула из зарослей.

— Кофе будешь?

Lucky обернулся. Аня стояла так близко, что можно было дотронуться рукой. На девушке был легкий льняной ретрокомбинезон цвета хаки. Судя по фотографиям, та-

кой же носила в юности его бабушка. За Аниной спиной из арки, ведущей в анфиладу комнат, выглядывала миловидная девочка-подросток в розовом платье. Девочка держала на руках упитанного карапуза.

— Кофе? Почему бы и нет, — выдавил он.

И подумал: на его щеках сейчас наверняка проступают алые пятна. Валери всегда покрывался пятнами, когда испытывал злость, досаду или просто чувствовал себя не в своей тарелке.

— Алиса, побудь с Ванечкой в детской, пожалуйста, — велела девочке Аня. — У меня важный разговор.

Девочка кивнула и бесшумно скрылась, и лишь карапуз, только что удивленно взиравший на него, выдал на прощание булькающую трель: «А-ди-дя-дя!»

— Ты ему понравился! — порадовала Аня.

Она улыбалась чему-то своему.

— Я вообще нравлюсь детям и женщинам, — машинально произнес Валери.

Следом за Аней он прошел на кухню и сел на диван у стены, положив руки на стол со столешницей из экостекла. Кухня была типовая. Здесь все соответствовало стандартам и вкусам среднего класса Полиса. Одна стена еще не отремонтирована, а только выровнена и покрыта белой шпатлевкой. В остальном же — денег сюда вбухано изрядно.

Кофе, как и полагается в богатых домах, заваривался и разливался без участия хозяйки дома. Роботоподобная приставка, по счастью, не интересовалась мнением гостя о крепости и температуре напитка и не декламировала рекламные стишки. Хоть этого чудачества «сильных мира сего» в Анькином доме не наблюдалось. Валери поймал себя на недобром чувстве и к «цветочному дому», и к его обитателям, включая эту куклу (и впрямь в Ане есть что-то кукольное). Он-то горбатится в своем концерне уже десять лет, а просвет едва брезжит в бетонном потолке, как небо между полосами Роудленты в погожие дни.

Где эти баре берут свою роскошь — точнее, бабло на нее?

Выпитый кофе вернул ему волю и разум. Аня примостилась напротив. Она сейчас напоминала кошку, которая вот-вот соскочит с табуретки и вскарабкается по отвесной стене. Глаза ее поблескивали.

— Что произошло вчера? — спокойно, даже холодно спросил он.

Аня улыбнулась так же спокойно и холодно:

— Кислородное перенасыщение. Такое бывает, ничего особенного.

— Со мной это впервые.

— Редко бываешь на природе.

— Не помню, когда был последний раз. Мне это неинтересно. Ты же помнишь, я ведь говорил, — он положил локти на стол и опустил подбородок на костяшки переплетенных пальцев, — я не люблю велосипедистов. Потому что я — водитель. Вся моя жизнь — это моя «тринити». Все остальное — фон, интерьер или временные помехи.

— Да. Ты — водитель, — Аня чуть заметно кивнула. — Кстати, сейчас разрабатывается Правительственное Постановление, касающееся категорий водителей-нарушителей, которых бесполезно просто лишать прав. Они будут подвергаться *трансмиссии*. Знаешь, что это такое?

Валери похолодел. В данной ситуации его, Везунка, «везение» было анекдотическим: он думал, что познакомился в клубной сауне со смазливой девчонкой, а сам впустил в свою жизнь сотрудника Ведомства, Название Которого Никто Не Произносит Вслух. Друзья высмеют его, если узнают.

Никто не будет смеяться.

Эти слова произнес противный скрипучий голос в его голове.

Никому не будет смешно, когда за тобой, самонадеянным идиотом, закроется дверь Ведомства...

Но что он сделал? Что *им* от него нужно? Почему именно *он*?

— Почему? Не догадываешься? — Аня улынулась.

Она читала его мысли.

— Смотри сюда.

Аня щелкнула пальцами, и панель стенного шкафчика плавно скользнула вниз, показав откидной планшет.

Легкие пальчики девушки забегали по сенсорным клавишам. Она ввела пароль в загоревшуюся фосфорно-белым строку и, когда экран засветился, развернула планшет к нему.

Подавшись вперед, Lucky замер. Ему показывали мультфильм.

Он увидел на экране свой автомобиль, летящий по траволатору за машиной «скорой помощи». Валери сглотнул. Тревога, копившаяся в последние дни, злость, излитая на секретаршу шефа, недотепу Олечку, беспокойство, испытанное им в сауне, когда мужики завели разговор об аварии, — все это интегрировалось вдруг, превратив красавца Везунка в комок страха.

Аня показывала ему реконструкцию аварии на Роудленте — настоящей, жуткой аварии, с разбитыми автомобилями и с погибшими людьми. И во всем этом кошмаре был виновен не кто-то, а он!

И пришло разоблачение...

— Клянусь, я... не знал об аварии, — прошептал он: голос пропал. — Не знал, что тогда, в понедельник... именно я послужил причиной...

— Конечно, не знал. Лихачи никогда не оглядываются назад.

Аня произнесла это беспощадно и резко, глаза ее сузились.

— И все-таки, — продолжала она, — в соответствии с законом, незнание о последствиях содеянного не освобождает преступника от ответственности.

— Но... проблесковый маячок... Мою «тринити» было не видно...

Вместо ответа Аня поставила на стол прозрачный куб.

В первый момент ему показалось что внутри куба копошатся...

Блохи?!

Существа были настолько мелкими, что он приблизил свое лицо к кубу вплотную, пытаясь разглядеть. Тогда Аня перевернула конструкцию. Другая стенка куба обладала увеличительным эффектом. Теперь *твари* были видны ему во всей красе.

— Это... насекомые? — жалобно спросил он, пытаясь побороть гадливое чувство.

Не отрыгнуть бы только что выпитый кофе на Анину светлую скатерть.

Аня молчала, посмеиваясь. И Валери вспомнил...

«Врожденный страх перед насекомыми, виденными только на картинках, является одной из самых сильных наших фобий, — говорил ему брат Мишка, уехавший на Сафари. — Этот ужас перед крошечными безобидными существами, будь то кровососущие насекомые или совсем безвредные, гораздо сильнее боязни хищных животных, несущих людям куда большую угрозу. И внятного объяснения этому нет».

— Не бойся. Они механические. Живых я и сама боюсь, — проговорила Аня, круговыми движениями поглаживая прозрачную стенку.

Валери понял, что она любит крошечными тварями.

— Зачем ты их принесла? Что это такое... Что вообще происходит? — пробормотал он, запинаясь.

— Это *щипачи*. Они помогли нам реконструировать твою машину, — Аня хихикнула.

Сейчас она была похожа не на обвинителя, а на девочку-школьницу, которая настойчиво и терпеливо объясняет урок отсталому тугодуму, позорищу Автошколы.

— Да как же они это сделали? — Валери почувствовал, что весь взмок.

— Как-как... Отщипнули... Не беспокойся, — перебила она сама себя, — совсем крошечный кусочек. Страховая тебе не понадобится.

Тебе вообще ничего больше не понадобится, — отчетливо и бесстрастно произнес в его голове тот же скрипучий голос.

— Но откуда они вообще взялись, эти твои щипачи? — жалобно спросил он. — С Луны прилетели, что ли?

— Мои! Это правда, — Аня просияла. — Это я их сделала!

— Но зачем? — взвыл он.

— Чтобы преодолеть свой страх перед насекомыми! Неужели непонятно? Чтобы заставить мой страх — всеобщий страх — служить людям. Наконец, затем, что тривиальный муравей, изобретенный Творцом, Всевышним, во сто крат совершенней самого крутого робота, придуманного человеком. Мои щипачи трудолюбивы, сильны, хватки... Они *безупречны*.

Валери почувствовал, как у него вспотели ладони, заколотилось сердце. В глазах потемнело... Вероятно, вот и они — предвестники *паники*, той самой беспощадной и неизлечимой паники, которая, по мнению ученых, страшней любого вируса...

Паническая атака, которой он никогда прежде не испытывал (как он этим гордился!), обрушивалась на него, подобно штормовой волне. Его мутило и подташнивало... Еще чуть-чуть, и разорвется сердце...

Преодолев себя, из последних сил он встал и попытался из кухни, налетев спиной на барную стойку.

— Пока сюда не прибыли *мои люди*, — услышал он спокойный, четкий голос, — ты успеешь осмотреть свою машину. Да, лучше удостоверься сам, что тебе не нужны услуги страховой. А впрочем, можешь не утруждать себя. В конце концов, если так встанет вопрос, получить выплату по страховке могут и твои наследники. Если сумеют доказать, что являются пострадавшей стороной.

При этих словах Валери подскочил, как будто на него плеснули кипятку, вылетел из кухни и понесся сквозь оранжерею, подгоняемый враждебными зелеными щупальцами-отростками. Он бежал, мыча и морщась от боли, даже не пытаясь уворачиваться от гибких побегов и ветвей, иссекавших его спину, руки, щеки. Анькин садик азартно изгонял беглеца и шумно радовался — или это ему казалось, что растения хохочут над ним?

В просторной прихожей, еле найдя нужную панель, за которой Анька прятала гостевую одежду, он схватил свою куртку и выбежал из квартиры.

Он бежал, как не бежал уже очень давно, задыхаясь и ритмично двигая руками. По пути споткнулся о прокатный самокат, но не догадался открыть приложение и арендовать его. Впрочем, это отняло бы у него драгоценное время.

Валери несся к парковке, и парковка, как наплывающий из полутьмы корабль, приближалась, росла на глазах.

Потом он ехал в лифте на пятый этаж. Задыхаясь, уже не бежал, а плелся к своей «тринити». Дохромал, опустился на четвереньки и принялся ощупывать внизу порожки, дверцы, бамперы...

Вот. Крошечная выбоина, немного корябает палец. Почти не видать...

«Дорожный щипач», почуяв в тот злополучный понедельник нарушителя на траволаторе, успел отщипнуть кое-что и прихватить с собой. Это был маленький — милли-

метра три в диаметре — фрагмент автомобильного порожка. Мини-осколок, которого полицейскому компьютеру вполне хватило, чтобы восстановить всю машину.

Остальное — уже детали. Сколько машин в промежуток с восьми до девяти утра проезжало по этому участку Роудленты? Десятки тысяч? Допустим. А сколько водителей оказалось на том же месте и в тот же час на огненно-красных автомобилях модели «тринити»?

Вероятнее всего, он один — Валерий Олегович Рошин. Lucky. ВОР.

Что ж, он и был теперь — «вор»: разоблаченный преступник, которого ждало возмездие.

И Lucky ударился в бега. Он вскочил в машину, включил зажигание и, с ходу выжав самую высокую скорость, понесся прочь, не беспокоясь о том, что с одной из соседних парковочных площадок может выезжать какой-нибудь тормоз, в которого он врежется. Покидая парковку, Lucky едва не снес шлагбаум.

Миновав пустырь, Валери выехал на трассу и втопил в сторону Роудленты, молясь о том, чтобы въезд не был заблокирован для него. Впрочем, блокировка не осуществляется без особой санкции, а он еще официально не перешел из разряда подозреваемых в разряд виновных. Так что шанс у него есть — но скорее всего, он последний. Отныне терять ему нечего.

6. ВЕЛОГОРОДОК

Crash и Clown

Кудрявый парень, вытащивший Лину из покореженной машины, проявился через неделю после суда.

— Лилиана Денисовна? Здравствуйте. Это Назар Тимофеевич. Мы с вами случайно встретились на дороге неделю назад.

— Здравствуйте! Знаете, а я ведь вас вспомнила, — проговорила Лина. — Там, на месте, и не поняла, что вы — это вы. Потом-то все утряслось в голове. В жизни вы совсем не такой, как на экране.

— Я часто это слышу.

Помолчали.

— Даже не спрашиваю, как дела, — наконец произнес Назар.

— Спасибо. Плохо.

— Понятно. Сочувствую вам.

Опять пауза.

Лина хотела сказать, что благодарна ему за поддержку, но не находила слов.

— Буду рад вытащить вас куда-нибудь.

— И я буду рада. Мне как раз вчера сняли швы с подбородка, — усмехнулась она. — И шина во рту почти не мешает. Я даже привыкла к ней. Только учтите: я теперь безлошадная.

— Ну, я же за вами заеду.

— Договорились.

Назар приехал через полчаса.

— Хочу предупредить, — сразу после приветствия сказала она, разместившись на переднем пассажирском сиденье, — что мое имя — Лилиана — мне не нравится. Родители постарались... Я — Лилиана, а мой брат — Леонард. Но нам всегда больше нравилось — Лина и Леня. Просто и по-свойски.

- Как скажете, Лина.
- Куда мы поедем? — поинтересовалась она.
- В местечко, где вы вряд ли когда-то бывали.
- Я уже заинтригована.

Она улыбнулась ему, но улыбка тут же погасла. Только что живая, заинтересованная, Лина вдруг почувствовала, что вновь куда-то проваливается...

Это нормально, подумала она. В такой серьезной беде еще долго будет «кидать». Не нужно быть психологом, чтобы самой понимать это.

Назар, казалось, тоже все понимал и потому не заговаривал с ней ни о суде, ни о последствиях аварии.

Машина еле ползла по третьему ярусу. Суббота — для кого-то рабочий, а для кого-то родительский день; в Социальных домах по субботам открыты двери.

- Вы очень жалеете, что проиграли выборы? — спросила Лина.

И поспешно добавила:

- Я не голосовала. Знаете, суд в тот же день... И чувствовала себя не очень...
- Все нормально. Собственно, я ведь вовсе и не рассчитывал на победу.
- Странная установка для того, кто баллотируется на пост губернатора, — изумилась она. — Тогда зачем это все?
- Как говорит мой друг Наум, раскачивание лодки — дело важное, самоценное. Она задумалась, стараясь вникнуть в сказанное. Потом заметила:
- Насколько я знаю, среди молодежи у вас много сторонников.
- На это мы и рассчитываем. Нужно быть в тренде именно у молодежи. Ведь за нею будущее.

— Но старшее поколение сделает все возможное, чтобы не уступить своих позиций, — произнесла Лина, разглядывая его профиль, упрямую нижнюю губу, кучерявую прядь волос надо лбом. — Вы рискуете потратить остаток своей молодости на борьбу неизвестно за что.

- Мне как раз понятно, за что мы боремся, — возразил Назар.

На дисплее замигал сигнал, и он поспешно произнес:

— Извините, Лина, должен отвлечься. Я вам не говорил, что я — волонтер в «пантическом чате»? Есть срочная работа.

Лина даже рот приоткрыла:

- Ох ты! Интересно как...
- Добрый день! Я — дежурный модератор, — в голосе Назара зазвучали новые для нее интонации. — Для вас — Юнг. Я с вами. Как я могу к вам обращаться?

Еле слышный, почти бесцветный голос девушки сообщил, что ее зовут Хадижат.

— Здравствуйте, Хадижат. Рад знакомству. Постарайтесь дышать глубже. Сегодня в паре со мной работает ассистент. Вы здесь, Кирилл?

— Я здесь! — пророкотал жизнерадостный мужской голос. — Я — новый лицензионный модератор в этом чате. Только я — не Кирилл. Мой ник — Адлер! Пока что работаю под прикрытием старины Юнга! Разрешите представиться: менеджер по продаже прикладного автооборудования, зарегистрированный паникер, паническая ремиссия — фанфары в студию! — восемь месяцев и тринадцать дней! Здравствуйте, Хадижат! Расскажите о себе. Судя по голосу, вы — молоденькая и хорошенькая.

— Я, — тихий нервный смешок, — мне двадцать три... Неделю назад на Дне водителя я сдала свой Экзамен... И... Ну, вы же знаете, там авария была... Я ее сама видела... У меня никогда раньше не было паники!

Вот тебе пожалуйста, с каким-то странным мрачным удовлетворением подумала Лина. Находи теперь повсюду свои разрушительные следы и мучайся. Терзайся чувством вины ровно столько, сколько проживешь!

— Спасибо за доверие, Хадижат, — заговорил Назар (подумал ли он о том же, о чем подумала Лина? Заметил ли ее редакцию? Вида не подал, во всяком случае). — У меня для вас хорошая новость: недавние панические атаки устраняются довольно легко. В скором времени вы можете вообще забыть о них. Как хорошо, что вы решились прийти в наш чат! Как вы себя чувствуете?

— Ладони потеют... Сердце колотится, — девушка всхлипнула. — Знаете, у меня дядя умер от сердечного приступа... Ему было всего тридцать семь...

— Мне очень жаль, Хадижат, что вам пришлось столкнуться с такой потерей. Но панический приступ безобиден для вас. Это подтверждается всевозможными медицинскими исследованиями...

— Мы все сочувствуем вашей утрате, — жизнерадостно и бодро зарокотал Кирилл. — Друзья, кто еще в нашем чате хочет поддержать нашу сестру Хадижат? Пожалуйста, не все сразу. Вот вы, молодая и красивая обладательница контрольта на линии ПЧ-293, представьтесь, пожалуйста...

Это же целая жизнь, поняла Лина. И, как выяснилось, не самая худшая. Паникеры, хоть и неудачники, все-таки объединены своим священным Правом — правом водить автомобиль. Эти люди полноценны. А она?..

Назар полуобернулся к Лине, легонько пожал ее руку, лежавшую на сиденье.

— Пожалуй, можно оставить Кирилла в свободном плавании. У него прекрасно получается, — тихо, в сторону от динамика, чтобы не услышали на линии, проговорил он. — Как ты думаешь?

Он так непосредственно и органично перешел на «ты».

— Я думаю, ты прав, — так же тихо отозвалась Лина. — Кирилл — парень способный, он справится.

Весь оставшийся путь они прекрасно обходились без паникерского чата.

— Это и есть — Велогородок? — Лина опустила стекло, прищурилась и выставила ладонь козырьком.

В городе с утра было довольно пасмурно. Здесь же, вопреки прогнозам синоптиков, сквозь густые ветви то тут, то там пробивалось солнце.

— Да. Один из Велогородков окраины нашего Полиса. Ты впервые в таком месте?

Машина двигалась по ровной асфальтированной дороге между коттеджей, украшенных разноцветными наличниками, веселых, как на картинках старых детских книжек. Они ехали медленно не из-за затора или пробки — машина Назара была на этой улице единственной, — а потому, что разрешенная скорость, судя по установленному на въезде знаку, не превышала двадцати километров в час.

— Конечно, впервые. Брат удивился бы, увидев меня здесь.

— Я думаю, теперь бы уже не удивился, — мягко сказал Назар.

Лина поняла, что он имел в виду, и кивнула:

— Да, наверное... Вообще он был бы рад, что я не плачу.

— Тебе идет улыбка.

Странно, но ей хотелось улыбаться! Лина даже не помнила, когда в последний раз ей было так легко. Может, когда они с братом детьми играли и дурачились?

Назар остановил машину у ворот, раскрашенных синими и белыми ромбиками.

— Какая интересная расцветка, — поразилась Лина. — Минимализм — и так круто смотрится! Кто твой дизайнер?

— Да какой там дизайнер, — засмеялся Назар. — Это все Анатолич, мой друг. Он живет пока у меня в гостевом домике, но собирается строить собственный дом. А сейчас у него просто есть время.

— А этот дом — твой?

— Со вчерашнего дня — да. Совершили сделку купли-продажи. Один из моих друзей, — Назар едва заметно запнулся, — *наших людей* давно выкупил здесь землю и построил несколько домов. Этот дом теперь — мой. Но я целый год его обживал, примерялся — смогу ли тут жить, потяну ли...

— А родители у тебя есть? — спросила Лина.

— Есть. Отец... К сожалению, он вряд ли когда-нибудь сюда приедет.

— Моя бабушка недавно призналась, что мечтает жить в Велогородке, — сказала Лина.

— Так привози ее пока погостить, — просто предложил Назар.

И тут же рассмеялся:

— Только не говори ей, кто я. Не будем портить отдых пожилой леди.

Лина тоже рассмеялась, но тут же посерьезнела.

— Моя бабушка не такая, — она произнесла это с гордостью.

В доме не было роботизированной техники. Лина сама ее терпеть не могла; осматриваясь, она улыбалась и одобрительно кивала.

— Тебе нравится здесь? — спросил Назар.

— Очень! И... столько книг! Есть даже книги твоего авторства...

— Из экобумаги, — подхватил он. — Я тоже противник вырубки леса. Хочешь что-нибудь перекусить?

— Спасибо, я не голодна. А вот от кофе не откажусь.

В этот момент, не раньше и не позже, открылась дверь, и на пороге появился лысый старичок. Он катил тележку с подносом, на котором стояли три чашки кофе и кувшинчик с безлактозным молоком.

— Познакомьтесь, — проговорил Назар. — Владислав Анатолевич, мой друг. А это Лина — теперь, надеюсь, тоже мой друг.

— Так это вы разрисовали ворота? — заулыбалась Лина, пожимая руку старичку. — Как профессиональный дизайнер выражаю вам одобрение.

— Ты слышал, Назар? Теперь у тебя есть свой личный дизайнер, — слегка картавя, проговорил Владислав Анатолевич. — Может, отпустишь уже старика на заслуженный отдых? Я бы садиком занялся.

— Как только построим тебе дом, разведешь себе в садике все, что душе угодно, — заверил Назар. — Я тоже с радостью поковыряюсь лопатой в самом натуральном черноземе — а уж его мы закажем тебе целый вагон!

— И я присоединюсь, — подхватила Лина. — Главное — пригласите как-нибудь в свой сад мою бабушку. Она мечтает по росе походить...

— Бабушку мы привезем на следующие выходные, — пообещал Назар.

Лине казалось, что все происходящее — старый, давно забытый счастливый сон. Она смотрела по сторонам и не узнавала привычные предметы, которые встречаются в каждом жилом помещении...

— А вы, ребята, к озеру поедете? — спросил Владислав Анатолевич, убирая со стола после кофепития и составляя чашки обратно на поднос.

Назар кивнул:

— Я как раз собирался предложить Лине небольшую прогулку.

У озера Лина не была с тех самых пор, как отдыхала в «райском уголке» с Денисом.

Во дворе она с удивлением наблюдала, как Назар вытаскивает из сарая два велосипеда.

— Пешком далековато, — пояснил он. — А на машинах у нас здесь не ездят — не принято. Приехал из города и загнал своего железного коня в стойло... в гараж.

— Понятно, — протянула Лина. — Вот только я не помню, когда каталась на велосипеде в последний раз. В детстве, кажется.

— Это поистине гениальное изобретение: едет само! — рассмеялся Назар. — Крути педали да удерживай равновесие. Через пять минут тебе покажется, что всю жизнь не расставалась с ним.

Так и вышло.

Они проезжали по улицам городка, по широким велосипедным дорожкам-многоколейкам. Периодически их обгоняли, кое-кто попадался навстречу. Это были и пешеходы, и люди на роликах и даже на каких-то досках с колесами. Им даже встретился человек, ловко кативший ногами одно большое колесо и удерживавший равновесие!

Лина только и успевала крутить головой. Казалось, ей никогда не надоест рассматривать и окружающих людей, и разноцветные коттеджи по сторонам дороги.

Потом была пологая, но извилистая длинная горка. Асфальт наконец закончился. Вниз, к озеру шла не столько дорога, сколько широкая земляная тропа с переплетениями корней, высывающих из-под земли свои змеевидные отростки. Сосновый лес вокруг, упоительный аромат сырой земли и хвои, пьянящий чистый воздух...

Лина продержалась довольно долго: голова закружилась только на двадцатой минуте. Назар, который постоянно оглядывался, проверял, не отстала ли девушка, сразу это почувствовал и предложил пройти пешком. Дальше до самого озера они шли рядом, чуть касаясь друг друга локтями, а велосипеды, которые Назар поставил на автоматический режим, катились сами по себе.

Назар рассказывал Лине о Велогородке. Это было историческое курортное место. Когда-то здесь стояли с транспарантами старики, требующие остановить вырубку соснового леса. Они загораживали путь строительной (правильнее сказать — разрушительной) технике и стояли сутками. Некоторые даже умирали на своем посту...

— Удивительная история, — заметила Лина. — И ведь об этом наверняка не знает почти никто из наших сверстников!

— Знают немногие, это верно. Кстати, раньше — когда-то очень давно — тут находился писательский поселок.

— Мой дедушка был писателем, — сказала Лина. — Домочадцы считают, что я вся в него: «личность творческая».

— А произведения дедушки у тебя сохранились? — заинтересовался Назар. — Не скажу, что я большой знаток литературы Догуманистической эпохи, но в последнее время стараюсь восполнять пробелы.

— Сохранились. У бабушки целая полка его восстановленных книг. Ты ведь, если я правильно поняла, предпочитаешь книги? Все, что он написал, существует в оцифрованном виде.

— Это правда: я люблю книги, — кивнул Назар. — А еще — живую природу и старые вещи.

— Вот в этом вы схожи с моей бабушкой, — заметила Лина. — Но мы, кажется, пришли... Ух ты!..

Возглас вырвался непроизвольно. Лина остановилась, пораженная открывшимся видом.

Они спустились к самому берегу озера. Начиная закат. Вода частично окрасилась алым, над ее поверхностью целым облачком висела мелкая мошка.

— Предупреждаю: в первый раз тебя могут немилосердно покусать, — проговорил Назар. — Надеюсь, ты не аллергик?

В его руке появился небольшой флакон.

— Это — спрей для отпугивания кровососущих, — пояснил он.

Лина пожала плечами:

— Аллергии пока не замечала. Впрочем, сейчас мы это выясним.

И Назар опрыскал ее, а также свои плечи, руки и ноги пахучей бесцветной жидкостью.

— Жаль, что сейчас уже не искупаться — не сезон. Но ты, надеюсь, не последний раз здесь, так что возможность еще будет.

Не в последний раз, подумала Лина, и даже зажмурилась.

Я обязательно искупаюсь в настоящем озере.

У нее опять закружилась голова. Старая кривая сосна, как с картинки из детской книжки со сказками, нависала над обрывом. Ее лапы распластались над самым озером, а корни, похожие на старческие ступни, омывались водой.

Лина узнала место.

— Здесь фотографировались мои дедушка и бабушка, — проговорила она, оглядываясь, все еще не веря; происходящее все больше напоминало уже когда-то виденный, но давно забытый сон. — Да-да, я узнаю эту сосну, этот спуск к воде... У моей бабушки есть старая фотография... Я ведь художник. Я умею *видеть* и запечатлеть. На свете нет, не может быть второй такой сосны!

Назар подошел и встал рядом, чтобы оценить ту же панораму, которая открылась перед девушкой, в том же ракурсе.

— Я думаю, ты не ошибаешься, — медленно произнес он. — Более того — уверен: это то самое место. Я полностью доверяю твоему художественному чутью. Твой дедушка мог арендовать здесь дачу. Они с твоей бабушкой приезжали к этому озеру. На велосипедах, как мы с тобой. Возможно, и вас с братом маленьких привозили.

— Нет, мы с братом не застали дедушку. Он был намного старше бабушки. Даже папа его плохо запомнил. С тех пор, как дедушка ушел, бабушка никогда не навещала места, где они были счастливы.

Они помолчали.

— В те времена поселок носил другое имя. Сейчас это просто — Велогородок...

— Комары пробуют меня на вкус, — заметила Лина. — Это довольно-таки противно и щекотно.

— Давай еще побрызгаю, — предложил Назар. — Сейчас уже не производят спреи от укусов насекомых. За десятилетия эта штука могла растерять свои целебные качества.

Они стояли у озера, наблюдая, как оранжевый закат разливается по воде.

— Твой дедушка — служитель бумажной книги, — произнес Назар, нарушив молчание. — Удивительно! Ты должна чувствовать свою избранность...

Лина только вздохнула. Ее глаза все еще были мокрыми. Потрясение оказалось слишком сильным.

— Кстати, ты знаешь, что когда происходило изъятие бумажных книг, кое-какие не были восстановлены в синтетическом виде? В первую очередь это касалось книг по истории. Если вопросы, ответы на которые ты никогда не получишь в вездесущем Меганете, не найдешь в Циклопедии.

— Интересно... Где черпаешь знания? Из каких источников?

— Некоторые старые книги, которые подлежали уничтожению, удалось спасти. Они есть, существуют даже потайные хранилища книг. Когда-нибудь я познакомлю тебя с ними.

— А кто спасал эти книги? Ведь это настоящие смельчаки...

— Это самые обычные люди. Просто они застали другой мир — не тот, который знаем мы, — и всеми силами пытались сохранить память о том мире для нас. Пока живы старые люди, Хранители Правды, жива и история. Кстати, восстановление утраченной информации — одно из поисковых направлений нашей партии велосипедистов.

Лина долго молчала.

— Наверное, мой брат тебя бы не понял, — наконец проговорила она.

— Поймет рано или поздно, — усмехнулся Назар. — Все-таки он — твой брат, и его дед был писателем. Он не самый обычный современный человек.

«Ох, не скоро это произойдет...» — подумала Лина.

Они сидели у самого озера, прямо на корнях большой раскидистой старой сосны. Лина наклонилась и, удивляясь необыкновенным ощущениям, полоскала кисти в воде. Пальцы уже озябли, но она этого не замечала.

— Удивительно, — проговорил Назар. — Еще неделю назад мы и не знали о существовании друг друга.

— Что? — Лина расхохоталась. — Ну, понятно, я не такая величина. Но ты — другое дело...

— Ты не знала *меня*, — возразил он серьезно. — Так, какой-то кудрявый клоун, шут...

Лина почувствовала, что краснеет.

Назар обнял ее за плечи.

— Не будем лукавить — таким меня воспринимает большинство уважаемых граждан Полиса, — по голосу Лина поняла, что он улыбается.

Она бы вечность сидела вот так рядом с ним.

— Между прочим, — призналась Лина, — у меня прозвище еще обиднее.

— Какое?

— Женщина-катастрофа. Crash...

Назар отстранился, взглянул на Лину — нарочито внимательно, с хитринкой во взгляде:

— И кто тебя так прозвал, если не секрет?

— Бывший... Еще ведьмачкой меня называл.

Они оба засмеялись и, не сговариваясь, потянулись друг к другу. Назар спрятал замерзшие Линыны руки под своей джинсовой курткой, у себя на груди.

— Дурак твой бывший, — подвел итог. — И «катастрофа» — тоже он.

И добавил:

— Хотя насчет «ведьмачки» спорить не стану...

Поцелуй был настолько естественным, как будто они вместе очень, очень давно.

— А ведь мы — почти идеальная пара для классического молодежного ужастика, — заметила Лина.

Его куртка уже перекочевала ей на плечи; было тепло и уютно — то ли от куртки, то ли от его руки, гладившей ее спину.

Она хотела пояснить, но Назар перебил:

— Нет, не идеальная! В финале классического ужастика остаются в живых Шут и Девственница. А мы с тобой — Clown и Crush. Прости, но тебя по сюжету убивают чуть ли не самой первой.

— Нет, вначале убивают Блудницу. Для меня в хорроре роли нет... Не знала, что ты смотришь ужастики, — поразилась Лина.

— У меня их целая коллекция, — похвастался Назар. — Нам предстоят долгие счастливые вечера за просмотром... Когда поднадоедим друг другу.

Комары с наступлением вечера уже чувствовали себя полноправными хозяевами на берегу, и спрей на них совершенно не действовал.

— Может, вернемся в дом? — предложил Назар. — В качестве «гостеприимного хозяина» я, конечно, разгильдяй. Но надеюсь, Анатолич все понимает и ждет нас с ужином.

— Пойдем, — улыбнулась Лина.

Жизнь, как вторично подброшенная монетка, перевернулась в воздухе и упала на пол — наконец-то «счастливой» стороной.

ЭПИЛОГ

Восьмой ярус

...Миновав пустырь, Валери выехал на трассу и втопил в сторону Роудленты, молясь о том, чтобы въезд не был заблокирован для него. Впрочем, блокировка не осуществляется без особой санкции, а он еще официально не перешел из разряда подозреваемых в разряд виновных. Так что шанс у него есть — но, скорее всего, он последний. Отныне терять ему нечего...

Валери чуть было не въехал на третий ярус, когда вдруг пришла мысль: почему это он должен соблюдать закон о водительских разграничениях? Он-то теперь вне закона. Рассудив так, он двинул напрямик на седьмой...

...И не заметил, как свернул не туда.

Что это за развилка? Ее никогда здесь не было. Он бы мог поручиться... Машина неслась по несуществующему ярусу — тому самому, о котором нельзя говорить вслух. Если он завтра расскажет в клубе, что гонял по восьмому ярусу, и его услышит кто-то вроде Аньки (Валери передернуло), — он получит тюремный срок за *фейк*.

«Какой еще клуб?» — фыркнул у него в голове ехидный голос. Вероятно, «внутренний контролер», следивший, чтобы Луску всегда был в «активном образе». Или, может, внедренный наблюдатель из ВНКННПВ?! «Какой еще клуб? Размечтался! Превратная жизнь тебе больше не светит...»

От этой мысли стало тоскливо, зануло в животе.

Валери завертел головой, выискивая указатель: где бы съехать? Развернуться?.. Никакого указателя. И дорога совершенно свободна. Он никогда не видел пустого дорожного полотна. Никогда, разве что в ретрофильмах. Впрочем, старые фильмы Валери, ненавидевший ретро, давным-давно не смотрел.

Он беспрепятственно мчался по восьмому ярусу — и это был не сон!

Легкая маневренная «тринити», как спокойная до поры до времени лошадка, вырвавшаяся вперед в заезде и почуявшая простор, летела, словно неуправляемая, освободившаяся из-под контроля, впервые осознавшая, что у нее есть *скорость*.

Валери вдавило в спинку кресла. Голова кружилась, как в детстве, когда он катался на опасных горках, по которым вагонетки неслись частично вверх тормашками, переворачивая вниз головами вопящих и визжащих от восторга пассажиров... Дорога уходила вверх, круто заворачиваясь, приобретая форму быстро сужающейся спирали. А там — что там?

Недостижимая синева замаячила перед ним. Он видел открытое небо — маленькое окошечко в небо, там, где заканчивалась дорога... Где заканчивалось все.

Луску почувствовал щекочущий страх, который, впрочем, быстро растворился в пьянящей радости свободы. Панические симптомы, пережитые в Аниной оранжерее, не беспокоили его больше. Только по-прежнему кружилась голова от скорости и высоты.

«Самоубийство, — кто-то вновь заговорил у него в голове; на этот раз голос был тихим, безжизненно-серым. — Это конец».

— И плевать! — выкрикнул Валери, распаленный, перевозбужденный. — Пусть все катится к черту!

Он врубил громче музыку, заорал: «Йо-хо!» — и до предела увеличил скорость. Машина неслась, быстрая, легкая и никем не отслеживаемая, летела в иное измерение, доступное только ему, Lucky...

Сколько он мчался? Пять минут, полчаса или вечность? Валери и сам не знал. Чувство времени напрочь оставило его. Может быть, подумал он, я и впрямь угодил в Бесконечность, и начался мой собственный отсчет времени, — точнее, никакого времени больше нет? Так и буду теперь крутиться по радиусу закольцованной автодороги живым перпетуум-мобиле...

Если же это моя форма загробной жизни, то я, пожалуй, согласен целую Вечность мчаться на моей «тринити». Без всякой цели, без пункта назначения — полет ради полета. Вот моя универсальная форма бытия!

Он говорил так сам себе и хорохорился, мысленно попрощавшись уже с жизнью. Вот только... *дорога не закончилась*. Наоборот, она выровнялась и расширилась. Исчез высокий барьер, разделяющий встречные полосы, а над головой синело чистое ясное небо!

Lucky никогда прежде не видел такого неба — живую, а не на экране. Подчиняясь неожиданно возникшему импульсу, он открыл водительское окно, и опьяняющий свежий воздух хлынул в салон. Валери с опаской глубоко вдохнул, поперхнулся и закашлялся.

Справа то и дело мелькали технические островки, указывавшие на то, что дорога используется. На островках виднелись роботизированные заправки и станции техобслуживания; один раз он проехал мимо ангара с надписью «Быстро». А потом дорога пошла вниз, и головокружение исчезло. Голова была ясной, ощущения обострились, как никогда: на него цветистой какофонией обрушились запахи и краски. Сглажены были только звуки. Здесь изначально было очень тихо, и только его «тринити», ворвавшись в молочно-нежную тишину, своим ревом нарушила спокойствие открывшегося ему простора.

Слева пронеслась лесополоса, которая затем сменилась редколесьем, переходящим в луг. Валери поспешил закрыть окно и включить внутреннюю вентиляцию: вспомнилось удушье, пережитое в Аниной квартире. Дитя Полиса, обитатель бетонной коробки, он плохо переносил ароматы растений.

Вскоре по пути стала попадаться военная техника — бронетранспортеры и танки, близ которых слонялись молодые парни в военной форме. Они курили, играли в футбол, разбредались группками и что-то обсуждали; тут четверо валяются на траве, там разбились по двое, а тут собралась большая толпа, и кто-то в центре, кого не видно из-за спин, рассказывает, судя по реакции компании, что-то смешное. То там, то здесь торчали разобранные палатки, валялись рюкзаки, котелки, планшеты и другие предметы быта.

Валери ехал мимо лагеря не меньше двадцати минут. Он видел, что на него обратили внимания, но никто его не останавливал. Он беспрепятственно пронесся мимо. Мысли хаотично крутились в голове. Недавно прошел военный призыв — значит, эти ребята...

Значит, есть что и от кого охранять, подумал Валери. От этой мысли стал не по себе. Что находится там, куда он несется? Впрочем, успокоил себя Lucky, если бы существовала настоящая угроза, призывники не выглядели бы такими... расслабленными.

Все выглядело совершенно не так, как он предполагал... то есть мог бы предположить, если бы обладал развитым воображением. Но воображением Валери не отли-

чался. Он был *человеком действия*. Нормальным современным человеком, любившим свободу и скорость чуть больше других.

Он пришел в этот мир, чтобы стать отчаянным гонщиком. Но сейчас ему сделалось страшно. В голове хаотично закрутилось все, что он где-либо читал или слышал, в том числе и от фейкогонов...

Однако фейкогоны никогда здесь не были. А он — добрался.

Существовал единственный выход: доехать до конца маршрута. И Валери мчался все дальше и дальше.

...Небо потемнело и как будто съежилось, собралось над ним скомканым покрывалом. По лобовому стеклу застучали крупные капли. Дождь, поначалу слабый, постепенно усиливался; через десять минут уже вода сплошной стеной низвергалась с небес на одинокое красное авто, летящее по дороге. Он ничего не видел перед собой и ехал наугад, включив аварийные огни — на всякий случай, вдруг еще кто-то, еще один беглый гонщик каким-то чудом разделит с ним свободную полосу, материализовавшись ниоткуда... Он слышал шум ливня, видел прорывавшие бурные облака короткие молнии и молился, как умел (в действительности — не умел никак), чтобы *это* поскорее закончилось...

И вдруг — резко посветлело, дождь поуспокоился, и уже вновь одинокие капли барабанили по крыше и капоту. Небо расчистилось, порозовело — казалось, это произошло мгновенно, у него на глазах, — и нежная, нереальная, как с картинки, радуга триумфальной аркой засияла перед ним!

И Валери въехал под арку...

«Тринити» неслась, сама подобная молнии, рассекая сгустившийся после дождя влажный воздух. Валери, повинясь все тому же порыву, что и час (месяц? год? вечность?) назад, открыл окно, и тяжелый, волнующий запах дождя ворвался в салон. Ему брызнуло в лицо, и он зажмурился... В голову пришла необычная, дикая мысль: остановиться, выйти из машины, постоять, ловя губами дождевые капли, наклонить голову, подставить дождю темя, чувствовать, как теплая, живая (нефильтрованная!) вода стекает за шиворот... Что за глупость, тут же осадил он себя, на ярусе нельзя останавливаться... если, конечно, не произошло ЧП...

И тут же осознал: нет больше никакого яруса. Он давно уже едет по обычной загородной дороге, и слева от него — отделенная прерывистой линией встречная полоса, справа — земляная обочина, а дальше — поле с симметричными бороздами, неглубокий овраг, покрытый разноцветьем, нежно-голубая лента настоящей реки, угрюмый лесной массив вдали...

Он куда-то пробился. *Это и есть другое измерение?*

Валери остановил машину. Вышел, постоял под слабеющим дождем. Застонал от неожиданного блаженства, когда на его горячий затылок пролилась тонкая прохладная струйка. «Мозг вскипел... Сейчас пар пойдет», — подумал он. И сам поразился: так давно не пытался он шутить, хохмить, поддевать кого-то или иронизировать над собой, таким напряженным и злым он был...

Он вернулся в машину и двинулся дальше.

Вдоль дороги уже попадались столбы электропередач — допотопные, он таких никогда и не видел. Вдалеке, в перспективе, между оврагом и лесом, обозначились маленькие смешные домишки. Целое поселение... Впрочем, с такого расстояния и не скажешь, жилые ли они.

Валери вдруг подумал о своей жизни. Сегодня суббота, День выборов, а он даже не проголосовал. Впервые за свою жизнь! И ему было все равно, кого в его мире изберут губернатором — даже если это окажется кудрявый клоун-эколог...

Все, чем он жил — спортивный клуб, девушки, похожие на Аню, Концерн продвинутых коучей, в котором он делал карьеру, — отодвинулось, как будто он уже давно был к этому не причастен. Валери продолжал свою поездку, решив даже не думать о том, чем она завершится.

Вдалеке у столба мелькнула темная фигура. Подъехав поближе, он увидел грузную старую женщину в допотопном, из прошлого века, не по сезону теплом пальто и в черном платке. Старая женщина стояла неподвижно. В руке она держала фанерную табличку с аккуратно выведенной надписью: «К храму Спасения Заблудших Душ». Валери, повинувшись очередному импульсу, остановился. Женщина неспешно подошла, открыла дверцу и забралась в машину.

— Спаси Господь, сынок, — кротко проговорила она.

— Далеко вам? — спросил он, отъезжая от обочины.

— Я скажу, где остановиться, — она махнула рукой.

Помолчав, добавила:

— До храма я иду. Праздник ведь сегодня.

— Какой? — поинтересовался Валери.

— Петра и Павла! А какой же еще, — отозвалась она строго.

Валери почему-то стало стыдно, что он не знает.

То, что женщина никак не прокомментировала появление на проселочной дороге роскошной спортивной машины (какой она наверняка сроду не видала), его почти не удивило. В этом мире все было иначе, нежели в центральном Полисе.

— Скажите, бабушка, что это за место? — Валери решил, коли Бог послал ему попутчицу, попытаться хотя бы выяснить, где он находится. — Южный край?

На окраине Полиса он никогда еще не бывал — с тех самых пор, как существует Полис.

— Это Боровики, сынок, — спокойно отвечала женщина. — А вон там, впереди, где огонечки, — то Макаровка.

Валери ничего не понял, но глубокомысленно кивнул.

Дальше ехали молча. Примерно через десять минут попутчица произнесла:

— А мне вот тут...

Поблизости не было никакого жилья, не было ничего. Только высоченная трава у обочины с проглядывавшими среди зеленых стеблей яркими синими цветами.

Валери остановил машину.

— У меня вот, мелочью только, — женщина полезла в карман пальто, позвенела там чем-то, а затем протянула ему темную шершавую ладонь, на которой россыпью лежали монетки.

— Что вы, не надо! — испугался Валери.

Он во все глаза смотрел на горстку настоящих монет. В Полисе наличные деньги не были в ходу уже несколько десятилетий...

Попутчица чуть улыбнулась, спрятала монетки в тот же бездонный карман и открыла дверцу. Перед тем как выбраться наружу, посмотрела на него выцветшими глазами.

— Храни тебя Бог, сыночек, — спокойно проговорила. — Как твое имя? За кого молиться?

— Валерий, — ответил он.

Его вдруг пробил дрожь. Вдруг показалось, что она знает о нем все то, чего не знает ни одна живая душа...

Попутчица кивнула и молча вышла.

Вокруг не было ни жилья, ни даже столбов. Валери, как ни всматривался, не смог различить за редкими деревцами ничего похожего на церковь. Старая женщина перебралась через кювет и почти по пояс скрылась в густой траве. Потом вынырнула: живая изгородь из высоких трав закончилась. Женщина уходила полем, наискосок, туда, где виднелся хлипкий мостик через речку.

Валери проехал метров сто, прежде чем увидел вдаль, за рощицей белую церковь с золотыми куполами. «Ей же минут сорок до нее идти!» Он всмотрелся: женщина исчезла, как будто растворилась прямо посреди поля...

Ему вдруг захотелось заплакать. Почему-то стало жаль свою собственную мать, угрюмую молчаливую старуху. Мишка — на Сафари, он — неизвестно где, а мать там — одна...

В главную дорогу, по которой неслась его «тринити», вливались периферические дороги и тропы. Изредка перед ним пристраивались машины. Наконец справа выехал старый автобус, кривобокий и с выхлопом (Валери глазам своим не поверил), и теперь двигался впереди на невысокой скорости, заставив и его подстраиваться под свой черепаший темп. Это было досадно. Водитель к тому же, казалось, никуда не торопился: он останавливался почти у каждого столба — вдоль дороги начали появляться голосующие люди — и подсаживал попутчиков или просто перекидывался с ними репликами:

— Ленка, ты кого тут выжидаешь, а?

— Да жених мой должен подъехать, спирта и сала для мамы привезти (Ленка была немолодой неопрятной бабой, но она так лукаво поглядывала на толстяка водителя, так стреляла глазами, словно и впрямь считала себя молодожавой красавицей — и «жених» ведь имелся!).

— А я думал, ты меня ждешь!

— Опоздал, Славка. Ой, опоздал...

Водитель посмеивался, щипал Ленку за складчатый бок и ехал дальше, но тормозил в пятидесяти метрах от Ленки, у навеса, где его поджидал молодой парень с огромной корзиной грибов.

— Дядь Слав, передай в Нахаловку тетя Нине!

— Ладно, Колька, заноси. Да поставь лучше вперед, а то позади подбрасывает, там твоё добро опрокинётся.

— Хорошо, дядь Слав. Я тебе доверяю.

— Чудной ты, ей-богу! Я их что, прямо сырыми съем? И без пива...

Валери поймал себя на том, что без раздражения, с интересом рассматривает этих людей, прислушивается к их незатейливым разговорам. Казалось, водитель автобуса знал каждого сельского жителя в этом районе, а все жители знали его. Ему постоянно что-то передавали: «Теплый свитер для Ани», «Сверла для Тимофея», — и что-то у него забирали, он кого-то подсаживал и высаживал, и просто останавливался потрепаться, и однажды даже перекурил, застряв на три минуты посреди дороги, пока какая-то Сима жаловалась ему на свою невестку...

После Дмитровки (Валери уже начал замечать и отслеживать дорожные указатели) автобус свернул, и можно было вновь прибавить скорость. «Где бы я ни находился, — думал Луску, — но здесь прикольно...»

У деревни Журавли он съехал с бетонки и, раздевшись до «боксеров», выкупался в маленьком илистом озерце. Неподалеку от него плескалась молодая баба с малым ребятенком (когда баба вышла из воды, то, к восторженному ужасу Валери, оказалась соблазнительно фигуристой и совершенно голой; ребяенок тоже был наг, но он был

мальчик, и Валери своим видом не смушал). Чуть поодаль отфыркивалась и отряхивалась в воде ошалевшая от жары беспородная собака.

После купания, когда прошли озноб и мурашки и почти высохли «боксеры» под брюками (он по-прежнему был в офисном костюме — так и не успел переодеться в пижаму, сразу после работы отправился к Ане), Валери повеселел и окончательно расслабился. За Журавлями он наведалься в поле и снял с соломенного пугала неплохие, хоть и сильно рваные голубые хлопчатобумажные джинсы и растянутую майку с выцветшей остроумной надписью: «My wife has a drinking problem: me!», а пугало нарядил в офисный костюм, сунув ему под мышку свой кожаный портфель с пластиковой раздаткой для тренинга продаж коучинга коучам. В понедельник он должен был проводить этот тренинг в одном из филиалов, однако чутье подсказывало Везунку, что мероприятие не состоится.

В последний момент, спохватившись, выдернул из портфеля бутылку красного сухого вина, которое вез Ане, и переложил в бардачок машины. Где бы ни застал его вечер — но все-таки вечер наступит, и будет ужин (где и с кем?), и будет вино на столе... Или на лужайке под открытым небом. Кто знает...

Дальше ехал с открытым окном, вдыхая цветочные ароматы и подставляя лицо ветерку. Голова больше не кружилась. От запаха растений он уже прочихался как следует. На душе было спокойно и легко. Куда он едет, как сложится его дальнейшая судьба, попытаются ли его догнать и вернуть и что с ним сделают в Полисе, если поймут? Валери не задавался больше этими вопросами. Да и другими — тоже...

Дорога сейчас была пустынна. Впереди маячил неописуемой красоты пейзаж: горы, озера, разбросанные на больших расстояниях друг от друга маленькие городки... Какой городок выбрать? Или, наоборот, населенный пункт выберет его?

И вдруг далеко впереди мелькнула крошечная фигурка велосипедиста — и почти сразу же скрылась за холмом.

Валери стало трудно дышать. Он открыл и правое окно, чтобы ветер насквозь продувал салон. Машина взлетела на холм, и Луску понял, что велосипедиста он нагонит примерно через три минуты.

Мокрый от пота, с колотящимся сердцем, он, однако, и не думал снижать скорость и быстро поравнялся с велосипедистом. Теперь Валери в деталях мог рассмотреть человека, едущего по обочине. На нем были старая шляпа с обвисшими полями и пиджак, надетый на майку. Велосипедист повернул голову, и Валери увидел худое желтое лицо, впалые щеки, провал тонкогубого рта и маленькие слезящиеся глаза. Почти минуту они смотрели друг на друга. Затем человек в шляпе равнодушно отвел взгляд и с громоханием, которое издавала ржавая цепь старенького велосипеда, продолжил свой путь. Дорога опять пошла в гору, и велосипедисту пришлось пригнуться и сильнее давить на педали, чтобы одолеть крутой подъем.

Валери посмотрел ему вслед, а затем, не раздумывая, вдруг свернул с шоссе направо — туда, где в траве прорезались колеи тихой неасфальтированной дороги.

«Отрада» — прочитал он на деревянном указателе название населенного пункта. Ему это подходило.